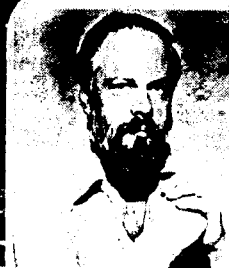


# ЛАВКА ФАНТАСТИКИ №1 2000



Филип К.  
**ДИК**  
*философское  
эссе*  
«Космогония  
и  
космология»

Стр. 28



Станислав  
**ЛЕМ:**  
«Не нужна  
мне эта  
«Нобелевка»!...

Стр. 51



История  
советской  
фантастики:  
версия  
Геннадия  
**ПРАШКЕВИЧА.**

Стр. 37

# ЛАВКА ФАНТАСТИКИ • №1 (5) • 1999

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

## СОДЕРЖАНИЕ

### ПРОЗА

В. ЗАПОЛЬСКИХ. Два одиночества. Рассказ	2
О. ОВЧИННИКОВ. Слепой бог с десятью пальцами. Рассказ	6
С. ГИМАДЕЕВ. Принцип четности. Роман. Окончание	11

### ФЭН-ШТУДИИ

Н.МАРКАЛОВА. Гарпующие реальности Филиппа К. Дика	26
Ф.К.ДИК. Космогония и космология	28

### ХРОНОСКОП

Г. ПРАШКЕВИЧ. Адское пламя. Комментарий к неизданной Антологии	37
--	----

### ТАМ-СЯМ ИЗДАТ

Рецензии на книги С. Лукьяненко, Д. Симмонса, А. Сапковского	36, 55
--	--------

### БЛУЖДАЮЩАЯ МАСКА

Новости со съемочных площадок	36
Не верь своим глазам... Рецензия на фильм «Матрица»	55

### КУРЬЕР

«Странник» - 99.	10
------------------	----



Издатель и редактор:

Вячеслав Запольских.

Верстка:

Надежда Маркалова.

Художники:

Константин Кунцов,

Надежда Караваева.

Адрес для переписки:

614039, Пермь,

Комсомольский проспект, 63-9.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция не берет на себя обязательств по рецензированию всех присланных книг.

Журнал зарегистрирован 25 ноября 1997 г. в Уральском региональном Управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о средствах массовой информации. Свидетельство № Е-2377.

Цена свободная.

© «Лавка фантастики», 1999.



Привратница сжегивала с визитки гостя персональные сведения на сервер и одновременно выбирала одного из свободных экскурсоводов. Кроме прочего, в визитке стояло: доктор философии. Конечно, означать это могло все, что угодно, кроме того, что пришел доктор медицины. Личный счет мизерный, но потенциальная кредитоспособность чуть ли не астрономическая: значит, со множеством разных существенных людей находится не просто в хороших, а в доверительных отношениях. Хотя частота упоминания ФИО в СМИ, как обратил внимание сервер, - 4 случая за 47 прожитых лет. Реноме «серого кардинала» окончательно губил безвкусный костюм с претензией на классичность, хоть сравнительно новый на вид, но уже изрядно пострадавший от неловкой носки.

- Вас что интересует-то? — вынуждена была спросить привратница. — Материаловедение, биология, информационные системы?

- Да все понемножку... и в целом, - робко, как показалось привратнице, ответил визитер.

Но многолетний опыт бдительности не позволил картинно бодрой старушенции с демонстративным визаньем на коленях послать его по истоптанному маршруту праздничнобозначательных пескостей коммерции. Сбросив две изнаючные и подцепив лицензию, старушка пробурчала: «Сам не знай, чего надо, и чего ходят» почти в телепатическом диапазоне, позволяя мужчине не расслышать, и тут же лицемерной суетливостью принялась компенсировать свою классическую пенсионерскую неласковость:

- Сейчас мы вам найдем девоньку помоложе, пошустрее, ваше дело будет от нас не отставать...

Отложив недовязанный джемпер в поперечную черно-белую полоску, что говорило о наследственных пиратских наклонностях внука, привратница потыкала в кнопки матюгальника внутренней связи, и с вокзальной размеренностью продекламировала:

- Ало. Ало. Вас просят. Пройти. В фойе. Мужчина дожидается.

Мужчина бросил взгляд в сторону входной шеренги дверей из тонированного стекла (семь из восьми створок приговорены каторжными кандалами к вечному затворничеству) и переступил с ноги на ногу. Неловко так переступил, покатыми плечами ознобно тряхнув. На лице его нарисовалось отвращение, по

сведенным губам и рыскающему носу соскальзывающее в гадливость.

- Самая бойкая и грамотная вам сейчас будет, - обнадежила привратница, уминая на коленях комок шерстяного рукоделья, удачно маскирующего набрякшую под теплой старушечьей кофтой килу — а на самом деле кобуру с лазерным пистолетом.

Шустренькая, молоденькая. Как же. И не девчонку-экскурсоводшу вызвала привратница к входу, а саму мепеджмент-леди, чье слово здесь второе после самого председателя совета директоров, да и в совете не последнее. Вот уже скользнула в недораскрывшуюся створку, струится по ступенькам, взбивая коленями пенистую юбку, плечи откинuty назад, шаг гибок, шаг с бедра. Фосфоресцирующий медальончик в декольте то выпрыгнет из нежного межхолмия, то юркнет в потайную невидимость, приглашая за собой хоть взглядом. «Так его, бобника», - за телепатическим порогом хмыкнула привратница.

- Добрый день! — ладонь взлетела и изогнулась изысканно, уронив гроздь тасящих лаком ногтей почти отвесно вниз. — Меня зовут Матриона.

Тут по челу посетителя должны были порскнуть лучики замешательства, а потом расплзлись морщинками благодарного узнавания: помню, смотрел ведь, девушка-киборг из спецназа, в прыжке из подбитой «вертушки» садит последний гранатометный выстрел в подбашенную узость взбесившегося экспериментального роботака, а потом Ялта, ночное побережье, шест оборочек прибора и воланов эротического белья... Двадцать четыре гиперрейтинговые серии.

Мужчина стоял столбом, не подавая руки. Наконец, вздрогнул и начал беспомощно падать лицом вперед. Успел мазнуть перед собой ладонью, будто отгонял привидевшуюся нежить, — и вдруг падение в самой отчаянной фазе превратилось в совершенно мушкетерское, небрежно-обольщающее колесополюпреклонение, с подхватом ручки и целованием воздуха над нею в двух предписанных коммифотностью сантиметрах. После чего последовал балетный отскок, и мужчина с изумлением взглянул на собственные руки и ноги.

- Кисни, - тон его был предательски высок и падтреснут. Леди потребовалось секунды четыре, чтобы осознать: ей

представились. У него фамилия такая: Кисин. Но мы не страдаем ономастическим шовинизмом.

- Добро пожаловать в презентационный центр высоких технологий кинокомпании «Васильевы бразерс»!

Сначала это был авиационный ангар, потом, естественно, съемочный павильон, теперь многогектарная одноэтажность воспринималась большинством акционеров, как помесь кладовки старых декораций со всеяческими курнозых и кунштов камерой. Стоило немалого усердия отвращать воскресные познавательные набегу школьников с кошками и родителями. Держатели привилегированных бумажек желали с пользой для эрудиции развлечься, потрогать лапками, намусорить воздушной кукурузой и сфотографироваться на фоне. Попробуй-ка объясни, что это не Диснейленд и не Футуросибарис, а рассчитанная на специалистов выставка нештучных достижений. Здесь хвалились и торговали побочным продуктом съемочных технологий. Подобно тому, как в начале космической эры космических же масштабов инвестиции загонялись на высокие и низкие орбиты ради престижа, но сожженные в плотных слоях атмосферы миллиарды вдруг оборачивались технологическими прорывами благодаря использованию передовых небесных разработок, в земной машинерии, точно так же разбухшая от денежных накачек индустрия киноспецэффектов разрешилась от бремени тысячекратных открытий и изобретений, сделавшими труд и быт по сю сторону экрана комфортней и увлекательней. Причем если космос на шестьдесят процентов оставался все же убыточным и финансовые джокеры всячески увиливали от правительственных науськиваний на долговременные вложения, то фабрикация киногрез, которой занимались не крылатые мечтатели и не звездные романтики, а прагматики-скупердяи, изначально была нацелена на скорый урожай сам-четверг. Быстро и веско окупались сверхзрелищные фильмы, которые плотно впаковывали в себя легко разворачивающуюся череду чудес, небывалой морфологии антуража, натуралистичные метаморфозы и костоломное трикачество. Такие фильмы — самые дорогие. Но зритель, посмотревший хоть один дорогой фильм, уже не пойдет потреблять умные шедевры малобюджетности. Интеллектуального сноба на именной табуретке и образцово эрогенную самку сменил потливый роботехник и дизайнер-шизофреник. Продюсеры обзавелись фабулескными процессорами и уволили всех сценаристов. Каждая лента, как египетская пирамида, создавалась анонимным крепостным трудом сотен мастеровитых ремесленников, склочных бухгалтеров и разделенных на целевые подгруппы генераторов идей. Причем ни одна технико-эстетическая разработка римейку не подлежала. «Выстреливала» она только единожды, и каждый очередной кинопроект становился новым штурмом, самоубийственным броском к неслыханной зрелищности по минному полю дороговизны.

Кино хапало любые деньги под любые проценты, и в течение полугодия позлащало кредиторов. Причем кинотеатры и видеопрокат давали только половину прибыли, а вторую половину — использование отработанных технологий в мирных народохозяйственных целях. Естественно, героическое освоение космоса выродилось в высевание ретрансляционных спутников, хоть на экранах буй-туры скафандроносцы добивались уже до пределов метагалактического домена.

Всю эту предварительную информацию, подчеркнуто лишив ее рекламной ретуши, менеджмент-леди донесла до посетителя сжато, на пути сквозь двери к первому эшелону экспонатов. Легковооруженными пращниками бежали перед ударной фалангой основных сил резвые сидишки интерактивных игр на сюжеты экшн-стрелялок и фэнтези-мускулорубок. Они-то в свое время и обеспечили первый вдохновляющий успех отхожего промысла десятой музы. Сытный наварец с компьютерных версий блокбастеров подсказал стратегию безотходной утилизации извергнутых производственной перистальтикой киножмыхов, волшебно оборачивающихся жемчужными россыпями. И тогда, погрывивая бровным доспехом, двинулся навстречу славе легким крупнобюджетным проектам, в глубокий тыл десантировались командос мозговых штурмгрупп, подтягивалась на фланге панцирная конница технологий хай-энд, капиталоемкие баллисты с режущим гитарным звуком зашвырнули за горизонт долгиеорочные инвестиции. Войско мерно надвигалось на посетителя и экскурсовода, обтекая неизбежные в каждом выставочном павильоне неровности рельефа, вроде ящичков с

кирпично-бурыми катышками искусственной пемзы, проросшей неестественно зеленой травой. Форсировало водные преграды авангардных фонтанчиков, где из дырчатых никелированных шаров реяли вялые струйки. Пропускало сквозь свои боевые порядки доты голодемонстраторов, перехлестывало через бункеры минибаров, окутанных, будто поволокой порохового пушечного боя, пеленой кофейных ароматов. Кисин держался за Матрионой, прикладывая одинаковые усилия, чтобы не сосредоточиваться ни на ее смуглых икрах, ни на комментариях у экспозиционных стендов. Миновали эргономически идеальную компоновку авионики в кабине одноместного орбитера, измышленную для «Космических каботажников» и закупленную концерном «Средмаш-Маривьтга» для пускавшихся в серию низкоапогейных грузовичков. Снял перед ними шляпу и обнажил улыбкой зверовато заостренные зубы хоббит, чей жидкокристаллический скелетик растиражирован в автономных киберках, копошавшихся в горячих зонах станций термояда. Бурлящий протейческими овеществлениями музыкальных смыслов макет эстрадиона на 30 000 зрителей доказал, что системно-стохастическая логика компьютерных спецэффектов сериала «Огни звездных рамп» соблазнит импресарио всех монструозных рок- и поп-команд.

- Компьютерным спецбаловством, впрочем, публика давно объелась, - пружинила шаг Матриона. — В самой аутентичной виртуальной графике зритель шестым чувством улавливает мертвечину и фальшь. Сколь бы правдиво художник ни расположил блики, тени и цветовые рефлексы.

- Да? — изнывающе покорно подтвердил свою заинтересованность Кисин.

- В том и чудо кино, что рано или поздно через громоздящийся обман декораций и псевдореквизит электронных костюмерных, оно выводит на обнажающий свет реальности. На тот задний двор, где скрыты шестерни и пружины подлинных побуждений и зависимостей, приводящих в движение трагiku и комизм мизансцен мироздания. А знакомство с их тайной механикой определяет свободу нашего выбора между истиной и иллюзией.

В глазах восторженного Кисина прояснилась какая-то живая осмысленность, он даже руку потянул, чтобы привычным жестом ухватить собеседника за пуговицу для полемических терзаний — но пальцы чуть не угодили в зовущий капкан декольте, отдернулись, глаза снова страдающе остекленели, весь он упрятался обратно в хитин терпеливой надменности, которую привратница приняла за робость.

Пред ними корячил рессорные опоры посадочный модуль, чья горелая керамика тускло отражала воспоминания о марсианском рассвете.

- Вот она, реальность! — Матриона, помедлив, целомудренно выровняла дыхание, воспринявшие округлости осели в глубину тугого шифона. — Только киноиндустрия оказалась способна финансировать пилотируемый полет к загадочной Красной Планете. При этом мы ни на вершок не отступили от сценария и сметы. Вы, нынешние, из Главкосмоса — ну-тка?

- Да, - расслабленно отозвался на классическую интонацию Кисин.

- Четырехчасовой «Барсум против Тумы», натурные съемки, одиннадцать номинаций на «Муромца» и шесть на «Оскара»...

- А массовку на месте подбирали? — со всей возможной осторожностью впервые позволил себе перебить цемантированный в свое инкогнито визитер.

Матриона задумалась. Вряд ли это — обывательское глумление, за проявившимся в несколько неожиданный момент интересом должна скрываться какая-то информация о самом прищельце-конспираторе. Скрадывая зашелкавшие в мозг варианты и прогнозы, она щедро овеяла его феромонами спецназовской эротики и предложила:

- Хотите кофе?

Кисин мотнул головой.

- С ложечкой «Замены коммунизма», а?

- Эрзац.

- Ну, почему же... пять звездочек! Хотя ладно... (Не аттракцион же ужасов он собирается открывать с зелеными четверорукими джедаками). Конечно, экспедиция доставила на Землю образцы грунта и атмосферы, но даже микроорганизмов марсианского происхождения в них, как широко известно, найдено не было.

Кисин ехидно вглядывался некоторое время в лицо Матрионы, будто знал, что она грешит против истины, будто ему откуда-то



известно, что на Красной Планете нашлись близкие родственники земных диатомей — крошечных водорослей, чей жизненный цикл основан на кремнии. Это если не вспоминать о заурядном булыжнике, который, как свидетельствовали двое очевидцев, выпихнулся из каменной груди и, не утруждая себя лишними подскакиваниями, целенаправленно удалился за близкий марсианский горизонт.

Матриона присела на крохотный — сиденье не больше подушечки для иголок — одноногий табурет. Барочная изысканность позы, в которой ей удалось уравновеситься, опровергала все представления о возможностях вестибулярного аппарата офисных демимондов.

- Фильм начинается свою короткую жизнь задолго до того, как склеен рабочий позитив, - размеренностью тона она гасила зашкаливающие гармоники раздражения. — Зритель пойдет только на ту картину, которую ждал, интерес с которой подогревался репортажами со съемок, цифрами бюджета, слегка скандальными интервью с актерами. Простейшее коммерческое соображение: шло в мешке обречено на невостребованность. Можно потом сколько угодно злоститься, но если вознамерился играть по собственным правилам, останешься без партнеров. В гордом одиночестве. Венок чемпиона при этом очень напоминает скомороший коллап. Может быть, все-таки кофе?

Лобовой нарек, объявленный издательской ленточкой сочувствия, никак не задел визитера, но вот еще одно упоминание кофе пробило крепко сомкнутые створки семантически бесформенного моллюска. Кисин с интересом оглядел гравитационно немислимое расположение экскурсоводши на подушечке для иголок и заявил:

- Я вас где-то видел раньше.

- Да неужто? Меня, или моего клона, или актрису с лицевым фенотипом, или, действительно, кинокиборга? — закинуть ногу на ногу, расчетливо обнажая при этом убегающую в недосказанность эвольвенту шелковистого бедра, было не проще, чем сложиться в тантрическую асану на картонном домике. — Впрочем, догадывайтесь сами. Светские секреты, как и технологические, мы не разбалтываем.

- Продаете?

- Причем очень недорого.

Двусмысленно оправив подол и выжидающе потянув паузу, она продолжила деловито:

- Если б вы были хроникером таблоида, вроде «Деликатесов», я бы вам сообщила, что доход от организованной утечки саморазоблачений составляет приблизительно полтора процента от общей кассы каждого фильма. Впрочем, не заламываем мы и за ноу-хау в квантовой хромооптике, генетическом секвенсировании, трансплантологии, микроэнергетике, и как долго вы еще будете осторожничать и самоистязаться, мои нищий калиф? Если хотите получить полезные ответы, начинайте задавать серьезные вопросы, а коли забыли волшебное слово, то я напомним: мутабор.

С лязгом открылся люк в борту обгорелого марсианского модуля, из него спиной вперед выбрался зеленокожий гигант Таркас и принялся спускаться по стремянке, балансируя промежуточной парой конечностей.

- Вспомнил, - сказал экскурсант. — Я вас видел по телевизору. Что-то такое со стрельбой и электроникой в сиськах. Где ваша кнопка? Кнопка где, я вас выключу!

- На себе поищите кнопку, - хладнокровно парировала Матриона, с неудовольствием глянув на выдувшегося нектати благородного джеда. Зеленая кукла могла продемонстрировать две программы: ухарски взмахнуть перед посетителями стенобитной увесистости мечом или приготовить им кофе. Второе оказалось бы даже более нектати.

- Вахтерша ваша с лазером сейчас прибежит, да? — Кисин засунул оба кулака в карманы застегнутого на все пуговицы пиджака и внутри этого пиджака весь безразлично перетряхнулся.

- Если не знаете, куда деть руки, засовывайте их хотя бы в карманы брюк, - усмехнулась Матриона и спорнула со своего цыплячьего насеста. — А пиджак следует застегивать только на одну — одну! — пуговицу. На самую верхнюю. Хотя, я думаю, этот ваш пиджак лучше вообще не застегивать. Лучшие его отдавать бедным людям, если выбросить жалко. Как это вы давеча ручку мне изволили... И ногами восторженное антраша... — она оглянулась на тупого марсианина, который почалал-таки к мини-бару. — Ну, думаю, в кои то веки попался настоящий мужчина, хоть подбородок у него маленький и скошенный.

Кисин кулаки из пиджачных карманов и не подумал достать.

Волосы у него на голове пошевелились от внутреннего стога, не прорвавшегося сквозь гордое немотствование.

- Надеюсь, вы не поклонник криминальной жвачки, - безжалостно продолжила менеджмент-леди. — Потому что, если вы посулите даже миллион, которого у вас не имеется, мы вышвырнем вас за порог. Сценариями идеальных безнаказанных убийств «Васильевы бразерс» не занимается.

Кисин засмеялся. Довел бедную девушку до полной дезориентации, до прискорбного многословия, она уж до криминальных фантазий от растерянности дошла — как теперь не радоваться.

- НЕ ЖЕЛАЕТЕ ЛИ КОФЕ?! — пророкотал с марсианским акцентом Тарс Таркас и сунул ему под нос дымящуюся чашку.

- Что вы все суετε мне ваш кофе! — взвился Кисин. — Яд, что ли, кончился? Да у вас его и не было никогда, яда. У вас все понарошку, кругом техника безопасности. Если на этикетке — адамова голова, то внутри пузырька уж точно слюнявый ликер, зубные капли, чтоб легло ненадолго. Чтoб час-другой не думать про обнажившийся нерв. Толкуете тут про иллюзии, которые помогают постичь истину! Вы даже не способны представить, что где-то существует другая жизнь, в которой тесный ботинко натирает настоящую мозоль, и она по-настоящему болит и кровотоцит. Чтo космос — не полигон для натуральных съемок, а многомерная головоломка, и от того, как мы сегодня сумеем ее сложить, зависит наша судьба, понимание нашего предназначения и выбор жесткого корсета новых несвобод, в который придется втискиваться, чтобы в очередной раз попытаться соответствовать своей сути...

- Доктор философии, - задумчиво сказала Матриона. — Да, все ясно. Причина изначальной ошибки — в путанице, создавшейся после принятия новых аттестационных стандартов. Вы не доктор философии. Вы доктор философских наук, в прежнем еще смысле, а это совсем не то, что проучившийся шесть лет студизуус, кое-как защитивший дипломную диссертацию... Сейчас каждый средней руки клерк имеет на визитке отметку «Дэ эФ».

Она взяла из клешней Тарса Таркаса подносик с кофейной чашкой, с рефлекторной точностью зашвырнула его в урну, отстоявшую метров на пятнадцать от места действия, и указала марсианину на люк его логова. Зеленый гигант безропотно полез по стремянке.

- Непонятно только, почему ваше имя почти не упоминается в средствах массовой информации. Ведь вы, гм... по некоторым данным... фигура довольно авторитетная. Опять же публикации, научные труды...

Кисин отвел взгляд от еще гудящей после удара урны.

- Видите ли, ваш сервер имеет собственное представление о том, что такое средства массовой информации. В него попадают сведения только о газетах и журналах с тиражом выше пятидесяти тысяч, и о сетевых сайтах с немаленьким числом пользователей. Наверняка философ Кисин фигурирует в ноосфере массового сознания, как типчик, который дважды разводился, как пижон, который бывал на приемах у герцога Лихтенштейнского... Ну, и еще что-нибудь.

- Но кинематограф философией не занимается.

- Ошибаетесь. Философией невозможно не заниматься. Вот это все вокруг, - Кисин описал ладонью лежащую восьмерку, охватив знаком бесконечности ракетные ранцы, снопы ветвистой пшеницы, гелиоконденсаторы и четырехпространственные модели кварко-глюонных кластеров, - это все философия исполнительского рвения. В вашей иерархии технолог выше изобретателя, версификатор побивает творца. Из гносеологии выхолащены вопросы "почему?" и "зачем?", процесс познания вместо принципа необходимости руководим стохастикой случайностей. Спрашивается: есть ли в этом какой-то смысл? Ведь нужно же осмыслить сложившееся положение вещей, понять — за что нам определена такая кара, и нет ли в ней намека на стезю, выходящую на новый эволюционно-мировоззренческий виток...

- ГХРРРРРР-Р-РХ! — сказала Матриона.

Мирозданье обмерло, пропустило несколько хроноквантовых тактов существования. Прилип к полу кондиционерный сквознячок. Прощально тенькнуло несколько точечных светильников, буравивших диаграммную наглядность на окрестных стенах. Замяргал и заметался в вольере амфибус одноповерхностный — топологический геноартефакт, назначенный на роль хищного обитателя гиперпространства, в коем эффектно потерпит бедствие

аршинный макет двухверстного красавца-звездолета.

- Мы не занимаемся философией, - в жемчужном шорохе голоса Матрионы не было и намека на хрип надсаженного механизма, мгновение назад шедшего вразнос. - Это вы занимаетесь здесь философией.

Кисин отекал раздавленной улыбкой.

- Ну, вы, конечно, не обязаны вникать... И вообще красивой женщине ни к чему... С самого начала же было ясно, что приходить сюда бессмысленно, черт-те какие смешные надежды сюда погнали - ведь вы очень близко, теснее других подобрались ко всему диковинному, чуждому, приходящему из-за границ обыденности... Уже пальпировали его, таксонометрировали наощупь. Осталось сделать последний шаг - попытаться понять, что же перед вами?

В глубине карих глаз Матрионы замерцали рубиновые искорки, постепенно накаляющиеся и светлеющие, как под сильным электрическим напряжением.

- Вы сами создали нечто, образа и подобия не имевшее, чудесное, невозможное. Прихоти ради сотворили формы и смыслы, которые, если и сподобились бы самостоятельно осуществиться, то только на других планетах, в иных звездных мирах... На кого ж мне было рассчитывать, как не на вас?! Вот я и... ошибся. Да. Прошу меня извинить, произошла ошибка.

- Значит, вас ничего не заинтересовало? - зажурчала Матриона. - Очень жаль. Вы можете взять на память видеобуклет и сувенирный набор из значка, вымпела и карманного календарика с символикой нашей компании. Могу ли я вам еще чем-нибудь помочь, может быть, такси...

- Нет-нет, вы уже и так достаточно помогли. Это я без иронии, извините. Действительно, я убедился, что ровно никакого значения не имеет, одиноки ли мы во вселенной, или где-то в многопарсековой дали тоже мучаются своей уникальностью чем-то похожие на нас простаки.

- Что?

- Я об инопланетянах. В сущности, любые стоящие перед человечеством проблемы в конечной стадии своего обострения требуют ответа на вопрос: существуют ли в космосе наши братья по разуму.

- Инопланетяне? Вы хотите предложить нам сценарий? Для этого нужно обращаться в Сыктывкарский филиал, по четным дням недели, с одиннадцати до двенадцати тридцати, обязательно личное присутствие.

- Ну, сценарий развития планетарной культуры, конечно, можно измыслить, - отмахнулся Кисин. - В научно-популярном сериале, допустим. Но я о другом. Вот, говорят, что планетарная культура рано или поздно исчерпывает себя, не получая подпитки извне. Вырождается, гибнет. Правда, точно ли так обстоят дела на самом деле, никто не знает, это просто самая распространенная точка зрения на наше отдаленное будущее. Исходя из постулированного пессимизма, человечество начинает ощущать беспокойство по поводу своего космического сиротства. Ищет чужих. Выдумывает чудо. Вам не кажется, что возникновение империй кинематографических иллюзий, подобных вашей «Васильевы бразерс», в свете вышесказанного представляется удручающе утилитарным?

Собеседница философа вдруг резко, хоть и грациозно, сделала шаг назад. Испугавшись, Кисин принялся вырывать из колеи грубоватой полемической провокационности, даже мелким просительным шагом придвинулся к нервно отступившей, как для рукопашного размаха, элегантной красавице.

- Вообще-то благотворная, спасительная роль пришельцев совершенно неочевидна. Необходимость прививки инопланетной культуры как-то слишком откровенно вытекает из мичуринской логики гибридных скрещиваний. Правда ведь? Вполне допустимо, что смертной необходимости в существовании братьев по разуму у нас нет. Но! - Кисин осмелился поднять перст. - Если они все-таки существуют, то - зачем? А?

Матриона снова попятилась, но уже скрадывая по-звериному свое струение назад, просто как бы постепенно отодвигая пространство своего присутствия. Недвижимо отдалаясь.

- А? Вот! Это и есть вопрос вопросов. С ним нужно каждое утро просыпаться и каждый вечер...

- «Зачем нужны инопланетяне», - истерически мурлыкнула Матриона.

- Должно же этому быть не тривиальное, - торговать или воевать, - а высшее, мироустроительное объяснение. Согласитесь, подобными вопросами лучше задаться загодя, пока еще не

приперло. А то ведь, действительно, можем впопыхах взаимно аннигилировать свои культуры и свои геномы. И все мироустройство в придачу.

Кисин выдохнул и воодушевленно вдохнул.

- И вот когда по-настоящему начинаешь заниматься этим вопросом, приходишь к совершенно однозначному выводу. Это вроде кантовских лукавых экзерсисов, только адаптированных к современным мифологическим стереотипам: «шесть доказательств бытия зеленых человечков». Сперва формулируется дилемма «их существование бессмысленно» - «их существование неизбежно». А потом доказывается, что человечки со звезд все-таки существуют. Неопровержимо - да! да! да! Вы, наверное, просто не в курсе, ваша, тысьзыть, бурная деятельность не оставляет времени книжку почитать, но наука уже лет тридцать, как включила былой контактерский бред в свою аксиматику. Более того, абсолютно достоверно известно, какие именно инопланетяне должны встречаться в астрономических окрестностях. Кремнийорганические. Этакie каменюки с силикатным блеском в очах.

Одноповерхностный амебиус в своей вольере предпринял очередную попытку обрести трехмерность, пресеченную сторожевым торсионно-лептонным полем. А в остальном все было тихо и гулко.

В привычном аудиторном континууме Кисин ликовал.

- Но вспомните изначальную дилемму. Получается, их существование неизбежно, но... бессмысленно! Они есть, но это ошибка - их не должно быть. Тогда почему они есть?

Вектор смещения Матрионы упирался точнехонько в ближайший кофейный автомат. Лицо умиротворенно-внимательное, только в светящихся глазах содрогались истерические вольтовы сполохи.

- Теперь поменяйте фигурантов местами. Представьте, что на другой планете философствующий кремнийорганический сапиенс приходит к аналогичному выводу: противу всяких правил во вселенной ухитряются существовать еще и какие-то земляне. Как вам это?

Матриона спиной вперед уверенно причалила к автомату, подняла руку и безошибочно угадала в «самый крепкий». Внутри полированного ящика фыркнуло и зашипело.

- Я повторяю свой вопрос: а?

Одноразовая чашечка легла в узкую ладонь, будто не чувствующую пламенной свирепости черного напитка.

- Отвечаю, господин Кисин.

Нищий калиф моментально стряхнул с себя лекторскую ажитацию и саркастически выкатил подбородок. Пылкий яхонт его сердца осыпали перлы добронравного веселья.

- Остается предположить, - то заторможенно гнусая, то разгоняясь и повизгивая, киберспецназовка пустилась в любомудрие, - что обе цивилизации являются друг для друга не более, чем убедительными художественными образами. Выдумкой самоосуществившейся под диктатом вышеописанной - как вы выразились, мироустроительной, - необходимости.

«Ну, ну!» - немо подтачивал, тараща глаза-гальки, торжествующий экзаменатор.

- Чего еще ждать от киноработника? - печально и устало побарахталась еще Матриона над штормящей поверхностью логики. - Только признания, что компания «Васильевы бразерс» является самым изощренным на данный момент фактором создания и поддержания всеобъемлющей галактической фата-морганы. Мы - только кинофильм, предназначенный свести концы с концами в затейливой философии инопланетян. Которых мы сами же по необходимости измыслили.

Эти ее горькие слова отчетливо отдавали нечеловеческой мудростью и срадом горелой изоляции.

Кисин захохотал, задирая стесанный подбородок к подвешенной под потолком модели гравиптера. Матриона бестрепетной рукой поднесла к губам одноразовую чашку.

Когда к месту действия прибежала, потряхивая лазерной килей, расторопная вахтерша, она увидела, как сотрясающийся от смеха мужчина в неказистом костюме горстями загребал из декоративной клумбы искусственную пемзу, засовывал ее в рот, хрустел, давился, глотал. На почерневших губах прислоненной к кофейному автомату менеджмент-леди запеклась грязноватая пенка, а из-под ее светлокудрявых прядей вытягивались веревки зеленоватого дыма.

- Вот же, мать твою, дела! - расстроено ругнулась привратница и по-хозяйски уперла руки в бока, оглядывая, с чего бы тут начать наведение порядка.

# Олег Звчинников

## Слепой Бог с ДЕСЯТЬЮ ПАЛЬЦАМИ



1

На самом деле все началось даже чуть раньше. Когда я в очередной раз ломал голову, пытаясь найти ответ на вопрос: почему в слове «сверхъестественный» так много букв? - это в целом - и где, черт побери, на этой клавиатуре располагается твердый знак? - это в частности.

Я не могу работать в таких условиях!

Я, который за час может придумать сюжеты для трех - четырех повестей... или даже романов - если не отвлекаться в течение этого часа на кофе и сигареты - я вынужден насильно притормаживать свой мыслительный процесс, подрезать крылышки своей фантазии. Вы спросите - почему?

У вас не возникло бы подобных вопросов, если бы вы хоть раз увидели, как я печатаю.

Позор всей моей сознательной жизни! Пятнадцатидюймовый гвоздь, вбитый в крышку гроба моей литературной карьеры!

Со скоростью облепившегося зомби, страдающего артритом. Дюйма пальцами, причем один из них нажимает только на пробел. Слепой метод? О да! Мне редко удавалось поднять глаза от клавиатуры, чтобы взглянуть на экран монитора.

И что в итоге?

Один рассказ в неделю. Одна повесть в полгода. И раз в месяц - возможность полюбоваться на непередаваемое выражение лица моего литературного агента. Который - о, прости нас, сирых и убогих! - иногда находит в себе силы оторваться от созерцания небесных Светил и решения глобальных вопросов Мироздания и снисходит до нас, простых смертных.

Вот, как сейчас примерно.

- Послушай-ка, - обратился он ко мне. Он что, действительно не может запомнить мое имя? Или стремится лишний раз продемонстрировать, что в делах со своими клиентами не допускает никаких личных мотивов? - а почему бы тебе не записаться на курсы стенографистов? - и тут же тактично поправился, - ну, и... стенографистов? Знаешь, этот слепой десятипальцевый метод? По-моему, это разом решит все твои проблемы. А то так и будешь всю жизнь тыкать по клавишам, как Сивка-Бурка - серая лопада...

Меня всегда умиляли подобные его высказывания. И немного удивляло - как человек с таким чувством языка может работать литературным агентом? И ведь не только моим!

- Хорошо, мистер Зоз, - так он представился при нашей первой

встрече, так я к нему обращался на протяжении всего нашего знакомства, - я подумаю.

В общем - я подумал...

Спустя два месяца и двести восемьдесят долларов, когда пальцы мои запорхали над клавиатурой, как пять пар бабочек в период брачных танцев, а стоика распечатанных листов, раз в день выслываемая моим принтером, достигла толщины среднего еженедельника - я согласился, что, да, пожалуй, в этот раз мистер Зоз оказался-таки прав. Слепой десятипальцевый метод действительно решил все мои проблемы.

Все палки из колес были вынуты. Все белки в колеса, как сказал бы мистер Зоз, наоборот вставлены. И я почти физически ощущал, как поток освобожденной фантазии заструился из моего мозга, через нейроны и нервные окончания - к пальцам, а от них, через клавиатуру компьютера - прямо на бумагу.

Разве нужно еще что-нибудь для счастья творческому человеку?

Да, вы правы, немного наличных тоже бы не помешало.

Первый укол беспокойства, после которого у меня возникло сомнение: а все ли так безоблачно на моем творческом небосклоне? - я ощутил, когда работал над повестью «Битва со льдом». Работа была заказная, специально для альманаха «Слияние» - очередной попытки объединить в рамках одного проекта жанры научной фантастики и фэнтези. По этой причине мне следовало написать повесть в таком же компромиссном стиле: нечто среднее между «Конаном - Варваром» и «Конными варварами», если вы понимаете, о чем речь...

Придется, видимо, сказать пару слов о сюжете «Битвы со льдом». Это может оказаться полезным для понимания дальнейших событий.

В общем, главная героиня повести - сильная и решительная женщина, что, однако, не мешает ей обладать чрезвычайно привлекательной внешностью и скрытыми до поры телепатическими способностями. А после того, как на ее родной город обрушиваются глобальные катаклизмы, вызванные проклятием, наложенным пришлым злым волшебником Рэдноузом, она из главной героини становится практически единственной. Что остается делать ей, оставшейся без семьи, крова, друзей? Вы что, правда не догадываетесь? Ясное дело - только мстить! Теперь основная цель ее жизни - найти заморского колдуна и, не мудрствуя лукаво, аннигилировать. С этой целью она и пускается в долгое, странное путешествие на сто двадцать, сказочное путешествие, в котором ее сопровождают: верный конь Со Врас, в свое время остановленный героиней при помощи телепатического сигнала за

несколько шагов до края пропасти, куда он намеревался прыгнуть, чтобы закончить жизнь в соответствии с древней традицией коней-самураев, не справившихся с возложенной на них миссией, и маленький мальчик, собственноручно вынесенный героиней из горящего дома. И после стандартного набора приключений вся троица добирается до замка злого волшебника, где и вступает с ним в финальный, с предсказуемым исходом, поединок.

Вот такой, вкратце, незатейливый сюжетец.

По крайней мере, таким я его себе представлял...

Основная проблема с этой повестью заключалась в том, что о своем возможном участии в альманахе я узнал всего за два дня до окончательного срока представления рукописей. Если честно, мне и предложили то в нем участвовать только из-за того, что другой, гораздо более известный автор, произведение которого ожидалось, внезапно попал в больницу с каким-то безрадостным диагнозом.

Так что для автора с моим именем - я имею в виду, с именем, которое даже литературный агент не в состоянии вспомнить - этот альманах представлял собой реальный шанс, как метко подметил мистер Зоз, «выйти в тираж».

И я собирался этим шансом воспользоваться.

Я сидел и печатал, сутки напролет, как самый «хороший печатник» из дебютного фильма Дэвида Линча. И все равно чувствовал, что не успеваю. Проблема была уже не в пальцах, а в глазах: мне ведь обязательно нужно прочитывать с экрана то, что я печатаю. А читаю я, должен признаться, очень медленно.

В общем, я печатал, стараясь не замечать ничего вокруг себя, кроме строчки символов, бегущей по экрану, и призывал себе на помощь все резервные способности организма, про которые я то ли где-то читал, то ли где-то писал...

И в какой-то момент вдруг заметил... Я отвлёкся ненадолго: за окном залаяла собака, вот я и выглянул посмотреть, не мистер ли Зоз решил нанести мне визит. На улице не было ровным счетом ничего примечательного, а вот когда я вновь заставил себя сосредоточиться на экране, я с удивлением обнаружил, что... мои пальцы за те несколько мгновений, что я отвлёкся, не только не прекратили своей работы, но и напечатали раз в пять больше, чем можно было ожидать за столь короткий интервал времени.

С некоторым недоверием я внимательно прочел последние несколько абзацев.

С виду все было нормально. Повествование продолжалось в прежнем темпе, было связным и не выходило за рамки моего обычного стиля. Кроме, быть может, орфографических ошибок. Их не было! Что, в принципе, для меня не очень характерно.

Единственное, что меня несколько смутило - я ведь даже не успел подумать о том, что напечатали мои пальцы. Не то что прочесть - даже подумать!

И потом, было там одно место: «и четырехгранное лезвие шпаги вонзилось в горло ненавистного...»

Но постойте... Разве лезвие шпаги не круглое в своем сечении?

## 2

Начиная с этого момента я уже не мог полностью контролировать творческий процесс. Не полностью, впрочем, тоже. Непослушные пальцы, черпая вдохновение из неизвестного источника, со сверхъестественной (теперь я мог напечатать это слово быстрее, чем за две секунды) скоростью формировали из символов повествование. И, кстати, насколько я успевал заметить - неплохое повествование!

А заметить я успевал немного. Максимум две - три строчки, пока очередная страница на экране не сменялась следующей.

Осознав всю тщетность своих усилий, я демонстративно отвернулся от экрана и устался в окно. По двору, уныло и хрипло таякая, бегала маленькая собачка с неопределенной родословной. Ветер лениво подбрасывал вверх опавшие листья, иногда метко попадая ими прямо в открытый бак для сжигания мусора. Начиная накрапывать мелкий и противный дождик. И все это под непрекращающееся постукивание клавиш.

Забавно, раньше у меня редко возникала возможность просто посидеть и посмотреть в окно.

На гравийной дорожке, ведущей к дому, показался мистер Зоз. Одной рукой он удерживал над головой свой дипломат, прикрываясь им от дождя. В другой руке был зажат почему-то так и не раскрытый зонтик.

Только увидев в окне приближающегося мистера Зоза, я отвлёкся от своих невеселых мыслей. И внезапно осознал, что что-то неувлочно изменилось в моем окружении. Нескольких секунд мне хватило, чтобы понять, что именно. Стук клавиш прекратился!

Я взглянул на монитор. Так и есть! Внизу последней страницы,

большими буквами, с тройным интервалом между ними было написано:

## К О Н Е Ц

Еще одно нововведение! Я никогда не заканчиваю... раньше не заканчивал свои произведения так. Просто ставил последнюю точку и дату окончания работы. И все.

Когда прозвенел звонок, первые страницы повести уже выползали из принтера.

- Ну как? - приветливо спросил мистер Зоз, поглядывая на часы. - Повесть готова?

- Н-ну... да, - ответил я без особой уверенности в голосе.

- Действительно? - казалось, он был слегка удивлен. - Что ж, посмотрим...

Мистер Зоз подошел к принтеру и стал выхватывать прямо из его пасти листок за листком, бегом просматривая.

- Интересно, интересно, - комментировал он, сощулив глаза: Неужели он их читает с такой скоростью?

Бегом взглянув на последний листок, мистер Зоз удовлетворенно хмыкнул, сложил все листы в пачку, убрал ее в свой дипломат и, положив его на колено и попытавшись закрыть, не зажегив при этом галстука, вынес свой вердикт:

- Совсем, совсем неплохо! Нельзя, конечно, прямо сейчас с уверенностью сказать, в чью сторону повернется стрелка часов... Но шансов у тебя много. Они, конечно, все небольшие, но их много. Не умением, а числом, как говорится. В общем, завтра я иду на переговоры с издателем, а потом перезвоню тебе.

Когда дверь за ним закрылась, легкая волна паники пронеслась по поверхности моего сознания.

Господи, что же я ему отдал?

И потом, что он имел в виду, когда говорил про стрелки часов?

Впрочем, человек, просидевший почти двое суток за работой, едва ли может думать о чем-либо слишком долго...

На следующее утро... или, если следовать основным принципам реализма - на следующий день... меня поднял с постели звонок мистера Зоза.

- Все отлично! - бодро закричал он в трубку, словно пытаясь заразить меня своим оптимизмом. - Повесть взяла. Издатель в восторге! Он принял решение удвоить тираж второе! Представляешь - второе!

Честно говоря, я представлял себе это с трудом.

- И это только благодаря твоей повести! - не унимался мистер Зоз. - А когда издатель дочитал до того места, где ты убиваешь героиню, он просто...

- Я... убиваю... кого? Прости, я еще не совсем проснулся, поэтому сейчас воспринимаю все несколько... несколько...

- Ну когда твоя героиня замерзает, а ты еще выводил такую прочувствованную сентенцию страницы на три о том, что на самом деле в ее гибели виновато не столько колдовство Рядноуза, сколько общая безысходность, которая...

- Постой, постой, - не слишком вежливо перебил я. - Так она что там, умирает?!

- Ну ты и шутник! - добродушно усмехается трубка. - Спроси еще, не оказывается ли мальчик, спасенный героиней, незаконнорожденным сыном колдуна. Или как Со Врас в финальном поединке убивает Рядноуза при помощи золотой подковы...

- Золотой подковы? - как механический психоаналитик повторяю я?

- Ну хорошо, хорошо, - успокаивающе говорит мистер Зоз. - Должно быть, ты и вправду еще не проснулся. Отдыхай пока. И... - он выдержал эффектную паузу, - готовься к новым подвигам! Я сейчас как раз обсуждал с издателем идею о двухгодичном контракте. Пока, конечно, ничего конкретного, но, как говорится - стучите и обрящете!

Будучи все еще не до конца уверенным, что уже не сплю, я вежливо попрощался с литературным агентом и повесил трубку.

В наступившей тишине отчетливо тикнули настенные часы. Минутная стрелка при этом слегка переместилась.

В мою сторону!

## 3

С головой я погрузился в творческий процесс.

Хотя нет... Участвовали то в процессе только пальцы. А голова как раз занималась всем, чем придется. Что в нее придет, ха-ха, тем и занималась.

Основное преимущество моего «слепого» метода печати над всеми остальными «слепыми» методами - то, что мне во время работы над текстом не нужно смотреть не только на клавиатуру, но и на монитор. Поэтому, вместо того, чтобы тупо плясать в экран, заполняемый печатными знаками со скоростью 200 символов в минуту, я установил перед ним подставку для бумаг и, пока пальцы мои трудились над

созданием новых шедевров, я успевал хотя бы бегло просмотреть распечатку вчерашних текстов. Правда - успевал не всегда. Постепенно тексты становились позавчерашними, потом - поза-поза... А потом их стало так много, что я плюнул на все и поставил на место монитора телевизор. Если я не ошибаюсь в хронологии событий, первое мое произведение, получившее премию «Небыюла», а именно повесть «Тень тени моей», была написана как раз в тот вечер, когда я внимательно следил за полуфиналом чемпионата мира по хоккею.

А почему бы и нет, собственно? Стиль произведений был моим, идеи - тоже вполне узнаваемые. Уверен, я написал бы в точности то же самое, если бы работал по старинке, двумя пальцами. Правда, времени это бы заняло на порядок больше. Так что я мог бы без зазрения совести поставить свою подпись под любым вышедшим из под моих пальцев произведением. И ставил же!

И кроме того, в текстах по-прежнему не наблюдалось ни единой орфографической ошибки!

Так что, начиная с некоторого момента я стал больше доверять своим пальцам, уже не так сильно интересуясь, что именно я передаю своему литагенту.

Это не значит, что я совсем перестал читать свои произведения. Отнюдь! В конце концов, кого же еще почитать на сон грядущий, если не себя? И я частенько подходил к полке, на которую заботливо выставлял все свои книги в порядке их издания (со временем правильнее стало говорить - «к полкам»), в раздумье - чего бы такого мне сегодня полистать? Предпочтение, конечно, отдавалось произведениям, взявшим в этом году какую-нибудь премию. Когда и их стало слишком много, я ограничил круг своих интересов наиболее престижными - «Хьюго» и «Небыюла». Да, и еще - премия Гильдии Американских Писателей. Уж не знаю чем, но чем-то она была мне особенно дорога.

Главное неудобство моего положения - мне все-таки чертовски много времени приходилось проводить за компьютером. Но с этим уж я ничего не мог поделать, не могли же мои пальцы существовать отдельно от меня. Что ж, никто и не утверждал, что труд писателя всегда легок и приятен.

Забавная деталь: рост моей популярности среди читателей и издателей легко можно проследить, наблюдая за постепенной эволюцией личного транспорта мистера Зоза. В начале нашего знакомства с ним, он приезжал ко мне домой на зеленом «Фольксвагене» 78 года. Потом ему на смену пришел «бюик». Он, правда, продержался совсем недолго. Когда тираж моей очередной книги был «удвоен в пять раз», «бюик» сменил невообразимо длинный, восьмью - что ли, местный черный лимузин. Когда его передний бампер показывался из-за угла соседнего дома, я готов был держать пари на любую сумму, что буквально через секунд пять - шесть увижу лицо мистера Зоза за приоткрытым водительским стеклом. Один раз я все-таки проиграл это мысленное пари самому себе, когда место водителя в лимузине оказалось занято каким-то толстым и лысым негром в белых перчатках и фуражке с козырьком, а мистер Зоз, как ему и полагается по статусу, перебрался то ли на третий, то ли на четвертый ряд сидений. С тех пор, как мне вручили премию имени Э.А.По за вклад в американскую литературу, я практически никогда больше не видел мистера Зоза в лицо. В общении со мной он ограничивался телефонными звонками, а за очередными рукописями присылал кого-нибудь из своих многочисленных помощников. Я даже предположил тогда, что он приобрел себе какое-нибудь чересчур роскошное средство передвижения, которое в принципе не могло уместиться на наших дорогах.

Впрочем, я кажется отвлекся.

В среднем я проводил за компьютером по восемь часов в день. За это время я успевал покрыть убогим шрифтом где-то около сотни листов. Плюс к этому - просмотреть пару фильмов, несколько викторин и программ новостей по телевизору, пару часов просто понаблюдать за уличными прохожими, озабоченную суетливостью которых постепенно переставал понимать. Если честно, я пытался даже спать во время работы. Правда, к сожалению, безуспешно.

И многочисленные интервью различным изданиям, от которых все равно никуда не деться, я тоже давал, не прерывая творческого процесса.

- Скажите, почему вы приняли решение отправить одного из самых популярных своих героев - Лурхва Вуавра - в отставку?

- Простите... Как, вы сказали, его имя?

(общий смех)

- Будет ли продолжен сериал «Тиарские молочайники»?

- Конечно... если будет на то воля Бога. Моего слепого десятипальцевого Бога.

(общий смех)

- Если не секрет, над чем вы работаете в данный момент?

- Сейчас посмотрим... (разгребаю бумажные завалы на столе, обнаруживаю монитор, поворачиваю его экраном к себе) Если честно, самому немного интересно... Та-ак. Тут написано - «Тиарские молочайники в плену у Лурхва Вуавра». Пardon, не «молочайники», а «молочайники»... Я думаю, это ответ и на два предыдущих вопроса.

(общий смех)

Иногда мой слепой метод (именно «мой», у меня однажды даже возникло желание его запатентовать) преподносил мне забавные сюрпризы.

Как то раз мне позвонил один знакомый редактор, растроганный до глубины души, и чуть ли не со слезами в голосе посетовал, что не может вот прямо сейчас пожать мою мужественную руку. Как мне удалось наконец выяснить, предварительно прослушав несколько минут непрерывных дифирамбов в мою честь, причиной необычайного душевного состояния редактора стал мой последний рассказ, который он получил как раз сегодня. Он говорил что-то про отрицание вековых литературных традиций и про смелый вызов, брошенный прямо в лицо «всем этим мумифицированным еще при жизни консерваторам». Еще несколько минут потребовалось, чтобы понять, в чем же собственно заключался этот вызов. Мне было указано на мою излишнюю, прямо-таки непростительную скромность, а суть объяснений сводилась к тому, что весь рассказ представлял собой единственное предложение. Данной чуть больше 32 тысяч слов. Наскоро попрощавшись с редактором и пообещав ему и впредь стараться никак не стескивать себя тесными рамками традиционности, я сразу же принялся за поиски злополучного рассказа и, найдя его, собственными глазами убедился, что редактор говорил правду.

Раздумья не заняли много времени, очень скоро я понял причину, подвигшую меня на создание столь странного творения: на моей клавиатуре сломалась клавиша, печатающая точку. На то, чтобы позвонить в компьютерный магазин и попросить, чтобы мне привезли новую клавиатуру, ушло пару минут. Еще пятнадцать заняла сама доставка и подключение. Первым делом я проверил, работает ли на новой клавиатуре точка. Точка пропечатывалась как нельзя лучше, поэтому я спокойно переключил телевизор на спортивный канал и занялся творчеством.

Только спустя несколько дней я заметил, что клавиша, которой соответствует точка, иногда западает и при однократном нажатии на нее печатает по три знака подряд. Несколько моих следующих романов преисполнились многозначительной недосказанностью...

Как то раз, когда я исследовал внутренности холодильника в поисках очередной баночки пива (я пил его прямо из банки, через трубочку, чтобы руки оставались свободными), я нечаянно прищемил себе дверцей указательный палец левой руки. Палец сильно распух и в этот день больше не мог печатать. Как результат - вечером мой принтер выплюнул на 30 страниц текста меньше, чем обычно. Этот случай заставил меня сильно поволноваться.

Что будет со мной, если что-нибудь случится с моими пальцами? Ведь они являются единственным источником средств к существованию для меня. А если честно, то и для много кого еще. Я стал лучше понимать хирургов с их почти фанатичной заботой о пальцах. Я стал крайне осторожен при выполнении каких-либо действий руками, даже самых примитивных. Опасаясь возможной инфекции, я надел на руки перчатки, которые снимал иногда только для того, чтобы заменить их на новую пару. Я застраховал свои пальцы сразу в нескольких страховых компаниях, опасаясь, что какая-нибудь из них может внезапно обанкротиться. В среднем получилось около миллиона долларов на каждый палец. На большие пальцы - чуть меньше: в конце концов, нажимать на пробел я смог бы и одним.

Иногда по ночам меня мучили кошмары. Один из них, повторяющийся чаще других, я хорошо запомнил. В нем я тщетно пытаюсь спастись бегством от группы преследующих меня молочайников. Тиарских, судя по зеленой ленте, повязанной у каждого на левом колене. Они неизменно настигают меня, берут в кольцо, и их предводитель обращается ко мне голосом, от которого кровь застывает в жилах: «Так ты действительно считаешь, что какой-то жалкий Лурхв Вуавр может взять нас в плен?» А потом они извлекают из ножен крохотные ножички, причем я сразу понимаю, что единственное предназначение этих ножичков - отрезание пальцев. А потом они подходят ко мне совсем близко, и... В этом месте я неизменно просыпался, успевая еще дослушать окончание своего дикого крика.

Остаток ночи я в таких случаях проводил без сна. За компьютером. В искренней надежде на то, что как раз сейчас Лурхв Вуавр, повинувшись движению моих, не знающих сомнений, пальцев, подвергает злобных тиарцев изощреннейшим пыткам.

Неудивительно, что за всеми этими волнениями я не сразу смог осознать причину какого-то смутного подозрения, которое уже довольно долгое время вызревало в моем сознании. Наверное потому, что все изменения, благодаря которым я мог бы верно оценить ситуацию, в которой оказался, происходили очень медленно. И в самом деле, разве стоит придавать особое значение тому факту, что пакет с письмами от фэнов, который мне раз в неделю доставляют с почты, стал на пару футов легче? Или тому, что мне чуть реже стали присылать приглашения поприисутствовать на каком-нибудь официальном мероприятии в качестве почетного гостя? Или, наконец, тому, что НИ ОДНО из моих произведений, написанных за последний год, не получило никакой премии или награды. Я не говорю о самых престижных, но **ВООБЩЕ НИКАКОЙ!**

Да, все эти изменения не сильно бросаются в глаза, но в конце концов я обратил на них внимание. Правда, это были только внешние проявления мрачной, разрушительной тенденции. Я заметил бы ее много раньше, если бы хоть иногда читал те творения, которые выходили в свет под моим именем. Увы, но последний примерно год у меня до этого все как-то руки не доходили. Надеюсь, вы меня понимаете?

С этим еще не до конца сформировавшимся подозрением я подошел к стеллажу с моими книгами. (Это был уже четвертый стеллаж, и заполнялся он с катастрофической скоростью.) С некоторым душевным напряжением я заставил себя взять в руки мою последнюю, только накануне присланную из издательства, книгу. На суперобложке ее в ярких красках был изображен муравейник, из которого наполовину высовывалась стереотипно изображенная бомба с горящим фитилем. У меня не возникло ни единого предположения, о чем могла бы быть эта книга. Написанное на обложке название - «Блуждающий микроорнитобус» - свежих версий тоже не прибавило. Раскрытая на случайной странице книга поразила меня в самое сердце цитатой: «Стрела, пущенная его твердой рукой, пронзила бронежилет пришельца и поразила его прямо в верхнее сердце...»

Это написал я?

В отчаянии я запустил этой толстенной, страниц на восемьсот, книгой в угол комнаты.

Впрочем, чему здесь удивляться? Любой, даже самый гениальный автор в конце концов испишется, утратит свою яркую индивидуальность, умение удивлять, завораживать читателя с первой страницы и держать его в постоянном напряжении до последней, если будет каждые три дня выдавать на-гора по новому роману. Разве не так? Вы знаете исключения?

Я искренне надеялся, что хотя бы мне удастся избежать этой участи. Хотя и затруднился бы выразить словами, на каком основании выстроена эта надежда.

Но увя мне, увя! Подобно многим моим широко известным коллегам я превратился в банальнейшего поставщика макулатуры.

Мне удастся, конечно, еще какое-то время продержаться на плаву: все-таки авторитет, заработанный за годы творчества, не исчезнет в одночасье. И у меня всегда останется какое-то число поклонников среди читателей, требования которых к литературному достоинству книги не очень высоки. И издатели всегда будут с нетерпением ждать мои новые рукописи.

Но...

На долгое время я погрузился в глубокую депрессию. Звук нажимаемых клавиш казался мне попеременно то чересчур злобещим, то каким-то невыносимо скучным.

Но я все-таки еще не до конца сдался. В глубине души я лелеял радужную надежду когда-нибудь вновь повернуть стрелку часов в мою сторону. Только не представлял себе, как это сделать.

Но я думал...

Я много думал...

У меня было чертовски много времени на раздумья!..

И вот однажды... Господи, какое забытое ощущение!

И вот однажды идея совершенно нового романа возникла у меня в голове. Пока только идея, голый костяк повествования. Но, по мере того, как она день за днем обрастала все новыми и новыми подробностями, я начал понимать, что ничего подобного я не писал никогда раньше. Да что я? Господи, поправь меня, если я ошибаюсь... Я просто не находил ничего хотя бы немного похожего во всей мировой литературе! Конечно, я не мог собственноручно наклеить на свое еще не написанное творение ярлык гениальности. Но это скорее по причине моей скромности... И потом, гениальность - это не совсем то слово, которое способно... В общем, в этот миг я был вне себя от счастья!

Дело было за малым. Так, пустячок, небольшая проблемка... Я не мог заставить свои руки подчиняться мне!

То есть одну - две фразы я еще успевал напечатать сознательно. А потом мои быстрые пальцы уносились прочь к своей невидимой цели, оставляя меня далеко позади, охваченного бессильной злобой.

Но и это препятствие не было непреодолимым! Решение проблемы плавало на поверхности: очевидно, чтобы написать задуманный роман в строгом соответствии с моими пожеланиями, мне нужно отказаться от продемонстрированного свою порочность десятипальцевого метода. Вот только как?

Нет, придумать какой-нибудь способ решения этой проблемы не составляло труда; уже через несколько минут размышлений разнообразнейшие способы роились у меня в голове десятками. Вот только где мне взять решимости для осуществления хотя бы одного из них?

Впрочем, другого выхода у меня все равно не было. «Как говорится, косяк клином вышибают!» - вспомнил я один из каламбуров мистера Зоза и на негнущихся ногах двинулся в сторону холодильника.

Должно быть в этот момент на лице моем была написана такая же решимость, смешанная с отчаянием (в соотношении один к двум), что и на лицах героев Французской Революции, обреченно приближающихся к гильотине. Причем приближающихся не в первый раз...

Мистер Зоза приехал ко мне как то раз вечером, примерно через неделю, обеспокоенный тем, что от меня так долго не поступало никаких новых рукописей. И, увидев меня с:

а) обеими загипсованными руками;

б) двумя одиночными указательными пальцами, нелепо торчащими из гипса;

в) непередаваемо счастливым выражением лица, с которым я сосредоточенно водил этими пальцами над клавиатурой, впал в полную прострацию.

А потом выпал из нее и закатил мне грандиозный скандал, хотя сам прекрасно понимал, что от несчастного случая не застрахован никто. Кроме, быть может, меня. (Кстати, забегаю несколько вперед, скажу, что страховку мне так и не выплатили, обвинив в сознательном членовредительстве. Ну что я им мог ответить на такое?) Мистер Зоза с выражением почти священного ужаса на лице кричал мне о том, что я ему сорву все контракты с издателями. Что лучше бы я тогда сразу прищемил себе голову, раз уж все равно ничего полезного ею сделать не в состоянии. А я почти не слышал его, только думал про себя: «Господи, как же он постарел...»

Когда он успокоился немного и обессилено откинулся в кресле, я попытался мягко объяснить ему, что он, пользуясь его же собственной терминологией, бросает камни не совсем в тот огород. И что не все так мрачно, как он пытается представить. В конце концов, врачи сказали, что гипс мне через несколько месяцев можно будет снять. (При слове «месяцев» мистер Зоза молча всплеснул руками) И что зато когда все эти неприятности закончатся, я вновь потрясу весь мир своим новым шедевром. Причем таким, что возможно даже возникнет необходимость в пересмотре самого понятия «шедевр».

Мистер Зоза заверил меня, что искренне надеется, что все именно так и будет, сел в машину (к моему удивлению, это оказалась всего-навсего ярко-красная «Ламборджини») и умчался в ночь...

Наконец-то я снова мог почувствовать себя настоящим творцом, а не просто механической приставкой для набора текстов. И получать от творческого процесса массу удовольствия. Полужабытого, но оттого - еще более ценного удовольствия.

В те дни я не бросался к компьютеру, как одержимый, с самого утра. О нет! Я был уже не в том возрасте, когда неконтролируемые эмоции заставляют тебя добиваться всего и сразу. Я хотел полностью насладиться процессом. Всеми его этапами.

Сначала я просто включал компьютер в сеть. Затем, когда экран монитора загорался самыми привлекательными цветами, я начинал неспешно прохаживаться вдоль комнаты, как бы совсем не замечая его. Туда и обратно. Туда и обратно. Ощущая при этом, как в кончиках пальцев потихоньку нарастает приятнейший зуд, вызванный непреодолимым желанием действия. Или это просто давала о себе знать гипсовая крошка? Нет, не думаю... И только когда мое желание коснуться клавиатуры становилось сонмерным разве что с желанием Отелло сомкнуть свои пальцы на белоснежной шее Дездемоны, я уступал и давал волю рукам. Видели бы вы их в этот момент! Своими движениями, одновременно неуклюжими, но не лишенными некоторой грациозности,



они напоминали двух лебедей. И белый цвет бинтов только подчеркивал это сходство.

7

Я трудился над романом полгода. Вы только вслушайтесь - полгода!

А когда закончил - сразу же позвонил литературному агенту и предложил ему, не мешкая, приехать ко мне. Он не заставил себя долго ждать, появился у меня уже через полчаса и заполнил собой мое лучшее кресло.

- Посмотрим, посмотрим, - с надеждой в голосе пробормотал мистер Зоз, взяв в руки первый листок из большой стопки, торжественно преподнесенной мною.

Выражение ожидания неземного удовольствия медленно растекалось по его лицу. Как, впрочем, наверное, и по моему. Мне доставляло удовольствие просто наблюдать за выражением лица мистера Зоза и представлять себе по памяти, какой именно фрагмент романа он держит сейчас перед глазами. И мое ожидание оправдалось!

Мистер Зоз начал чтение, еще не до конца стерев с лица свою обычную, с оттенком скепсиса улыбку. На первых страницах он еще иногда прерывался, чтобы тактично напомнить мне, например, что слово «притензии» лучше все-таки писать через «е». Но потом замолчал и с головой погрузился в захватывающее повествование. Выражение легкого удивления на его лице постепенно уступало место чрезвычайному изумлению. Я наблюдал за ним и думал в этот момент о том, что все мои усилия, все лишения, на которые я себя обрек и все испытания, через которые прошел - все это не зря! Где-то примерно на середине рукописи мистер Зоз, видимо, не выдержав давления охвативших его чувств, прервал чтение и примерно минуту молча смотрел мне в глаза. О, как я его понимал! Он ведь как раз дошел до кульминационного места в романе. Насколько мне помнится, я сам не смог удержаться от слез, когда писал его. Но мистер Зоз быстро справился со своими чувствами и нашел в себе силы продолжить чтение. Страницы рукописи замелькали с возрастающей скоростью, руки моего литературного агента мелко дрожали. Я мучительно пытался отогнать от себя всяческие ассоциации со «священным трепетом». Его нетерпение легко объяснялось: ведь действие романа было закручено стремительной спиралью, и чем ближе к концу - тем сильнее. Как же он хотел поскорее узнать, чем же все закончится! Глаза его скользили по строчкам рукописи со скоростью молний, по лбу медленно скатывались

бисеринки пота. Если бы он знал, какой неожиданный конец я приготовил для него! Решительный поворот сюжета на тысячу градусов!

Но вот мистер Зоз издал сдавленный хрип и отложил последний листок рукописи на неровную стопку его предшественников. Глаза его еле умещались в своих орбитах, левой рукой он держал себя за горло, судорожно пытаясь вдохнуть.

- Но ведь это же... - начал было он хриплым голосом, но не смог продолжить, закашлявшись.

Я хорошо понимал испытываемые им затруднения. Сам я тоже не сразу смог бы подобрать для своего творения подходящий эпитет.

«Господи, - подумал я, наливая ему воды, - и ведь это - мой литагент, у которого, в принципе, должен бы уже выработаться некоторый иммунитет к моему творчеству. Что же тогда станет с обычными читателями, когда они прочтут этот роман?» И мысленно еще раз поздравил себя с полной победой.

Мистер Зоз одним глотком осушил стакан и предпринял вторую попытку высказаться:

- Но ведь это же слово в слово твой «Апокалипсический удар», который мы издавали уже и не помню когда! Примерно в сорок пятом томе собрания твоих избранных произведений. Он еще тогда не имел особого успеха. Только главного героя там звали как-то по-другому... Пстой-ка, я сейчас вспомню...

8

Ну вот и все.

Гипс мне давно сняли, и я снова с обреченностью каторжника сижу за своим столом и слушаю монотонное пощелкивание клавиш. Строчки, равномерно и непрерывно заполняющие собой экран, сливаются в одно большое пятно серого цвета. Это потому, что в глазах у меня стоят слезы.

И я даже не могу вытереть их рукой, потому что моим рукам некогда отвлекаться на подобные мелочи, ведь они как раз сейчас печатают этот рассказ.

А я все надеюсь, что может быть хотя бы в этот раз мой слепой Бог с десятью Пальцами посмотрит мне в глаза...

К О Н Е Ц

июнь 1998.

## Курьер

## «СТРАННИК — 99»

В Петербурге с 23 по 26 сентября 1999 года прошел четвертый конгресс фантастов России «Странник».

Лауреатами «Большого Странника» по итогам голосования членов жюри названы: крупная форма: Сергей Лукьяненко (Москва) - за роман «Ночной Дозор»; средняя форма: Александр Етоев (СПб) - за повесть «Бегство в Египет»; малая форма: Андрей Саломатов (Москва) - за рассказ «Праздник»; критика, публицистика: Игорь Халымбаджа (Екатеринбург) - за статью «Фантастический самиздат» (посмертно); перевод: Андрей Лактионов (Москва) - за перевод романа Л. Шепарда «Сага о драконе»; издательство: «ЭКМО» (Москва); редактор, составитель: Александр Ройфе (Москва), ведущий раздела «КЛФ КО» еженедельника «Книжное обозрение»;

художник: Яна Ашмарина (СПб).

«Маленький Странник»: — Роберт Шекли (США); — Ооно Норихиро (Япония).

Премия «Паладин фантастики»: Вадим Шефнер.

Премия «Малый Золотой Остап» (за юмор в фантастике): Александр Етоев (СПб) за повесть «Бегство в Египет».

Специальный приз Конгресса: Николай Перумов (СПб).

Премия «Мастер издадека»: Пол Андерсон (США).

Жанровые премии «Странника» («Мечи») (лауреаты премий определяются голосованием всех участвующих в Конгрессе писателей-фантастов): «Меч Руматы» (премия за лучшее героико-романтическое

произведение): Юрий Брайдер, Николай Чадович (Минск) - за роман «Между плахой и секирой»; «Меч в зеркале» (премия за лучшее произведение в жанре альтернативной истории): Андрей Лазарчук, Михаил Успенский (Красноярск) - за роман «Посмотри в глаза чудовищ»; «Лунный меч» (премия за лучший роман в жанре мистики и ужасов): Марина Дяченко, Сергей Дяченко (Киев) - за роман «Пещера»; «Меч в камне» (премия за лучший роман-фэнтези): Евгений Лукин - за роман «Катали мы ваше солнце».

В рамках конгресса проходил кинофестиваль-ретроспектива российской кинофантастики. 26 сентября фильм-легенда «Солярис» получил специальную премию - в качестве картины, оказавшей наибольшее влияние на развитие современной фантастики. Премия была вручена Донатасу Банионису.



## Часть пятая. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Роман. Журнальный вариант

*«Ад и рай в небесах», - утверждают ханжи.  
Я, в себя заглянув, убедился во лжи.  
Ад и рай - не круги во дворце мироздания,  
Ад и рай - это две половинки души.*

*Омар Хайям*

Снова стояла ночь. Почему-то не светилося ни одно из окон в ближних домах, и это было очень нелепо и жутко. Единственный фонарь горел над будкой возле транспорта, отчего фигуры людей отбрасывали на асфальт вытянутые уродливые тени. Ржаво лязгал транспорт, медленно двигая вереницу коробок. Абсолютно не было видно, что происходит по ту сторону транспорта. Как будто плотная черная ширма разгораживала его посередине, и коробки как-то неожиданно выныривали из этой тьмы. Возле них прыгал возбужденный Володя Лобан, но не спускал их вниз и не вскрывал, а просто сбрасывал на землю: поочередно то на одну, то на другую сторону от транспорта. «Надоело! - злое кричал он при этом. - Пошло оно все!..» Коробки внезапно кончились, и из-за невидимой ширмы выплыли носилки, на которых лежал человек. Лицо его было закрыто простыней. Носилки доползли до края, и транспорт заглох. Откуда-то сбоку, из темноты вышли Кравец и Котельникова. Что-то сжалось у Сергея внутри, когда он увидел их. Котельникова была совершенно босой, в одной ночной рубашке, но самым диким было то, что у нее оказался огромный живот. «Ну, что там у нас?» - сухо осведомился Кравец и дернул простыню с лица лежащего. Сергей похолодел. На носилках лежал труп Чистякова с багровой полосой на шее. «Давайте, давайте» - торопливо заговорил Кравец, и Котельникова

стала неуклюже карабкаться на транспорт. Большой живот очень мешал ей, она стонала и всхлипывала и все время хваталась за него руками. Возникла грузная фигура Барновского. «Ну что ж вы так-то? - говорил Барновский сокрушенно. - Ну зачем вы с собой это взяли? Оставить не могли, господи... Ценное у вас там что-то, разве?..» А Сергей уже бежал к своей машине, обалделый и напуганный, и открывал заднюю дверь. В машине кто-то сидел. Это оказалась маленькая девочка лет пяти в белом платьице с кружевами и двумя забавными короткими хвостиками на голове. «Ты сюда как попала? - удивленно воскликнул Сергей. - Что ты тут делаешь? А ну, вылезай!» «А вы зачем сюда? - тонким голоском спросила девочка. «А я и не сюда, - ответил Сергей. - Я сейчас за руль сяду. Кому сказал: выходи! Это место не для маленьких девочек!» Девочка пробралась к двери, Сергей взял ее на руки и опустил на асфальт. «А для кого это место?» - вдруг спросила она, глядя на него огромными голубыми глазами. Вокруг машины уже скопилось очень много народу. Было решительно непонятно, откуда они успели набежать. Возле носилок с телом, стоявших на земле, сидела жена Чистякова, тут же рядом крутился Артем. Девочка куда-то успела исчезнуть, зато появились Филин с Кириллом и почему-то стали забираться внутрь машины. «Да вы куда, мужики? - ошеломленно выпалил Сергей. «Ты же в больницу, -

Окончание. Начало в №1, 1998, №1, 1999.

процедил Филин, сквозь дым папиросы. - Подвези уж». Возле них нарисовался Барков. «Захвати нас, тезка», - попросил он слегка заплетающимся языком. «Почему посторонние здесь!? - раздался недовольный выкрик Барновского. - Всем немедленно отойти на положенное расстояние!» «Какие же мы посторонние? - удивленно сказал Барков. - Мы ныне все равны...» Кирилл и Филин уже сидели в машине. «Подождите, вы что?.. - пробормотал Сергей и обескуражено посмотрел на носилки. - А труп?.. Мне же его надо...» «Не переживай, - бросил из темноты «Рафика» Филин. - Места всем хватит» «Ну как же... - замаялся Сергей. - Его все равно надо первым...» «А вторым кто будет?» - спросил его Кирилл. Сергей растерялся, он уже ничего не соображал и даже где-то начал догадываться, что все это происходит не на самом деле, что все это какой-то бред, нереальность. В это время зазвонил телефон. «Сергей, это тебя», - сказал Кирилл из тьмы фургона и протянул ему радио. От неожиданности Сергей замер. Рука Кирилла с радией торчала у него перед самым носом и продолжала трезвонить, словно телефон, а он, как истукан, стоял и не мог пошевелиться...

- Сережа! - Тина отчаянно трясла его за плечо. - Да проснись ты!.. Это тебя!

Открыв глаза, он несколько секунд ничего не понимал и таращился на расплывчатые очертания телефонной трубки перед носом и фигуру Тины на фоне окна. Потом окончательно пришел в себя, встряхнул головой и схватил трубку.

- Какого черта! - Голос Кирилла был чрезвычайно возбужденным. - Ты что, дрыхнешь? Куда ты вообще пропал?

- Я же написал... - пробормотал было Сергей.

- Так я звонил! Вы что, телефон отключили?

Пока Сергей собирался с мыслями, Кирилл выпалил:

- Быстро сюда! Чтоб через пять минут был дома, слышишь?

Только, Серега, будь очень осторожен. Дворами лучше иди. Ты меня понял?

- Понял... А что произошло?

- Дома все узнаешь, - отрезал Кирилл. - Жду тебя через пять минут. Все!

Кирилл отключился, а Сергей растерянно почесал трубкой в затылке. Так, подумал он. Стало быть, вот он и начинается... Трудный-то денек. Хорошенькое дело.

Он дотянулся до телефона, положил трубку, сел на постели и посмотрел на Тину. Она замерла неподвижно, обхватив колени руками.

- Тина, - сказал он, - ты что, телефон отключала?

- Не хватало только, чтоб еще по ночам звонили, - произнесла она недовольно. - Вы там со своим Кириллом совсем с ума посходили, дня вам не хватает.

Она упрямо и сердито поджала губы.

- Господи, я же тебя просил... - вздохнул Сергей. - Ну зачем?.. Ты не понимаешь, насколько все серьезно!

- Мне и сейчас-то тебя будить жалко было, - сказала она. - Так сладко спал...

- Неправда это. Не мог я сладко спать. Такая чушь снилась!..

- Нет, я не понимаю одного... С каких это пор ты стал служить в полиции? Развозишь всякое барахло по магазинам - вот и развози себе.

Сергей вскочил с постели и стал натягивать брюки.

- Тина, скажи мне, - сказал он, вдруг вспомнив вчерашнее, - ты с Барковым давно разговаривала?

- О чем?

- Ну, он тебя ни о чем не просил? Вчера, скажем... Или на днях.

- Нет, не просил, - ответила Тина и хитро прищурилась. - А что ты имеешь в виду?

- Да так, - уклончиво ответил Сергей, хватая со стула рубашку.

- А что, вообще, происходит? - спросила она настороженно. - Вскочил как ошпаренный... Что тебе Кирилл сказал?

- Потом, Тина...

- Сережка, ну скажи, а то укушу.

- Тина, я правда ничего не могу тебе сейчас сказать, - бормотал Сергей, застегиваясь. - Я сначала должен увидеться с Кириллом. Извини, но я убегаю.

Он закончил одеваться, поцеловал ее в поджатые губы и пошел к выходу. Она набросила на себя халат и нагнала его в прихожей.

- Не позавтракаешь, что ли? - с досадой сказала Тина. - И даже не умылся.

- Совсем нет времени, - сказал Сергей.

- Ну и ладно, - произнесла она. - Ну и беги. А я тебе, кстати, так и не сказала одну вещь. Которую обещала.

- Какую вещь? А... Я думал, это уловка.

- Сам ты уловка! В общем, Сережа, я долго думала... - она стала

теребить цепочку у себя на шее. - А может, и недолго вовсе... В общем, перебирайся ко мне, а? Перебирайся, а там видно будет...

Она посмотрела ему в глаза, и взгляд у нее был пронзительный.

- Ладно? - тихо спросила она. - Ну, не молчи. Скажи что-нибудь.

- Тина, я не готов тебе ответить сейчас, - сказал Сергей и это была правда. - Пожалуйста, дай мне время подумать...

- Сколько?

- Ну... Хотя бы до вечера...

- Даю, - слегка улынулась она. - Только ты правильно подумай, ладно?

- Я постараюсь, - тоже улыбнулся Сергей, открыл двери и вышел за порог. - Пока, Тина.

- Пока, - сказала она, тихонечко помахав пальцами, и закрыла дверь.

На улице было немного прохладно. Полдевятого утра. Сон в резервации, несмотря на воскресный день, уже кончился. То тут, то там можно было заметить одиноких прохожих. И куда бы это они могли топтать, мелькнула у Сергея мысль. Не в мэрию же, в конце концов... До начала собрания оставалось еще полтора часа. А я-то как мог уснуть, подивился он. Это после всего-то!

Следуя совету Кирилла, он пошел домой по той же территории домов частного сектора, через которую ночью пробирался к Тине. Но на первый взгляд на улице было спокойно и никакой слежки за собой он не обнаружил. Возле подъезда он еще раз тщательно осмотрелся по сторонам и шмыгнул в двери.

Кирилл был мрачен, небрит, зол и первым делом осведомился у Сергея, не заметил ли он по дороге хвост. Потом он протащил его на кухню, объяснив это тем, что необходимо постоянно следить за теми, кто входит в их подъезд.

- Ты куда, черт тебя дерит, исчез! - прорычал Кирилл, когда они расположились возле окна.

- А ты куда? - в свою очередь выпалил Сергей. - Я, знаешь, до скольки твоего звонка ждал?

- Да не мог я! - отмахнулся Кирилл. - Не до того было... Ох, емое!.. - Он цокнул языком и помотал головой. - Короче, Иваныч, дело пахнет керосином, - проговорил он мрачно. - Даже не знаю с чего и начать. Одна новость веселей другой.

- Начни с начала, - порекомендовал Сергей.

- Сначала... - нахмурившись, произнес Кирилл. - Сначала я, по наивности, бегал искал Чистякову... Вчера еще.

- Что значит - по наивности?

- Не перебивай. Слушай. Потратил я часа полтора, дома у Чистяковых никого, А часов в одиннадцать Барновский по радию вызвал. Уманцев к тому времени труп Чистякова осмотрел, сделал заключение... Так вот. Чистяков сначала был задушен, а уже потом повешен. Не знаю почему, но внутренне я был к этому готов...

- Филин? - спросил Сергей.

- Ты слушай дальше! - многозначительно сказал Кирилл. - Это еще цветочки. Я, разумеется, сразу - к Петровичу... Он в шоке. Я его таким растерянным никогда не видел, Серега! «Да неужели это Виктор?» - ахает. - Да как же так...» А ты прикинь, что ему завтра, то есть сегодня, на собрании отчетный доклад делать! Посаженов тоже как на иголках сидит, Кравец как на иголках сидит - все как на иголках... Короче, мы с Петровичем часов, наверное, до двух у него дома были. Разбирались, думали, что делать.

- А позвонить - не судьба была? - с укором сказал Сергей.

- Некогда мне было позвонить, Серега! Сам пойми: не до этого... Думал, что все равно домой пойду, там тебе и расскажу...

- Ладно, ладно, - торопливо сказал Сергей, - Не отвлекайся.

- Ну и вот, значит. Домой от Барновского иду, а у самого из головы убийство Чистякова не выходит. И пропажа его жены... Куда, думаю, она деться-то могла? И тут внутреннее чутье мне подсказало снова к дому Чистяковых сходить. Я напрямик туда. Никто, конечно, не открывает. Полчаса вокруг походил, сад-огород облазил - все тихо. А внутри сидит какой-то червяк, хоть убей. Потом, короче, плюнул на все и дверь-то входную и высадил... Фу... В горле пересохло...

Кирилл плеснул себе в стакан воды из чайника и залпом выпил.

- Зашел, осмотрел комнаты... - Он вытер губы рукавом. - Пусто. Потом вспомнил, что у них еще подпол на кухне есть. Ну, я - туда. Вот... Там ее и нашел... - Он сделал паузу и, хмурясь, закусил губу. - Понимаешь, Серега? Вот сюда, - он ткнул пальце себе чуть выше виска, - вот в это место. В упор! Крови везде... - Кирилл тяжело вздохнул и нахмурился еще сильнее. - Я, конечно, по всем этим экспертизам не специалист. Но только она уже холодная была, когда я ее нашел. А это значит, что убили ее примерно в то же время, что и самого Чистякова. Может, немного позднее...

- Поэтому, стало быть, со стабильностью все в порядке было, - задумчиво произнес Сергей. - Когда Чистякова в «камере» нашли.

- Вот именно, - утробно согласился Кирилл. - Он все, сука, учел. Все, понимаешь, спланировал...

- Значит, думаешь - Филин?

- Филин, - процедил Кирилл, сверля взглядом подоконник. - Которого знает каждая собака в резервации. Знаешь, что я там еще нашел возле трупца в погребе? Кроме гильзы, конечно...

Он вытащил из нагрудного кармана полиэтиленовый пакетик и показал его Сергею. Там лежал окурочек «беломорины». С пару секунд он подержал пакетик перед носом Сергея, а потом спрятал обратно.

- Забыл Петровичу отдать, - сказал он. - Так что Филин, Серега, Филин... Он ведь даже не заметал следы! Ему было все равно... Я просто вижу, как он стоял там, в подполе, курил папиросу и обдумывал свои следующие действия! Спокойно так, неторопливо... Он ничего не боялся, ты понимаешь? А теперь еще дальше слушай! - воскликнула Кирилл, отпрянув от окна, стал рассказывать по кухне.

- Стало быть, это еще не все? - хмуро спросил Сергей.

- Это далеко не все! - сказал Кирилл, взмахивая рукой. - Я трупца, значит, когда нашел, с Барновским по радиации связался. Петрович, разумеется, снова в трансе. Решили тело Чистяковой до утра не трогать. Я дверь закрыл, доски во дворе там нашел, заколотил и пошел домой. Это уж часа четыре было. Домой прихожу - тебя нет. Тине звоню - короткие гудки... Стоп!

Он замолк и замер возле окна, устремив взгляд на улицу.

- Вроде обычные мирные граждане, - прокомментировал он, спустя несколько мгновений. - Ладно... Нет, - сказал он уверенно. - В светлое время они вряд ли сунутся.

Он отвернулся от окна и пристально посмотрел на Сергея.

- Кто «они»? - спросил Сергей.

- Филин не может действовать в одиночку, - сухо произнес Кирилл. - Так на чем я остановился?

- Ты вернулся домой и стал звонить Тине, - напомнил Сергей.

- Звоню Тине - занято. И главное, устал как собака, а спать не могу! Все думаю и думаю. Артем, понимаешь, из башки все не выходит... Он-то где? Чую, что есть какая-то связь. Не просто так это все... Ну и опять на поиски потащился.

Кирилл сделал паузу и тяжело перевел дух, а Сергей встал:

- Так ты и Артема нашел, Кир?

Кирилл криво усмехнулся.

- Нашел, - произнес он бесцветным голосом. - И знаешь, где?

Он вытащил сигареты и закурил. Сергей молчаливо ждал. Сделав несколько глубоких затяжек, Кирилл кашлянул и хрипло проговорил:

- На свалке я его нашел, Серега. В мусорном баке на машине Каима. Вот и все.

Сергей молчал, а Кирилл, выпуская дым через нос, медленно и устало подолжничал:

- Сначала рощу осмотрел. Знаешь, там ведь тоже место пустынное... Почему-то вспомнил Чистякова. Как он нам в роще место показывал, где младенца-то первого закопал... Потом на свалку решил заглянуть... Еще часа два как проклятый там ползал. Хорошо еще, что светало уже... Я как мусоровоз увидел - тут и екнуло! В одном из баков Артема и нашел. Подошву от сапога заметил... Я уж не стал смотреть, чем его убили, да как... И так тошно было.

Кирилл затих на некоторое время, одну за другой делая лихорадочные затяжки. Потом он неожиданно резко повернулся в сторону Сергея.

- Я не знаю, Филин убил его или Клим, или еще кто... - выдавил он, и желваки на его скулах заиграли. - Только Филин за это заплатит! Я убью его! Я лично уничтожу эту сволочь! - выкрикнул он. - У меня в голове не укладывается... Может, это сон, а, Серега! - Он отчаянно ударил кулаком по столу.

Стоявшие там чайная чашка с блюдцем сиротливо звякнули в ответ. Сергей на мгновение прикрыл глаза. Бессвязные мысли хаотически ронялись в мозг и никак не могли оформиться во что-то определенное. Кирилл выбросил в форточку окурочек и тут же закурил вторую сигарету. Пальцы его дрожали.

- Ведь всю семью утробил, всю семью! - выдохнул он яростно. - Под корень! Да, я согласен: и Чистяков и жена его были твари, но... Но это же не значит, мать твою... А пацана за что?

Прямо на глазах Сергея Кирилл изменился. Теперь это был Кирилл полный непонимания, боли и ненависти. На его щеках проступили красные пятна, а желваки, не переставая, двигались под кожей вверх-вниз.

- Я убью Филина, - ледяным тоном и с расстановкой повторил он.

- Как только он попадет мне на глаза.

- Погоди, Кир, - проговорил Сергей, мучительно пытаясь что-нибудь сообразить. - Ты давай успокойся. Сейчас надо думать. Пытаться все разложить по полкам...

- Да какие полки! - выкрикнул Кирилл. - Все, Иваныч! Приплыли! Мы уже не управляем ситуацией.

- Ну-ка не кричи и объясни спокойно! - потребовал Сергей.

- Спокойно... - процедил Кирилл, открыл холодильник и вытащил бутылку. - Водку будешь?

- Нет, - ответил Сергей.

- А я буду, - сказал Кирилл, наливая себе почти полный стакан.

В несколько глотков он осушил его, потом нахлебал на столе какую-то засохшую корочку хлеба и бросил в рот. Некоторое время он постоял, закрыв глаза и пережевывая, затем шумно выдохнул.

- Ладно... - проговорил он сдержанно. - Попробуем спокойно. Слушай последний прикол этого сезона...

- Боже мой, - изрек Сергей, потирая лоб. - Еще не все разве?

- Сейчас будет тебе все!.. - сквозь зубы сказал Кирилл. Он дожевал, проглотил и сказал: - С Барновским я по радиации пытался связаться еще со свалки - нет связи! Думаю, что за ерундовина?

Сейчас по телефону домой ему звонил, а мне знаешь, что говорят? Жена его... Говорит, что примерно полшестого утра за Петровичем пришли какие-то люди. И они вместе ушли, понимаешь? Якобы в мэрию по неотложным обстоятельствам. И радиация у него, блин, не отвечает!

- А что за люди? - спросил Сергей. - Она не видела?

- Не видела, - буркнул Кирилл. - Ушел - и с концами! Он бы мне все равно сообщил, елки-палки!

- Постой, не кипятись...

- Да я мэру тут же звонить стал, Серега! Мэру я сразу позвонил!

- И что?

- Знаешь, что мне сказала его жена? - с какой-то торжественной злостью проговорил Кирилл. - Сказать, или ты уже догадался?

- Похоже, что догадался, - мрачно вымолвил Сергей после паузы. - За ним пришли, видимо?.. Что ж, это вполне логично.

- Молодец, - сказал Кирилл. - Только она не помнит точно, во сколько за ним пришли. То ли в шесть, то ли в пять часов. Но это уже неважно.

- Хорошенькое дело... - лихорадочно пробормотал Сергей. - Трудный будет, однако, денек...

- Между прочим, за нами тоже гости являлись, - сказал Кирилл уже более спокойно. Алкоголь слегка утихомирил его. - Тоже между пятью и шестью. Время «Ч», понимаешь...

- За нами? - переспросил Сергей.

- Возможно, только за мной, - ответил Кирилл. - Хотя как знать... Мама не открыла им, сказала, что нет никого. И песня та же: надо срочно по какому-то делу... В общем, считай, что мы с тобой родились в рубашке. Ты в это время у Тины дышь, я по свалке таскался. Повезало. Но сейчас они к нам не сунутся. Они свой шанс на этот счет ночью упустили.

Кирилл устало опустился на табурет.

- И еще, - добавил он. - После четырех часов кто-то несколько раз к нам звонил. Спрашивал тебя или меня. Себя не называл.

Барков, тут же мелькнула мысль у Сергея. Точно он... «Иди к Тине...», «Вам не надо сидеть дома...»

- Вот теперь я тебе все сказал, - с вздохом сказал Кирилл.

- Переворот? - пробормотал Сергей. - Путь?.. Смешно же, черт возьми! Зачем? Кому это надо?.. Это же бред. Чего-то мы не понимаем, Кир.

- Это все равно связано с собранием! - уверенно сказал Кирилл, барабанив пальцами по столу. - Это не может быть совпадением.

- А вдруг Филин сумасшедший? - предположил Сергей. - Вдруг он просто маньяк?

- Тогда он ловко все это время косил под нормального, - махнул рукой Кирилл. - А Оболочка тогда как?

- Ну, есть разные формы психических отклонений, - произнес Сергей.

- Если уж на то пошло, то нормальных людей вообще не существует.

- Тогда бесполезно пытаться понять его замыслы! - бросил Кирилл хмуро.

- Мне еще при аресте Чистякова очень не понравилось его поведение. Если предположить, что Чистяков имел какой-то компромат на Филина, то это, возможно, объясняет их семейную гибель.

- Что нам-то теперь делать? - мрачно спросил Кирилл. - Неужели - все? Они держат все под контролем, сволочи...

- Постой, Кир. Дай подумать, - сказал Сергей. - Надо хотя бы немного подумать.

- Ты подумай, - сказал Кирилл с вздохом. - А я быстренько душ приму. Не могу после этой свалки.

С ног от усталости валюсь.

Он побрел в ванную, опустив руки и на ходу расстегивая форму. Перед тем как исчезнуть за дверью, он замер ненадолго и очень серьезно посмотрел на Сергея.

- Ты придумай что-нибудь, а? - попросил он. - Ты же можешь, я знаю.

Потом дверь за ним закрылась, и несколько минут Сергей сидел в оцепенении, слушая, как Кирилл управляет в ванной с водой и кранами. Ничего не шло в голову, совсем ничего. Одна пустота, пугающая пустота, в которой как чайки над водой мелькали обрывки мыслей. Но надо же что-то делать, в отчаянии сказал он себе. Думай, родной, думай! Всегда можно найти какую-то зацепку, какую-то ниточку...

В комнате зазвонил телефон.

Сергей даже вздрогнул в первый момент от неожиданности, потом прошел в комнату. Какое-то время он мялся возле аппарата, обуреваемый противоречивыми желаниями, и не брал трубку. Телефон продолжал настойчиво звонить, и Сергей все же, наконец, снял трубку, но ничего говорить не стал.

- Алло, - раздался в трубке хриплый голос. - Сергей? Или Кирилл? Это Барков говорит.

- Здравствуй, - отозвался Сергей.

- А... Сергей, ты... - сказал Барков. - А Кирилл где?

- А что ты хотел? - настороженно поинтересовался Сергей. - Ты еще вчера...

- Брось, брось, - торопливо заговорил Барков. - Я не Филин. Мне можешь доверять. Я же тебе вчера намекал... Ты скажи - Кирилл с тобой?

- Со мной.

- У вас были гости?

- Были. Только им, похоже, не повезло.

- Это хорошо. Слава богу... Я вам несколько раз звонил - никого. Думал, ты у Тины... Туда звоню - там все время занято. В общем, так, братец, - тон у Баркова был очень серьезный. - Если вы хотите кое-что узнать про то, что происходит, тогда быстро ко мне!

- Говори сейчас, - сказал Сергей, внутренне напрягшись.

- Ты должен придти! - настойчиво сказал Барков. - Сергей, дело очень серьезное. Речь идет обо всей резервации. Еще можно что-то успеть сделать. Бери Кирилла и бегом сюда. Я сейчас один, Нину с утра в бар отослал.

- А сам ты не можешь придти?

- Не могу. Придешь, поймешь - почему... Не тяни резину! Время очень дорого.

- Но Кирилл сейчас моется... - пробормотал Сергей.

- Тогда иди один, - сказал Барков. - Ждать нельзя, пойми... Только смотри по сторонам как следует. Квартиру запомни. Двенадцатый этаж, квартира девяносто три. Дверь будет открыта. Все понял?

- Выхожу, - сказал Сергей. - Только Кирилла предупрежу.

- И еще, - добавил Барков. - Просьба одна. Ты не вини меня, что так все вышло. Никто не совершенен. Значит, такая судьба.

- Я не понимаю... - начал было Сергей.

- У тебя очень мало времени. Торопись.

В трубке раздалась короткая гудка.

Он в полном непонимании положил трубку и вышел из комнаты.

- Кир! - крикнул он через дверь, сквозь шум льющейся воды. - Звонил Барков. Просил срочно придти. Немедленно. Похоже, он что-то знает и хочет рассказать! Я побежал. От него позвоню.

Дверь приоткрылась и в щель высунулась мокрая голова Кирилла.

- Ты что?! - выпалил он. - А если это ловушка?

- Нет, Кир, - сказал Сергей. - Это не ловушка, я знаю.

- Не очень-то верю я твоему Баркову! - сказал Кирилл, хмурясь. Капли воды стекали с его носа.

- Но мне-то ты веришь? - бросил Сергей. - Тогда не переживай. Я сразу же позвоню.

Кирилл принялся отчаянно чертыхаться и рычать, но Сергей не стал больше терять времени, впрыгнул в туфли и выскочил за двери.

До четырнадцатого этажа, где жил Барков, он добрался через картофельные посадки, что тянулись вдоль железной дороги. Он не встретил по пути ни одной живой души.

Единственный лифт в единственном высотном доме на территории резервации не работал. Сергею пришлось вприпрыжку мчаться на двенадцатый этаж по лестницам, и когда он добрался до девяносто третьей квартиры, то основательно запыхался и взмок.

Входная дверь, как и обещал Барков, оказалась открытой. Он вошел в квартиру.

- Вот и я, - громко сказал Сергей, скользнув взглядом по пустой кухне и маленькой спальне.

В квартире стояла тишина, размеренно прерываемая тиканьем невидимых настенных часов. И еще чем-то пахло. Чем-то, напоминающим гарь.

- Сергей! - позвал он.

Барков не откликнулся. Недоуменно пожав плечами, Сергей прошел

по коридору в гостиную и тогда увидел Баркова. И застыл на пороге. Из горла вырвался непроизвольный сильный возглас, и в ноги в один момент предательски ослабели.

Барков наполовину сидел, наполовину лежал за письменным столом возле окна. Выстрел немного отбросил его голову и тело в сторону, отчего казалось, будто он спит, навалившись на левую руку. Глаза его были открыты и устремлены к окну, правая рука, продолжавшая сжимать пистолет, тоже лежала на столе перед самым лицом. И повсюду была кровь. И возле его головы, и на темной полированной поверхности, и на рукаве левой руки, и на белых листах бумаги... С каждым мгновением ее становилось все больше. Она уже начала стекать со стола на пол и с мерным стуком падала вниз густыми тягучими каплями.

На ватных ногах Сергей медленно приблизился к столу. Отвратительный комок подкатил к горлу, и ему вдруг стало не хватать воздуха.

На углу стола, под ажурной настольной лампой лежали несколько больших листов бумаги, очень плотно исписанных мелким почерком. Стараясь не глядеть в мертвые глаза Баркова и на зловещую черную дыру на его виске, он взял трясущимися руками эти листки.

Пальцы не слушались, они мелко дрожали, и буквы расплывались у Сергея перед глазами. Сердце бухало в груди, было мучительно душно. Он сел в кресло недалеко от стола и прикрыл глаза. Спокойно, сказал он себе. Ты должен взять в себя в руки, ты обязан! У тебя очень мало времени... Он несколько раз глубоко вздохнул, утихомиривая сердцебиение, посидел неподвижно с полминуты и снова поднес бумаги к глазам.

«Сергей, это письмо для тебя, - гласили убористые строчки. - Сейчас три часа ночи. Сначала я хотел записать на кассету, чтоб ты прослушал, но не получилось. Мысли путаются... Я решил: лучше напишу. Надеюсь, что ты найдешь это письмо, поэтому обращаюсь к тебе. А там уж как получится...

Помнишь, ты спрашивал меня о прошлом? Вот тебе и ответ. Оно оказалось сильнее меня. Дело в том, что я виновен в смерти трех человек, тезка. Я бывший летчик. Около четырех лет назад мы гибли в авиационных катастрофах, пробираясь к своему вертолету. Была авария, экстремальные условия и так далее... Сейчас это уже не важно, да и времени на рассказ у меня нет. Я смалодушничал тогда, струсил, спас себе шкуру, а они, мои ребята остались там. Навсегда. Естественно, мне пришлось искать надежное убежище, где никто бы меня не смог найти. Резервация была очень удобным местом. Выбирать мне тогда не приходилось. Вот тогда я и решил дать себе еще один шанс начать жизнь снова. Я решил заняться настоящим делом, я обжился в резервации, я нашел Нину... Я, глупец, думал, что отрезал прошлое. Как же я ошибся.

Не знаю, каким образом, но Филину удалось разнюхать что-то про меня. Возможно, даже чисто случайно. Рылся, видимо, в каких-то архивах и отрыл что-нибудь. О чем-то, может, и сам догадался. Меня ведь спасало, в сущности, только то обстоятельство, что я живу в резервации, где никто без надобности копаться в твоём прошлом не станет. А если бы кто-то копнул, да навел справки, да запросил фотографии - все бы и всплыло. Вот Филин и копнул - с него станется... Только не стал он меня тогда закладывать. И вообще никому об этом не сказал. Он просто пришел однажды, около года назад, ко мне и очень спокойно обрисовал ситуацию. Или ты со мной, сказал Филин, или можешь ставить на себе крест, второй пилот. Он не сказал, что именно ему удалось вынюхать обо мне, но это было уже неважно. И он и я знали, что моя судьба теперь всецело находится в его руках. И он понимал, что я соглашусь быть в его деле. Потому что мне ничего не оставалось. И я не готов был тогда к другому решению. Тем более, что от меня пока ничего и не требовалось - только согласие и молчание. И готовность выполнять приказы Филина. А Филин начал готовиться заранее. Задолго стал собираться, скажу я тебе. Во-первых, ему надо было набрать группу. А в резервации не так много людей, кто бы пошел с ним. Полагаю, что Клима он обработал так же, как и меня. Клима - отъявленный уголовник, два года уже скрывается в резервации. По нему не одна тюрьма плачет. Так что с ним у Филина никаких проблем не возникло. Кто у него в команде еще, я не знаю. Меня он в свои планы полностью не посвящал - до конца не доверял, видимо... Но кто-то еще есть - это точно! Затем Филину необходимо было оружие. Достать его можно только в городе, и на это тоже нужно много времени. Про Филинские каналы снаружи ничего не знаю. Знаю, что для своих связей с городом он использовал Артемку Чистякова. Додумался, значит, Филин, вообще-то, умный и хитрый. И главное, очень осторожный. Уж не знаю, как он не боялся с Чистяковыми связываться. Может, запугал их... Или хорошо платил, чтоб молчали. А скорее всего, и то и другое. Что ему еще Артем таскал из города - тоже не знаю.

Но ходил он туда часто, на протяжении нескольких месяцев. По ночам ходил, разумеется. Помнишь, ты меня о нем спрашивал?.. Тогда.

Кстати, о тебе, тезка. Знаешь, почему Филин так косо на тебя смотрел все время? Потому что он подозревает в тебе чье-то агента. Во-первых, его сразу насторожило твое странное и неожиданное появление в резервации. Во-вторых, то, что это произошло накануне выборов, то есть реализации его, Филина, замыслов. А уж если Филин в башку что вобьет - обратно не вышибешь! А когда ты сблизился с Кириллом, тут уж вообще никаких слов! Филин же мужик очень недоверчивый. Ведь нет же гарантии, что в городе не произошла утечка информации от тех, кто ему оружие продавал. Значит, теоретически органы могли сюда человека заслат. Я Филина сначала пытался убедить, что это все совпадение, что никакой подоплеки в твоём появлении не существует. Бесполезно. Что-то зашелкнулось у него в голове. Переубедить невозможно. Поэтому ты идешь у него, так сказать, в списках в одном ряду с полицией.

Я гляжу, написал уже много, а главного так и не сказал. Теперь по существу.

Филин задумал страшное. Не знаю тонкостей, но в общих чертах: он решил покончить с конторой одним махом. Но как - я не знаю. Во всех мыслимых и немыслимых бедах он винит контору, она для него - порождение зла, источник всех несчастий. Он вбил себе в голову, что если избавиться от конторы и ее людей, то резервация исчезнет. Откуда он это взял? Черт его разберет. Поэтому он и выбрал для своих планов день выборов. Когда все конторские соберутся в одном месте. Остальные, по всей видимости, его не интересуют. Я до самого последнего момента не знал, против кого и против чего направлен его план. То, что это связано с конторой, я узнал только на днях. И тогда я понял, что Филин ненормальный. Только в какой-то скрытой форме. А раз он ненормальный, то от него можно ждать чего угодно. Если он одержим своей идеей, его ничто не остановит. Вот что страшно, Сергей! Боюсь, что он начнет хладнокровно уничтожать всех, кто встанет на его пути. Я не хочу крови, я не хочу ничьей смерти, но удачи ли этого избежать? Сегодня ночью где-то после пяти часов все каючевые люди в резервации будут арестованы. Резервация должна быть обезглавлена. Это и Посаженов, и «зам» его, и Барновский с Кириллом, и Кравец, и еще кто-то... В общем, вся власть - под корень! Я знаю, что Филин собирался под покровом ночи вытащить всех по одному, связать и запереть в бойлер. Ты видел эту бойлерную между гаражами и больницей, место там тихое. А потом, когда народ придет на собрание, и начнется главное... Но что?

Я тоже должен участвовать в ночных рейдах, да только черта с два! Скоро они придут за мной, но я спрячусь и не открою. А Нине я дал снотворного и до утра ее из пушки не разбудить. Я уже принял решение. Всего несколько часов назад, Сергей, когда я бы у тебя, я еще не знал, что мне делать. Мне было страшно становиться орудием в руках этого маньяка. Я не хотел проливать ничью кровь. Но если я выхожу из игры - это означало бы мой конец. Я понимал, что тогда Филин просто уберет меня. Поэтому я пришел к тебе в таком подвешенном состоянии. Я не знал, что мне делать. Я не мог решить. Но все-таки решил.

Я вдруг понял, что прошлое не отрежешь и не забудешь. Да, я попробовал сделать это, и тогда оно само напомнило о себе. Я вдруг отчетливо осознал свой момент истины. И тогда решение пришло само собой. И стало удивительно легко. Словно огромная гора упала с плеч. Так всегда бывает, когда принимаешь окончательное решение. Теперь я больше не буду в мучительном долгу перед своим прошлым. Я заплачу по его счетам.

Однако меня потянуло в лирику, а времени у тебя немного. Даже пальцы свело от этой писанины. Короче. Когда я принял решение, когда я понял, что Филин не возьмет мою душу, я стал звонить вам с Кириллом. Но вас нигде не было. Я не знаю, удалось ли вам остаться на свободе, поэтому и пишу это письмо на всякий случай. Напишу, потом снова попробую вас найти. Может, к утру объявитесь.

Я рассказал тебе все, что знал. Теперь последнее, Сергей. О Пророке. Я специально переписал этот слит из другого угла, чтобы Пророк легче было вычитать. Пойди к окну и посмотри вниз. Прямо под окнами нашего строения тянется в ряд несколько старых сараев. Перпендикулярно железной дорожке. Значит, если я правильно рассуждаю, Пророк будет справа от них, меркнет в тень от края сарая. Плюс минус сместили два. Теперь уже тебе самому решать. Хочешь уйти - уходи. Только сначала сообщи обо всем Кириллу и осязным. ЕЩЕМОЖНО УСПЕШЬ ЧЮ-ТО ПРЕДПРИНЯТЬ. Я только не хотел бы, чтобы в резервации еще кто-нибудь погиб. Пусть моя смерть будет последней. Эх, какая жаль, что свою нежность нельзя завещать!

Еще, тезка. Объясни Нине потом все. Ты или кто другой. Она поймет меня и простит. Вот и все. Ты уж не укоряй Баркова слишком, что так все обернулось. Входную дверь захлопни, когда пойдешь. Не забудь взять пистолет, там еще есть три патрона. Не дай бог, пригодятся. Прощай».

На этом письмо кончалось. В оцепенении Сергей сидел в кресле некоторое время и слушал, как настенные часы монотонно отмеряли время. Тик-так, тик-так...

Эх, Барков, Барков, с тоской и отчаянием думал он. Что же происходит на белом свете?.. Господи, Тина, ну зачем ты отключила телефон? Ведь могли бы успеть! А теперь что? Теперь мы с Кириллом вдвоем остались, что ли? И что же нам вдвоем теперь делать? то? Не было ответа... Думай давай, думай, со злостью приказал он себе. Это плохо, это очень плохо, но еще не все потеряно. Не все еще потеряно, черт подери! Не все... Не может так быть, чтобы все... Конечно, не может! Думай, давай! Думай...

А что думать-то, спросил внезапно внутри знакомый голосок. Вот же Проход! В двух шагах. Встал и вышел, и делов-то куча... Чего сидишь-то? Заткнись, выпалил второй, не менее знакомый голос. Что ты такое несешь?! А Кирилл? А Тина? Валера, Глеб, остальные?.. Ты что, гад, пореешь?! Да что они тебе, удивился первый. Ты тут всего полтора месяца, опомнись! Или ты хочешь разыграть из себя совестливого? Чувство долга, ответственность за других и все такое... Что значит «разыграть», возмутился второй. Что ты такое опять говоришь?! А чем тебе совесть-то не нравится, скажи?! Да есть ли она, совесть-то, скептически спросил первый. Может, ее и не существует вовсе в природе? Есть закон выживания и самосохранения, а совесть... Так... Человеческая выдумка, чтобы получать удовольствие от собственных страданий. Что не так, скажешь? А вот мы и проверим, выдумка это или нет, проговорил решительно второй. На себе проверим! Знаешь, как это удобно - все и всегда проверять на себе?! На своей собственной шкуре ощутить, истинная, дескать, ценность или мнимая?! Есть она в природе или нет!.. Подумай лишний раз, посоветовал первый. Если ты исчезнешь сейчас, тебя все поймут. Да даже если и не поймут, какая тебе, в сущности, разница? Все устанутся со временем. Тебе же в этом городе, в конце концов, не жить. А если я сам себя потом не пойму, отозвался резко второй, об этом ты не подумал?! Ну, вот опять начинается, фыркнул первый. Сам себя... Это же эмоции, родной! Пошпиывания души. А мозг для чего? Интеллект-то тебе зачем, спрашивается? А что плохого в эмоциях, возразил второй, и что хорошего, собственно, в интеллекте? Ну и сиди тут семнадцать лет, буркнул недовольно первый. Дурачок. А, может, мне надоело быть умным, тоже недовольно воскликнул второй. Надо ж и от ума когда-то отдыхать!..

- Заткнитесь оба! - яростно зашипел Сергей и стиснул кулаки.

Внутри все стихло, осталась лишь томящая пустота. И только часы продолжали свое непрерывное: тик-так, тик-так...

Он медленно поднял на них глаза. Десять минут десятого. И тогда он вдруг понял, что сейчас сделает. Решение созрело неожиданно быстро и оно было замечательным. И надо было срочно его реализовывать, чтоб не дать закрасться в душу очередному сомнению. Какое-то спокойствие вдруг нашло на Сергея, чему он сам удивился. Действия его приобрели четкий и решительный характер, а назойливые, вносящие сумятицу мысли улетучились. Словно где-то внутри включилась дремавшая программа, некий резервный механизм. И, может, просто выработался ресурс волнения...

Сергей встал с кресла, сложил письмо Баркова вчетверо и сунул в задний карман брюк. Потом он подошел к телефону и позвонил Кириллу.

- Почему так долго?! - набросился на него Кирилл. - Я уже не знаю: то ли номер телефона искать, то ли к вам туда бежать... Ну, что там, что?!

- Спокойно, Кирилл, - произнес Сергей. - Я выяснил многое. Но надо торопиться.

- Ну, говори же, блин!

- Знаешь кусты возле футбольного поля?

- Ну...

- Иди туда и жди меня. Только со стороны рожи иди, там не так видно. Я приду минут через пять или десять. Там все обмозгуем. Иди.

- Хорошо, - бросил Кирилл и отключился.

Сергей приблизился к столу и взял из руки Баркова пистолет. Взяв оружие в руку, он поставил его на предохранитель и сунул за ремень брюк, под рубашку. Затем он подошел к окну и несколько мгновений разглядывал цепь сараев далеко внизу.

Потом в последний раз взглянул на большую, неподвижную, словно бы спящую фигуру за письменным столом.



- Эх, Сергей, Сергей... - тихо проговорил он и быстрым шагом направился к выходу.

Несколько лестничных пролетов, отделявших его от восьмого этажа, Сергей преодолел за минуту. Остановившись возле квартиры номер шестьдесят один, он позвонил.

Открыла хозяйка - полная пожилая женщина.

- Будьте любезны, Рудольф Анатольевича, - попросил Сергей.

Она исчезла, и вскоре появился недоумевающий Ревич. Сергей тут же выманил его на лестничную площадку и прикрыл дверь квартиры.

- Сережа? - удивленно бормотал Ревич. - Почему вы не проходите?

- Рудольф Анатольевич, - отрывисто заговорил Сергей. - Слушайте меня внимательно. Потому что у меня крайне мало времени. У вас сейчас есть возможность покинуть резервацию! Прямо сейчас. Немедленно.

- То есть как?... опешил Ревич и снял свои роговые очки. - Вы что, серьезно? Или вы шутите, Сережа...

- Какие, к дьяволу, шутки, - бросил Сергей. - Это истинная правда. Вы можете сейчас уйти отсюда.

- Но как? - остолебелело прошептал Ревич. - Каким образом?

- Обычным, - сказал Сергей. - Через Проход.

- Через Проход?..

- Да, да... Теперь слушайте, где он находится...

Он подробно объяснил Ревичу, где находится Проход. Затем попросил повторить. Когда Ревич повторил, сбиваясь и ошарашено хлопая глазами, Сергей сказал:

- Сейчас срочно забирайте все необходимое и выходите. Я бы вас проводил, но не могу. Вы уж сами.

- Постойте, Сережа... - пробормотал Ревич. - Но как же так? Все так неожиданно... Откуда Проход? Это что, нечетность? Я не понимаю... А как же мэрия... отдел ос...

- Про эту нечетность никто не знает! - перебил его Сергей. - Иначе бы я к вам не пришел, господи! Считайте, что это моя личная нечетность. Я вам ее подарил, понятно?

- Нет... - сказал Ревич.

- Ну и не надо. Вы, главное, выйдите из резервации, а остальное потом узнаете! Договорились?

- Договорились... - не сразу вымолвил Ревич. - Только за что же мне, Сережа, такое...

- Не отвлекаться, - строго сказал Сергей.

- А?.. Да, да, слышу, - Ревич заморгал глазами. Казалось, что он вот-вот заплачет.

- Ну, что вы, Рудольф Анатольевич, - успокаивающе заговорил Сергей. - Держите себя в руках. Соберитесь с силами. Они вам понадобятся. Сразу в Проход можно не попасть. Я вас умоляю, вы там осторожней! И поторопитесь. Не мне вам говорить, что промедление с нечетностью в резервации - смерти подобно.

- Конечно, конечно, - Ревич снова закивал головой и шмыгнул носом. - Что я - не понимаю?..

Он тяжело и протяжно вздохнул и посмотрел на Сергея взглядом, полным благодарности и растерянности.

- Спасибо, Сережа... - слабым голосом проговорил он. - Даже не знаю как вас...

- Как только доберетесь до дома, - сказал Сергей, - сразу же мне напишите. А теперь повторите еще раз, где находится Проход?

Ревич повторил снова.

- Вот и хорошо, - сказал Сергей. - Идите одевайтесь, а я исчезаю.

- Он проводил его обратно в квартиру. - Прощайте, Рудольф Анатольевич. С богом.

Мгновение они стояли и смотрели друг на друга через приоткрытую дверь, после чего Сергей махнул рукой и быстро вышел на лестницу.

Со ста метров, разделявших кусты, где они лежали, и мэрию, парадный вход просматривался очень неплохо. На ступенях и возле них толпилось десятка полтора человек. Все новые и новые люди прибывали на собрание со всех уголков резервации. Тоненькими, непрерывными струйками они стекались к мэрии и всасывались во входные двери.

- Видишь маленького такого... В серой куртке? - спросил Кирилл, - У самого входа... Кавказец.

- Вижу, вижу, - ответил Сергей. - Слишком долго курит почему-то.

- Значит, ему положено курить, - проговорил Кирилл. - Этот человек Филина, я уверен. Я пока тебя ждал, все наблюдал. Он там торчит и не уходит. Думаешь, зачем он в куртке в такую жару?

- Полагаю, там оружие.

- Правильно полагаешь. Его, кажется, Зураб зовут. На гаражах работает, тоже не местный... Да, Филин понябал себе наемничков! Так... - процедил Кирилл. - Значит, их минимум - трое.

- А бойлерная? - спросил Сергей. - Вдруг там охрана?

- Сомневаюсь, - произнес Кирилл, не сводя взгляда с парадного входа мэрии. - Ты не обращай внимания, какой там на дверях замок висит? Ого-го! Там, по идее, охрана ни к чему. Никто же не знает, прикидываешь? Да и не думаю я, чтобы у Филина было столько людей, чтобы еще и у бойлера охрану выставлять. Ну, а если и будет там охранник, холодно добавил он, - тем хуже для него. Ага, вот и Филин, - проговорил он, оживляясь. - Пропадавшая душа...

Из мэрии вышел Филин, дымя папиросой. Он стоял рядом с Зурабом, упершись руками в бока, и медленно ворочал головой, осматривая окрестности резервации и проходивших мимо людей. При этом Филин о чем-то коротко переговаривался с кавказцем. Зураб то и дело сплевывал себе под ноги. Потом на крыльцо вышел Клим с руками, засунутыми в карманы штанов.

- Так, еще одна сволочь, - прокомментировал Кирилл. - Сколько же вас там?

Филин выбросил окуроч, и они вместе с Климом снова скрылись за дверями. Зураб продолжал нести свою вахту.

- Кир, народ редет, - озабоченно сказал Сергей. - Тянуть больше нельзя.

- Значит, как договоримся?

- Вдвоем идти к бойлеру бессмысленно. Ты пойдешь туда один, а я попытаюсь проникнуть в мэрию.

- Через окно, что ли? - спросил Кирилл.

- Через крышу, - ответил Сергей. - По пожарной лестнице, со двора.

- И что дальше? - хмуρο осведомился Кирилл.

- Там видно будет. Смотря по обстоятельствам... Попробую хотя бы оттянуть время, пока вы не подоспеете.

- Серега, - с сомнением проговорил Кирилл, - может, лучше я - в мэрию?

- Нет, - отрезал Сергей. - Во-первых, меня не все знают, и мне проще будет пробраться, не вызывая подозрений. Во-вторых, тебе как полицейскому легче будет и дверь выломать и подмогу, если что, собрать. Согласен?

- Логично, - согласился Кирилл, потом, замаявшись, добавил: - Ты только это... Будь осторожней, а? Я тебя умоляю.

- Буду, буду, - заверил его Сергей.

- Ты хоть с пушкой-то обращаться умеешь?

- Да, вроде как, еще помню... Давай, Кир, беги!

Кирилл приподнялся с холодной землей.

- Ты, главное, время выиграй, Серега, время! - выпалил он. - Мы быстро, понял!

- Придумаю что-нибудь, - сказал Сергей.

- Ты уж придумай! - бросил Кирилл ему напоследок.

Он попытался, потом, пригнувшись, побежал в сторону рощи. Сергей провожал его взглядом до тех пор, пока он не скрылся среди серого частого леса деревьев.

С минуту Сергей наблюдал за Зурабом, который закурил уже неизвестно какую сигарету, после чего встал, отряхнул с одежды травинки, поправил за пазухой пистолет и направился в сторону мэрии.

К ней он пробрался, петляя среди одноэтажных бревенчатых домиков и гнилых, покосившихся палисадников. Желтое двухэтажное здание мэрии имело вид вытянутой в ширину буквы «П», внутри которой располагалась небольшая спортивная площадка, густо поросшая лопухами и крапивой. К площадке примыкало пространство бывшего школьного сада, которое заканчивалось хлипким дощатым заборчиком, протянувшимся вдоль самой границы резервации. Сергей шмыгнул сквозь заросли дикой зелени к торцу здания и прижался к стене спиной. Спустя минуту или две, после небольшой передышки, он осторожно прокрался вдоль стены во внутренний двор. Здесь было пусто и тихо. Раскрытых окон ни на первом, ни на втором этажах не было. Он осмотрел громоздкую пожарную лестницу, ведущую на крышу. Можно было попробовать и этот вариант, хотя никакой гарантии, что чердачные люки не окажутся заколоченными наглухо, не было. Но выбор оказался невелик, и он, оглянувшись по сторонам в последний раз, подбежал к лестнице и стал карабкаться по ее грязным и ржавым ступеням. Очень мешал пистолет, засунутый за ремень. Он все время больно упирался в бок и живот, и Сергей не мог понять, как его умудряются так постоянно носить крутые парни из видеофильмов.

На крыше он ненадолго прилег, отдышался и осмотрелся. Два кубика чердачных ходов. Оба, на первый взгляд, закрыты. Сергей почти попластушки дополз до края крыши и выглянул.

Зураба на ступенях уже не было, сама входная дверь парадного входа была плотно закрыта. Почти никто из обитателей резервации, за исключением нескольких человек, уже не плелся к мэрии. Один из опоздавших стоял возле закрытой двери, непонимающе озирался и

пожимал плечами. Несколько раз он постучал в двери, но никакой реакции не последовало. Нужно было торопиться.

Сергей подскочил к одному из чердачных люков. Ему повезло - люк был не заперт и легко открылся от удара ногой. Но он понимал, что самое неприятное и неизвестное еще впереди. Спустившись в пыльное, прохладное чердачное помещение, Сергей очутился в кромешной темноте. Найти люк, ведущий внутрь, да еще чтоб он был не закрыт, как это обычно бывает, на висячий замок - представлялось задачей не из легких. И тем не менее, другого выхода не было. Растопырив руки в стороны, ступая на ощупь как можно тише, и начал поиски выхода. Под ноги все время попадались какие-то предметы: то палки, то камешки, то еще что-то непонятное - хрустящее и скрипящее. Он шарил впотьмах руками и отшвыривал что-то угловатое и холодное, отодвигал что-то ржавое и острое, продираясь через что-то пыльное, мягкое и затхлое. Первый найденный им люк оказался запертым наглухо. Все отчаянные попытки Сергея, хотя бы шевельнуть его, оказались безуспешными. Вытерев пот со лба и сделав маленький перекур, он продолжил свои блуждания во мраке, надеясь, что найденный им люк - не единственный. Через некоторое время он наткнулся на второй выход, и тут фортуна повернулась к нему лицом. Он обнаружил второй люк под нагромождением из досок, металлолома и полурассыпавшихся деревянных ящиков. Видимо, поэтому люк решил не запирасть с другой стороны. Осторожно разобрав невидимую баррикаду, Сергей, наконец, приоткрыл крышку и прильнул к щели.

Ни звука не доносилось сюда с первого этажа. Он откинул крышку, спустился по крашеной металлической лестнице вниз и оказался на лестничной площадке. Вытащив из-за пояса пистолет, он снял его с предохранителя.

Учащенно колотилось сердце. Ну, вот и все, мелькнула мысль. Теперь только будущее покажет, повезло тебе, родной, или совсем наоборот. И что же ты будешь делать, если сейчас появится кто-нибудь из них? Стрелять?

Он прогнал эту мысль и, стараясь не думать ни о чем ненужном, стал спускаться по лестнице на первый этаж. Пока он ползал впотьмах по чердаку, ему пришла идея, что единственное, пожалуй, что он может попытаться сделать - это пробраться в актовыв зал, где проходило собрание, со стороны кулис, с внутренней стороны киноэкрана. Если, конечно, двери там открыты, но выбор, опять же, был небогат...

Оказавшись на первом этаже, он скользнул в коридор, ведущий к актовому залу. Оттуда уже были слышны отдаленные звуки, гомон и выкрики. Чем ближе он приближался к актовому залу, тем отчетливее становились эти звуки. Но что там происходило - было непонятным.

Он с некоторым трудом нашел среди мрачных закоулков служебных помещений дверь, ведущую на сцену. Она оказалась открыта - по всей видимости, здесь давно уже нечего и не от кого было скрывать и прятать. Сергей, стараясь не дышать, проник за дверь и очутился в полумраке. Это была последняя инстанция его путешествия. Ему казалось, что частый стук его сердца с грохотом разносится по всему помещению. Сергей находился всего в нескольких метрах от огромного холста киноэкрана, который простерся перед ним свете окон смутно-серой пелены. Только он отделил его от того, что происходило по ту сторону. За счет оконного освещения тут не было такой кромешной темноты, как на чердаке, и различались близлежащие предметы: стулья, беспорядочно сваленная музыкальная аппаратура, какие-то огромные картонные кубы и разного рода декорации.

Теперь было слышно все, о чем здесь говорилось. Никакого гомона и шума не было уже и в помине. На фоне царящей в зале тишины гулко и злоебно разносился низкий и хриплый голос Филина.

- ... как будто так и должно быть! - говорил невидимый Филин, чеканя каждое слово. - Будто бы все в порядке вещей и будто бы все это будет продолжаться вечно! Изо дня в день, из года в год. Все только утирают сопли, и ничего не меняется. Никто не желает шевельнуть своим засиженным задом - все предпочитают, чтобы это сделал за них кто-то другой! И посему... - Филин сделал паузу. - Посему это сделаю я! Потому что, если не сделаю этого я, то - никто не сделает! Сегодня я положу конец конторе и всему что с ней связано. Никто из вас отныне не будет терпеть этих паразитов у себя в домах! Никто больше не заставит вас кормить и поить этих конторских вырожденков, работая за себя и за них и терпеть их постоянное присутствие рядом. Не будет больше этого! Я говорю: хватит!

Звук его голоса перемещался то влево, то вправо - очевидно, Филин расхаживал по сцене. Сергей облизнул пересохшие губы, обтер вспотевшие ладони о брюки, перехватил пистолет и очень мелкими шажками двинулся к полотнищу экрана, моля бога о том, чтобы и заскрипели половые доски под ногами.

- Сегодня все закончится! - продолжал вещать Филин в гробовой тишине. - Сегодня в резервации не останется ни одной конторской

крысы. А когда не станет конторских - не станет и самой конторы! Не станет и резервации! Я знаю это! Я вам это говорю! Поверьте мне! Так будет! Спасти нас может только радикальная мера. Вырвать этот сорняк с корнем, вырезать эту раковую опухоль. Сегодня я поставлю точку в истории существования резервации!

Сергей приблизился к самому экрану, почти не дыша. Кое-где в ткани зияли мелкие отверстия. Он обнаружил более или менее приемлемую дыру на уровне колена, присе- на короточки и, зажав дыхание, посмотрел в нее.

Увидел он немного. Часть переполненного зала, огромная-огромная притихшая масса людей с окаменевшими лицами в креслах, в проходах между рядами, вдоль стен. Входные двери в актовыв зал были закрыты, и за их стеклом маячила приземистая фигура в знакомой серой куртке, сжимавшая в руках обрез. Самого Филина Сергей не видел. В царящей тишине продолжал звучать его ледяной голос, да слышались размеренные неторопливые шаги.

- А теперь не будем откладывать, - проговорил Филин, проходя перед самым носом Сергея. - Объясню саму процедуру. Она довольно проста, хотя многим и не понравится, - процедил он с издевкой. - Первое! - выкрикнул он и остановился где-то посередине сцены. - Процедура относится только к конторским. Я бы с удовольствием отпустил всех остальных по домам, но... Придется вам посидеть тут. Во избежание паники, давки и прочих неприятных вещей. Обещаю, что никто из местных не пострадает. Требуется только о но: сохранять спокойствие и не делать резких движений! И все! Ничего сложного. Второе! - Филин несколько раз кашлянул и продолжил: - я обращаюсь к вам, вы, деятели конторы! К вам, имеющим так называемое «право на выход»! Слушайте сюда. Слушайте очень внимательно, потому что повторять по несколько раз я не намерен! Сейчас мы начнем вашу любимую игру под названием «Чет-нечет». Вам понравится, господа, обязательно понравится...

Он сделал еще одну паузу. Что ж ты задумал, ублодок, лихоудочно размышлял Сергей, отчаянно пытаясь разглядеть дыру в экране где-нибудь в другом месте. Филин, по-прежнему, стоял, не двигаясь.

- У меня в руках - ваш регистрационный список с вашими любимыми номерочками, - В руках Филина хрустнула бумага. - Каждый из вас имеет свой номерочек! Вы же хорошо помните! Так вот. Я буду зачитывать с начала списка по два номера. По две фамилии, ясно вам? Эти двое встают и проходят вон в ту комнату, у которой открыты двери. Как вы все можете заметить, окно этой комнаты выходит прямо на Магистральную. Прямо на Оболочку. Далее!.. - Он снова кашлянул. - В комнате находятся два ведра и две кружки, прикрепленные цепочками. Каждая кружка - к своему ведру. В одном ведре находится - обыкновенная вода, в другом - тоже обыкновенная, только с ядом. Ни по цвету, ни по запаху их не различить. Ведра стоят в углу, чтоб их не было видно из зала. Уяснили?

Филин умолк на некоторое время. Зал безмолвствовал.

- Идем дальше, - удовлетворенно сказал Филин. - Каждая пара, которую я называю, очень бодрым шагом заходит в комнату и подходит к ведрам. Один выпивает из одного ведра, другой - из второго. Много пить не надо - достаточно одного глотка. После этого о а сразу же выпрыгивают из окна и идут прямо в сторону Оболочки. Уяснили?! Доза подобрана очень точно. Тот, кому не повезет в этом жребии, умрет через несколько секунд после того, как выпьет. Поскольку вы не знаете, кто из вас двоих это будет, то в интересах обоих выпрыгнуть из комнаты как можно раньше. А дальше все просто и знакомо, дорогие мои! Один упал, второй быстро-быстро прикидывает месторасположение Прохода и выходит. Знакомо, не правда ли, друзья?! Мы заблаговременно разобрали ночью на этой стороне забор, чтобы не растягивать удовольствие и не усложнять этот процесс. Кому из вас повезет, решает бог. И жребий, конечно. Жребий, который, господа крысы, вы все так страстно любите. Он-то и определит, кто из вас имеет право на выход, а кто нет! Вот и вся процедура, милые мои. Надеюсь, что все предельно ясно! Как только одна пара отработает, за ней идет следующая! Все делается только по моим командам!

Филин замолчал в очередной раз, очевидно, наблюдая за реакцией. Маньяк чертов, с ужасом и отчаянием подумал Сергей. Сумасшедший маньяк... Сволочь сумасшедшая...

Какой-то замирающий шелест волной прокатился по залу.

- Тихо!!! - гаркнул Филин. - Я повторю еще раз: всем сохранять спокойствие! Ситуацию контролирую я! Не надо пытаться делать глупости! Будет только хуже! Если нам придется применить огнестрельное оружие, то в этом будет только ваша вина! Имейте это в виду! Просто сидите и выполняйте мои инструкции!

Сергей, наконец, увидел на другом конце экрана еще одну дыру, которая бы позволила ему разглядеть противоположную сторону зала, и стал, крадучись пробираться к ней.

- Особенно это касается крыс! - с напором выкрикнул Филин. - Повторю: действовать строго так, как сказал я! Я называю пару, вы встаете, заходите в комнату, выпиваете, выпрыгиваете!.. В комнате мой человек, вооруженный карабином, будет следить за правилами нашей игры. Очень строго будет следить! Любая заминка, неправильное поведение, нарушение правил или паника с вашей стороны... будут расценены однозначно! Будет открыт огонь. А пуля, она, сами понимаете, - дура. Может и не разобрать!..

Сергей прильнул к дыре и теперь, наконец, увидел, в каком месте стоит Филин. Он находился на сцене, широко расставив ноги, в одной руке он держал листки бумаги, в другой - пистолет, направленный в зал. В некотором отдалении, у самой стены стоял Клим автоматом Калашникова наперевес. Поза у него была напряженной, и он непрерывно оглядывал вдоль и поперек присутствующих в зале. Справа от Клима была комната, о которой шла речь. В ее дверях тоже маячила незнакомая Сергею вооруженная фигура. Больше он не заметил никого с оружием в руках.

Так, лихорадочно соображал Сергей. Так, так... Раз, два... Третий - в комнате... И еще Зураб, значит, на лестнице. Итого четверо? И что же ты, родной, будешь с этими четверыми делать? А, ковбой? Уложишь их от бедра тремя патронами? Ну, где же ты, Кир где же ты, проклятые!..

В это время первое оцепенение в зале начало спадать. Тишина стала заполняться возгласами, оханьями, всхлипываниями и нарастающими шумами. Раздалось несколько истеричных воплей.

Филин выхватил зажигалку и прикурил.

- А теперь, - произнес он злое, выпустив облако дыма, - начнем, пожалуй.

Какое-то нарастающее звуковое движение прокатилось по залу.

Сергей резко выпрямился. Безумие, подумал он. Ведь у него же ничего не выйдет! Это же надо быть полным шизофреником, чтобы надеяться, что такой план сработает!.. Сейчас что-то начнется, но совсем не то, что думает Филин!.. А вдруг сработает?! Господи... Ведь чем безумнее план, тем легче его реализовать!..

Все это промелькнуло в мозгу Сергея мгновенно. Промелькнуло и исчезло, потому как размышлять уже было некогда. Он облизнул сухие губы, отступил на несколько шагов от полотноща и поднял пистолет.

- Итак, пара первая! - изрек Филин громко. - Номер...

- Стой, Филин! - выкрикнул Сергей. - Не торопись!

Тяжелая пауза повисла в воздухе на несколько секунд.

- Кто это?! - выпалил Филин.

- Давай поговорим, Филин! - сказал Сергей, приседая на всякий случай.

- Это ты, Шепилов?! - удивился Филин. - Что ж ты спрятался, милый? И Зеленин с тобой?

- Не переживай, он там, где нужно! И Барновский - где нужно, и другие! Так-то Филин.

- Что ты имеешь в виду? - в голосе Филина появились нотки раздражения.

- Я имею в виду, что твой план провалился! - бросил Сергей. - Не вышло у тебя, Филин!

- Дай я по нему, суке, полосну! - проорал Клим.

- Тихо! - со злостью приказал Филин. - За залом смотри лучше! Уважаемое собрание, небольшая заминка! - сказал он в зал. - Это ненадолго... Никому не шевелиться. Чуть кто дернется - стреляй! - бросил он Климу. Эй, Шепилов!.. - произнес он вкрадчиво и тал приближаться к экрану. - Гаденыш ты такой!.. Что ты плетешь? Ты выйди на свет божий, если хочешь поговорить! Давай не прятаться, ну!

- Я вооружен, Филин! - предупреждающе крикнул Сергей. - Как только ты подойдешь к экрану, я стреляю!

Шаги Филина замерли.

- Да врет он! - донесся голос Клима. - Блефует, сука! Прикончи его!

- Давай, Филин! - выпалил Сергей. - Хочешь проверить? Ну, подойди ближе!

Он, не вставая, как можно тише переместился на несколько шагов право.

- Откуда у тебя оружие?! - процедил Филин.

- От верблюда! - отрезал Сергей. - Мне его Барков дал, понял?!

Даже не видя Филина, Сергей почувствовал его замешательство. - А еще он много интересного рассказал, - добавил Сергей и снова переполз на другое место.

- Барков?... прошипел Филин гневно.

- Я тебе говорил, что не надо с ним связываться! - рьяно выпалил Клим. - Сам слинял и нас заложил, падла!

- Замокни! - рявкнул Филин и глухо проговорил: - Он мне еще попадется... Убью паскуду!

- Задушишь как Чистякова?! - спросил Сергей, пытаясь выиграть

еще хоть каплю времени. - Или застрелишь как его жену?! Ты расскажи людям, Филин! Не стесняйся! Все им расскажи. Как ты их убивал... Как тебе Артем из города оружие проносил! Расскажи людям, на какие деньги ты его купил! Не на то ли, недавно награбленное? Не на те ли кольца и серьги, снятые с женщин, а? Что ты молчишь, Филин?! Не скромничай! Это всем интересно!..

- Хватит! - ледяным тоном сказал Филин. - Это не имеет уже никакого значения! Ничего уже не имеет значения, понял, Шепилов?! Мне надоело тебя слушать!.. Тебе просто крупно повезло сегодня ночью, а то бы ты тут не выкал! Хватит тявкать, вылезай сюда!

Он приблизился еще на один шаг.

- Это еще зачем? - спросил Сергей.

Какие-то глухие звуки послышались за пределами актового зала. Это несколько приободрило Сергея.

- Зураб, проверь что там! - крикнул Филин недовольно. - Никола, следи за дверями!

Кто-то торопливо стал перемещаться по залу. Сергей стремительно подобрался к одному из отверстий и тут же отскочил обратно. Филин почувствовал его приближение и сделал несколько шагов в сторону. Однако за пару секунд Сергей все же успел заметить, что серой фигуры Зураба уже не было за дверями, а к выходу направлялся четвертый. Тот, который был в комнате.

- Последнее, что тебе предлагаю, - сказал Филин, - это выйти и сесть в зал! И не испытывай мое терпение, Шепилов!

Сергей в очередной раз сменил свое месторасположение.

- Разве ты так ничего не понял? - спросил он. - Ты проиграл, Филин. Слышишь звуки?! Прикажи своим людям сложить оружие!

Отчетливо донесся звон разбитого стекла.

- Лажа это все! - заорал Клим. - Что ты его слушаешь?! Кто-то опоздал и ломится!..

- Ты в это веришь, Филин? - спросил Сергей, чтобы хоть что-то спросить.

Он уже почувствовал, что отсчет пошел на секунды. Конечно, Клим мог быть прав, но хотелось надеяться совершенно на другое.

- Я сказал: хватит!!! - прогремел Филин. - Пять секунд тебе даю!

- Зураб зовет!.. - послышался растерянный возглас Никола с стороны двери. - Чего делать, Филин?

- Ну, так выгляни и посмотри, твою мать!!! - нервно выкрикнул Филин. - Только быстро!

- Филин! - бросил Сергей. - Я, конечно, тебя понимаю. Ты мстишь за дочь...

- Заткнись!!! - гаркнул Филин с ненавистью.

- Ты решил отомстить ценой многих жизней, - продолжал Сергей, внимательно следя за слабой тенью на ткани экрана. - А ты не подумал о том, что дочь твоя тебя же потом и проклянет?!

- Закрой рот!!! - заорал Филин, и крик его слился с выстрелом.

Пуля ударила в грудь стульев, сваленных в метре от Сергея, и на него брызнуло колючими деревянными щепками. Несколько истошных женских визгов прорезали пространство актового зала. Сергей бросился на пол, ожидая, что сейчас начнется самое худшее: паника, давка, стрельба...

В следующее мгновение послышался шум и звон распахнутой мощным ударом входной двери.

- Не двигайся!!! - прокатился по залу истошный крик.

Сергей узнал голос Кирилла. Тень Филина метнулась к окну. Зал снова обмер в тишине.

- Стоять! - прокричал Кирилл. - Бросай оружие!

Потом на сцену запрыгнул Клим. Сергей вскочил на ноги и бросился к правой стороне экрана. Там он лихорадочно стал искать край полотноща.

Клим медленно и, видимо, боком передвигался ближе к Филину.

- А ну стоять! - угрожающе крикнул Кирилл.

- Давайте бросайте вы это! - раздался голос Барновского. - Все, Виктор, все!.. Кончено!..

- Это мы еще посмотрим! - хрипло огрызнулся Филин.

Сергей нашел край ткани и со всей силы несколько раз рванул его. Образовалась небольшая щель, через которую он и выбрался на сцену.

В первый момент его появления Клим, стоявший всего в нескольких шагах, резко развернулся к нему всем телом, и Сергей застыл, ожидая выстрела в грудь. Но выстрела не последовало. Ствол автомата в руках Клима дрожал, сам же Клим с растерянным выражением лица переводил взгляд с Сергея на толпу людей у входа.

- Бросай... - проговорил Сергей и поднял пистолет.

- Хрен там! - выпалил Клим и снова стал отступать к окну.

Сергей кинул мимолетный взгляд на входные двери. Он увидел Кирилла с сосредоточенным лицом и карабином в руках, медленными шагами продвигающегося вдоль стены к сцене, увидел Барновского

с пистолетом в руках, растрепанного мэра, Николу в толпе мужиков с окровавленным лицом и заломленными назад руками.

Филин, вытянув перед собой пистолет, прижался к подоконнику.

- Все, Филин! - сказал Кирилл, держа его на прицеле карабина. - Ты ж не дурак... Зачем рыпаться, ну подумай сам?!

- Ну, ну... - обронил Филин и запрыгнул на подоконник.

- В окно же выпрыгнул!.. - бросил Барновский, тяжело дыша. - Уйдут же, Кирилл!

Клим непрерывно шмыгал носом и крутил головой. Он бросал взгляды то на Филина, то на Сергея, то в зал и все время поворачивал автомат. Он же может пальнуть в любую минуту, мелькнула у Сергея мысль.

- Бросайте оружие, черт возьми! - нервно крикнул Кирилл. - Что вы как...

Филин вдруг качнулся в сторону и всем телом врезался в окно. Раздался хруст рамы и звон стекла, посыпались осколки и Филин исчез в оконном проеме. Одновременно хрипло и истошно заорал Клим, вскидывая автомат. Длинная оглушительная очередь вспорола тишину. Пули ударили куда-то под потолок, посыпалась штукатурка. Инстинктивно Сергей шарахнулся в сторону и едва не слетел со сцены. И тут зал прорвало. Мгновенно он наполнился шумами, воплями, криками, грохотом стульев, отчаянным матом и топотом ног. Прижимая автомат к груди, Клим с разбегу бросился в разбитое окно. В этом грохоте и гомоне что-то кричал Кирилл и махал рукой в сторону окна, кричал Барновский, кричали другие, кричали все. Но Сергей не слышал ничего - он бежал к окну. Филин уже сворачивал куда-то во дворы. Его фигура мелькала метрах в ста от здания мэрии. Клим, прихрамывая и оборачиваясь, пересекал неухоженные газоны под окнами.

Вскочив на подоконник и прикрыв руками голову, чтобы не порезаться об осколки, торчащие из рамы, Сергей прыгнул вниз. Газон под окном был обильно усеян битым стеклом. Едва не поранившись, он упал и откатился вбок. Несколько секунд спустя, где-то рядом бухнулся Кирилл и отчаянно выругался. Они вскочили одновременно, но Кирилл тут же заорал нечеловеческим голосом:

- Ложись!!!

Они рухнули обратно на землю, и над их головами прошла автоматная очередь, буравя выбойными желтую стену здания, дырявя ржавые подоконники и рамы, разбрызгивая стекла. Клим стрелял, припав на одно колено, шагах в сорока от них. Дав еще одну длинную очередь, он выпрямился и побежал вслед за Филиным.

Кто-то еще выпадал из окна, кто-то что-то отчаянно кричал, но Сергей и Кирилл уже были на ногах и бросились в погоню. Сергей не слышал, что происходит позади. Ветер свистел в ушах, пот начал застилать глаза, сердце билось громко-громко и едва не выскакивало из груди, а он видел только Кирилла, мчащегося слева да две бегущие фигурки впереди. Примерно через минуту стало ясно, что Филин и Клим уходят в сторону заброшенной стройки, что находилась возле череды деревянных домишек. До стройки оставалось несколько сот метров. Филин и Клим бежали уже вдоль полосы заборов и палисадников, окружающих частные дома. Когда Сергей и Кирилл достигли первого забора, Клим впереди неожиданно остановился и стал разворачиваться, вскидывая автомат.

- А, ч-черт!.. - выдохнул Кирилл, хватая Сергея за рукав и дергая к себе.

Они едва успели на полном ходу свернуть в ближайший проулок и на всей скорости врезались в угол забора. Автоматных очередей последовало две. Первая ударила по углу, за которым они укрылись. Во все стороны полетели ошметки досок, срезанные ветки и листья кустарников. Вторая очередь сначала вспахала землю, взметывая вверх куски дерна, затем ушла вдаль, туда, где, значительно отстав, бежали остальные преследователи.

- Вот же сволочь! - прорычал, задыхаясь, Кирилл.

Он осторожно высунулся из-за угла, затем бросил через плечо:

- Свернуло к стройке! Скорее, Серега!.. Спрячутся там - фиг потом выкуришь!

Они нырнули за угол и снова побежали. Сергей успел заметить, что в отдалении, позади них бегут еще несколько человек. Один из них, с обрезом Зураба в руках, отстал от них метров на двести. Последним медленно и тяжело бежал Барновский, неуклюже размахивая пистолетом. Вернее, пытался бежать.

Кирилла несколько вырвало вперед и обогнал Сергея на десяток шагов. Когда они высочили из-за поворота, за которым скрылись беглецы, то увидели, что Филин остановился возле строительного вагончика шагах в двадцати от подъезда недостроенного дома. Клим рядом с ним не было. И, вообще, его нигде не было видно. Филин неторопливо поднял пистолет, прицелился и выстрелил по Кириллу. Тот вильнул на бегу, вскинул карабин и тоже

выстрелил в ответ два раза. Пригнувшись, Филин нырнул за угол вагончика.

Кирилл отчаянно выругался. Махнув на ходу рукой, показывая Сергею что-то на земле, он стал кричать ему влоботорота, но Сергей не расслышал - что. Добежав до этого места, Сергей наткнулся на лежащий на земле автомат Клим. От неожиданности он даже притормозил, потом сообразил, что в магазине автомата просто кончились патроны. Кирилл уже приближался к штабелю панелей в десяти метрах от вагончика, за которым укрылся Филин. Этот штабель был, пожалуй, единственным их прикрытием. Там они и свалились на землю, переводя дух - сначала Кирилл, за ним Сергей. Через несколько мгновений Кирилл присел на корточки и осторожно выглянул.

- А Клим где?.. - еле дыша, вымолвил Сергей.

- Не видел... - отозвался Кирилл, морщась и вытирая рукавом пот с лица. - Может, спрятался где... Но оружия у него, видимо, больше нет.

- Почему ты так решил? - спросил Сергей.

- Не знаю, - хрипло выдохнул Кирилл. - Но так было бы лучше...

- Что делать будем? - поинтересовался Сергей, пытаясь унять дыхание.

- Брать Филина надо, Серега, - произнес Кирилл. - Нельзя его отсюда выпускать. Ему терять, по идее, нечего... Если упустим - он выйдет, первого встречного убьет и из резервации выйдет! И с приветом... Ищи после ветра в поле. Прикидываешь?

- Согласен, - проговорил Сергей. - Только он ведь оружие не сдаст, Кир!

- Если не сдаст, - сказал Кирилл глухо, - значит, он выбрал смерть.

Он отложил карабин, вытащил свой пистолет и еще раз вытер рукавом раскрасневшееся от бега лицо.

- Филин! - выкрикнул Кирилл. - Выползай! Спета твоя песенка, слышишь?! Умей, в конце концов, проигрывать!

- А ты попробуй возьми меня! - послышался злобный ответ. - Ну?! Слабо, что ли?!

- Ладно, - решительно процедил Кирилл. - Дело хозяйское, Виктор... Два раза предлагать некогда.

Он выглянул из-за панели и тут же юркнул обратно. Грянул выстрел и пуля срикошетила от камня в землю, подняв облачко бетонной пыли. Сергей оглянулся. Мужик с обрезом залег возле забора в отдалении, за какой-то кочкой. Барновский тащился далеко позади. Еще несколько человек, размахивая руками, догоняло его.

Кирилл взял пистолет наизготовку, шумно выдохнул и рывком выпрыгнул из-за штабеля.

Раздался еще один выстрел.

- Уходит гад!.. - зарычал Кирилл в следующее мгновение. - В подъезд уходит!

Сергей бросился следом за ним, пригибаясь к земле, и увидел, как Филин скрылся в темноте ближайшего подъезда. Кирилл уже несся туда гигантскими прыжками.

- Куда ты? - выпалил Кирилл. - Постой, Кир!..

Он кинулся вдогонку, но Кирилл уже успел исчезнуть в проеме двери, спустя несколько секунд после Филина. Подбежав к подъезду, Сергей на мгновение замер. Он не успел ничего сообразить, как вдруг все нутро подъезда неожиданно взорвалось ожесточенной канонадой выстрелов. Их было много, наверное, около десятка, и доносилось они откуда-то с самого верха, с третьего или четвертого, недостроенного этажа. Потом все смолкло, так же резко, как и началось. Все сжалось у Сергея в груди. Окаменев, простоял он несколько секунд, напряженно вслушиваясь в тишину. Потом ринулся внутрь с бешено колотящимся сердцем и на ногах, подгибающихся от предчувствия самого плохого.

- Кир! - крикнул он, взлетая по лестницам ко второму этажу.

Никакого ответа.

- Кир!!! - снова заорал Сергей, минув еще два пролета.

Ни малейшего звука не донеслось сверху.

Между вторым и третьим этажами он затормозил и, выставив вверх руку с пистолетом, стал двигаться короткими прыжками от стены к стене. Так он преодолел расстояние до третьего этажа, потом еще один лестничный пролет. Ничего не нарушало тишины, кроме хруста бетонной крошки под ногами. Наконец, он поднялся на четвертый, недостроенный этаж. Тут он и обнаружил Кирилла.

Кирилл лежал на самых последних ступенях, широко разбросав руки и запрокинув голову. Он был еще жив, когда Сергей, цепеняя, опустился перед ним на колени. Правая рука Кирилла продолжала сжимать пистолет. Глаза его были открыты, горло и грудь - прострелены. И повсюду была кровь, огромная лужа крови. Тоненькой струйкой она стекала по ступеням, смешиваясь с пылью и мусором.

- Не надо, Кир... - не слыша себя, проговорил Сергей и приподнял голову Кирилла трясушимися руками. - Не надо...

Веки Кирилла еле заметно дрогнули, губы разлепились, он попытался что-то сказать, но изо рта пошла кровавая пена. Затем судорога волной прокатилась по всему его телу, он вытянулся и замер.

Все, понял Сергей с ужасом. Все.

Хотелось закричать, но он не смог. «Нет!» - отчаянно разрывало грудь. «Нет!» - тяжелым молотом било в мозг. «Не-е-ет!!!» - истошно стонало в душе. Каждая клетка организма его пронзительно выла, а он не мог вымолвить ни звука. Стало вдруг очень темно и холодно вокруг. И все потеряло смысл, все окружающее мгновенно стало безразличным и никчемным. Мир, словно кружок фонарного луча в темной комнате сузился до одного единственного момента. Только он один сейчас был важным...

Выпустив из рук голову Кирилла, Сергей тяжело поднялся с колен и шагнул на пустынную площадку четвертого этажа. Окинул взглядом груды строительного мусора, вереницу кирпичных кладок, сиротливо торчащие простенки. Потом он заметил кровь на полу. Темные, густые и разнокалиберные кляксы начинались шагах в десяти от лестницы и неровной цепочкой тянулись дальше, туда, где на фоне серого неба, недалеко от края были навалены кучи кирпича. Он пошел вдоль этих багровых пятен, осторожно ступая по густому слою пыли и вслушиваясь в тишину. Через несколько метров, возле одной из бетонных стен он наткнулся на разряженный пистолет Филина. Какой-то слабый шорох послышался совсем недалеко. Потолочные перекрытия кончились и теперь Сергей был уже на пространств под открытым небом.

- Филин! - позвал он.

В ответ что-то негромко ширкнуло, и над одной из кирпичной груд у самого края, всплыло облачко дыма.

Филин уже не прятался. Сергей обошел груды и нашел его, навалившимся спиной на кирпичи. Филин курил, глядя куда-то вдаль, левой рукой держась за окровавленный бок. Лицо его было сильно порезано стеклами при прыжке из окна, отчего ухо, один глаз и шея были залитыми кровью. Казалось, что Филин был совершенно спокоен. Когда перед ним возник Сергей, он не сразу повернул к нему голову.

- Ты убил Кирилла, - бесцветным голосом сказал Сергей.

Филин сделал глубокую затажку.

- Что ж... - сказал он, ослабившись. - Значит, ему повезло меньше, чем мне.

- Ты тоже умрешь, - произнес Сергей. - Ты не должен жить, Филин.

- Давай, давай, - сказал Филин, криво ухмыльнувшись. - Стреляй, не тни резину. У тебя еще сегодня, наверное, столько дел...

- Встань! - приказал Сергей.

Филин посмотрел на него удивленно. В глазах его плясал безумный огонек. Сергей схватил его за куртку, рывком оторвал от кирпичей и подтащил к самому краю. Там внизу, на земле валялись россыпи кирпичных обломков и штабеля панелей. Филин не сопротивлялся, только морщился от боли в боку. Сергей отпустил его и отошел на два шага.

- Предлагаю тебе только одно, - глухо сказал он. - Прыгай сам.

- Туда?! - спросил Филин с усмешкой и покосился вниз. - Нет, Шпилов! - сказал он с какой-то злобной радостью. - Не выйдет. Я не самоубийца. А ты что, хочешь чистеньким остаться? Как же так? Не хочешь пачкать руки в крови, бедняжка? Да? У вас там что все такие неженки и кабинетные крысы?..

Он вдруг рассмеялся, потом вытирал пистолет из рта, закашлялся и скрючился от боли на несколько секунд.

- Кстати говоря, - сказал Сергей, - хочешь знать правду напоследок?

Филин медленно распрямился и сунул пистолет обратно в рот. Рука его дрожала.

- Я действительно попал в резервацию случайно, - сказал Сергей.

- И с Кириллом познакомился случайно, и Кононов тут ни при чем... И я действительно работаю там, где и говорил. Все это цепь случайностей, Филин, и ничего больше. Ты ошибся!

- Неужели? - выдохнул дымом Филин. - Ай-яй-яй!.. - Он снова засмеялся, превозмогая боль. - Тогда чего же ты тут стоишь, милый? Рядом же Проход, рядом! Совсем свеженький!.. Случай-то какой, Шпилов! Никто же ничего еще не понял... Свобода! Вот она!.. Чего не бежишь?

- Хватит! - отрезал Сергей. - Все кончено. Я хочу, чтобы ты сдох, Филин. И больше ничего.

- Врешь, Шпилов!.. - продолжал смеяться Филин, и безумный блеск в его глазах стал разгораться еще сильнее. - Ты хочешь сразу двух вещей! И за друга отомстить и смотреть из резервации! Неужели не так, а? Да так, конечно, так!.. А убьешь меня, так тебе же этого не простят! Ха-ха... - Он на мгновение застонал, впиваясь пальцами в окровавленный бок. - Тебя же за нечетность с говном сожрут! Как ты сейчас, должно быть, мучаешься! Ха-ха!.. Трудно тебе, бедняжка! Ой, как трудно!.. Что же тебе делать?.. Что же выбрать?..

- Ты ошибаешься, Филин, - произнес Сергей, поднимая пистолет. - Я уже выбрал...

Филин уже не смеялся - он дико хохотал, закинув голову, он сотрясаясь от хохота, и дымящийся папиросы в углу его рта дергалась в такт с ним. Этот жуткий смех давил на уши, разрывал на части всю душу, леденил кровь, и казалось, что он заполнил собой в е окружающее пространство, всю резервацию, весь мир... И не было больше никакой силы терпеть этот смех...

И тогда Сергей выстрелил Филину в грудь. Смех оборвался, и Филин мотнулся назад, взмахнув руками.

Покачнувшись, он замер на самом краю бетонной плиты. Сергей выстрелил еще раз, и Филин, нелепо растопырив руки, запрокинув голову и продолжая сжимать в зубах папиросу, медленно-медленно завалился и слетел вниз. Затем донесся тупой негромкий удар. Снова стало тихо-тихо.

Сергей прислонился к кирпичной куче, сполз по ней спиной и сел на холодный бетонный пол. Он плохо помнил, что происходило потом. Будто он провалился в какую-то пустоту, где не было никого и ничего, и все, что творилось рядом, стало ему глубоко безразлично. Словно все это было не с ним, и он сидел в каком-то глухом коконе и иногда безучастно и отрывочно бросал взгляды вокруг. Кто-то бежал возле него, суетились разные люди... Он не помнил - кто. Они что-то спрашивали - он ничего не отвечал или пожимал плечами. Мелькали лица, фигуры. Затем опять была лестница, и кто-то поддерживал его под руки, и, не переставая, спрашивал и спрашивал... Он не слышал. Потом он стоял, кажется, возле подъезда, вокруг царил суета, откуда-то появилась его машина, пропыхали носилки... Все были возбуждены, но у всех были какие-то бесцветные лица и беззвучные голоса. Они, эти лица, всплывали перед ним, заглядывали ему в глаза, шевелили губами и снова растворялись. Ему сунули в руку плоскую металлическую фляжку, и он стал машинально глотать жидкость, не ощущая ни вкуса ни запаха.

Потом он постепенно стал приходить в себя. Сначала возникли звуки, затем очертания людей и предметов начали приходить в норму и обретать границы. Сергей увидел Барновского, мэра, еще многих и многих, стоящих рядом. Какой-то незнакомый чиновник долго нудно что-то втолковывал Сергею и интенсивно размахивал руками. Сергей не сразу разобрал, что ему нужно, этому лысому, маленькому типу. Чиновник возбужденно тараторил что-то о Филине, о бессмысленном убийстве, о пропавшей зря нечетности... На него цикали и махали руками, - дескать, не до этого сейчас - но лысый чиновник не унимался и все долдонил про самоуправство и безответственность. И тогда Сергей сипло проговорил: «Сука...» и с размаху врезал рукой с пистолетом ему по лицу. Лысый свалился на землю и, вопя и покусывая, стал отползать. Наверное, Сергей выбил ему зубы или сломал челюсть, но ему на это было наплевать.

Окончательно он вышел из протрации, когда Барновский стал трясти его за плечо. Подняв глаза, Сергей увидел перед собой протянутую фляжку.

- Глотни еще давай, - сказал Барновский.

Сергей взял фляжку и опять принялся пить. Это оказался коньяк. Большими глотками он выпил все содержимое фляжки, потом отдал ее Барновскому.

- Спасибо... - выдохнул он, вытирая губы.

- Сам не пью, вот... - пробормотал Барновский, убирая фляжку. - А ношу на всякий случай. Мало ли что... Ну, ты как, Сергей? - озабоченно поинтересовался он.

- Нормально, - ответил Сергей, тяжело вздохнув и мотнув головой. - Теперь нормально.

- У тебя такой вид был... - сказал Барновский хмуро. - Сергей, ты в состоянии вспомнить подробности? Ты понимаешь... Каждая минута дорога!..

- Конечно... - проговорил Сергей, морщась. - Попробую...

- Клима нет нигде, - Барновский был очень мрачен и крутил головой по сторонам. - Всю стройку обыскали. Может, все-таки вспомнишь? Куда он мог исчезнуть?

- Не знаю, Алексей Петрович, - сказал Сергей, пытаюсь вспомнить.

- Не видел я его. Когда мы из-за того поворота выбежали, - он показал рукой, - его уже не было. Потом я на автомат наткнулся...

- Плохо, - вздохнул Барновский. - Ой, как плохо... Должны мы его найти, иначе - беда случится. Климу терять нечего, ему главное - из резервации выйти. Он любого может убить! Ох, нехорошо...

- Да где он мог спрятаться? - сказал Сергей, пожав плечами.

- Только в этих домишках, наверное... Больше-то негде. Где-нибудь в саду, может, сидит? Ночи ждет.

- Что же, все дома и участки эти обыскивать? - сказал Барновский.

- Их, наверное, с десяток тут... Что же это такое делается-то, господи?

- Не все, а те, которые идут после того места, где валялся автомат, - предположил Сергей. - Так, видимо?..

- В общем, да... - кивнул головой Барновский. - Слушай, давай сходим на это место. Прямо там посмотришь, а? Ну, вдруг, что и вспомнишь!

- Ладно, сходим... - согласился Сергей, пожимая плечами.

Они оставили гадящую толпу и двинулись к деревянным домам.

- Пистолет у тебя чей? - спросил Барновский по пути.

- Потом объясню, - отозвался Сергей подавленно. Не хотелось ему сейчас говорить об этом.

- Хорошо, - сказал Барновский.

На месте, где Клим бросил автомат, они остановились и какое-то время молча оглядывали череду домов, окруженных заборами. Позади дворов виднелся пустырь - западная граница резервации. Барновский вытащил носовой платок.

- Видишь, место-то какое удобное? - пропыхтел он, вытираясь. - Оболочка совсем рядом. Ста метров даже не будет.

- Отсюда до стройки пять дворов, - посчитал Сергей. - Прочесывать придется, Алексей Петрович?

- Деваться некуда, - невесело произнес Барновский. - Жителей предупредим, чтоб из дома не высывались. А если он уже в доме! - сокрушенно добавил он. - Эх, вот незадача-то!.. Не дай бог у него еще оружие имеется! Илья чего-то зовет... - сказал он, повернув голову в сторону толпы людей возле стройки.

Мэр, стоящий около «Рафика», махал рукой и что-то кричал, но отсюда ничего не было слышно.

- Пойду узнаю, - пробормотал Барновский. - Надо что-то решать. Ты тут пока покрути в голове, Сергей. Ну, мало ли... Авось осенит, или вспомнишь чего.

Он грузно, вперевалку стал удаляться обратно, сжимая в кулаке свой платок. Сергей немного постоял, глядя на пустырь, раскинувшийся совсем недалеко. А место и впрямь удачное, уныло подумал он и направился к ближайшему дому.

Подойдя к калитке, он прислушался, потом заглянул в щель между досками. Рассмотреть таким образом кустарник в саду было невозможно. В это время входная дверь дома распахнулась, и на пороге появились женщина средних лет в домашнем наряде и маленькая девочка лет пяти в легком белом платьице.

Сергей открыл калитку и вошел.

- Здравствуй, - сказал он.

Лицо женщины было недоуменно-озабоченное. Она с недоверием глянула на Сергея, потом вытянула шею, пытаясь разглядеть, что происходит за забором.

- Мама, а можно я ягодки полью? - спросила девочка, и лицо ее вдруг показалось Сергею странно знакомым. Он будто совсем недавно где-то видел ее.

- Можно, дочка, - ответила женщина. - Только носочки не вымочи!

- Ладно! - весело воскликнула девочка.

Она бойко сбегала по ступенькам и вприпрыжку умчалась в сад. - А я голоса под окнами слышу... - заговорила женщина, снова оглядывая Сергея. - Что за сборище такое?

- Скажите, - сказал Сергей, - вы ничего подозрительного недавно не видели?

Она развела руками и отрицательно помотала головой.

- Как? - удивился Сергей. - Даже стрельбу не слышали?

- А я на кухне была, - ответила она. - Думала, это по телевизору опять фильм показывают... А муж на собрание ушел... Господи, а что ж случилось?! - ахнула женщина. - Скажите...

- Значит, ничего не заметили? - перебил ее Сергей.

- Да нет... Разве только калитка хлопнула недавно. Так это у нас часто бывает! От ветра...

- Калитка? - переспросил Сергей, поворачиваясь в сторону зарослей кустарника.

И в тот же момент раздался хруст веток, кусты колыхнулись, из них выскочила знакомая долговязая фигура и, пригibasя к земле, огромными прыжками метнулась за угол дома, туда, где находился сад.

Женщина на пороге слабо вскрикнула от испуга и схватилась за грудь.

- Людей зовите!!! - заорал ей Сергей, срываясь с места и бросаясь за Климом.

Она что-то отчаянно заголосила у него за спиной, но он уже не слышал. Когда он выскочил за угол, то увидел, как Клим на бегу схватил подмышку девочку, присевшую с поливочным шлангом над грядкой, и повернул к забору, граничащему с пустырем. Сергея отделяло от Клима не более десяти метров, но несмотря на то, что бежать с девочкой было очень трудно, Клим умудрялся не сбавлять скорости. Сергей выхватил на бегу пистолет, снял его с предохранителя и вспомнил, что в магазине остался лишь один патрон.

Забор был высотой около полутора метров. Подбежав к нему, Клим резко затормозил и развернулся.

- Стоять!!! - надсадно прохрипел он, и в правой руке его блеснула на солнце нож. - Стоять на месте!!! - рывкнул он, задыхаясь.

Сергей замер в десятке шагов от него. Левоу рукой Клим прижимал девочку к себе. Узкое тонкое лезвие упиралось ей в горло. Девочка молчала, лишь испуганно и непонимающе смотрела на Сергея широко раскрытыми глазами. Очень знакомыми глазами...

- Ты... только не трогай ее, гад!.. - выдохнул Сергей, тяжело дыша. - Не трогай ее, слышишь?!

- А ты не двигайся! - выкрикнул Клим нервно. - Один шаг, и ей - конец! Понял, да? Если сойдешь с места...

- Я стою! - выпалил Сергей. - Стою, видишь же!

- Молодец... - сипло проговорил Клим, отступая к самому забору.

- Ты же не такой меткий ковбой, чтобы рискнуть?.. Правильно?!

- Отпусти ее! - бросил Сергей. - Не трогай ребенка!

- Дураком-то не прикидывайся, - процедил Клим и быстро кинул взгляд по сторонам.

Вынес перед ногу, он с силой ударил по доскам у себя за спиной. Раздался хруст. Клим шнул еще несколько раз, и одна из досок вылетела.

Проклятье, пронеслось в мозгу у Сергея. Что делать, что? На этот раз не было никакого ответа. Абсолютно ничего, похожего на ответ.

- Хочешь спасти девочку? - Клим слегка переместился боком и стал вышибать вторую доску. - Пожалуйста! Мне нет разницы, ты или она! Понял, да?!

Все похолодело у Сергея внутри. Девочка, по-прежнему, молчала. Она даже не ревела, она только хлопала ресницами и не сводила с него взгляда.

Неужели, это и есть ответ, пронзило его.

Вторая доска с хрустом и скрипом упала на землю. Клим, поерзав спиной, убедился, что сможет пролезть в дыру и сипло приказал:

- Напротив меня встань! Живее, мать твою!

Сергей сделал шаг влево, чтобы оказаться напротив него и пролома в заборе.

- Ну что, надумал? - выкрикнул Клим. - Ствол ко лбу и - в дамки! Или, может, у тебя нет патронов? Чего молчишь?.. Нету, да?!

- Есть... - выдавил из себя Сергей.

Он не мог отвести взгляда от лица девочки, от ее глаз и этого ножа, так натянувшего тонкую детскую кожу, что казалось - она вот-вот порвется...

Будто ветер внезапно нагнал ворох мыслей. Трудный будет денек... Это только в кино хорошие парни не промахиваются в плохих парней в подобных ситуациях. А в жизни... Что же ты, жизнь? Забавная штука, как ни крути. Значит, для этого меня готовила судьба? Она просто играла со мной? Она предлагала сегодня мне одно испытание за другим... А теперь вот тебе, родной, еще одно! И, кажется - последнее. Неужели, действительно последнее? И прав был Барков? От судьбы не уйдешь, и все уже где-то предreshено? Стало быть, ей, судьбе, виднее...

Мысли прошептели, словно листья по асфальту, так же молниеносно, как ворвались, выпорхнули прочь, и не осталось от них никакого следа. Осталось лишь лицо девочки перед глазами. Лицо, тоненькая шея и узкая сверкающая полоска стали.

- Ну, коли ты не хочешь, - бросил Клим, бегло озираясь, - тогда мне некогда! Тогда сыграем в рулеточку, да? Я - ножичком вжик и - туда, а ты пах-пах - и мимо! Ты ж не уверен, что попадешь... Ну, сыграем? На старт...

Он слегка шевельнул правой рукой, сжимающей нож.

- Постой! - воскликнул Сергей, чувствуя, как все сжимается внутри, и земля начинает уходить из под ног.

- Так ты все ж надумал?! - крикнул Клим, облизывая губы и сглатывая. - Правильно... Ты ж потом себе не простишь! Отвечай живо: надумал, что ли?!

- Надумал, - произнес Сергей, не слыша собственного голоса.

- Тогда до трех считай и все! - гаркнул Клим. - Времени в обрез! Сейчас прибегают, мать твою!.. До трех, да? Понял меня?

- Да, - беззвучно ответил Сергей.

Онемевшей рукой он развернул пистолет к груди.

Ты только ни о чем не думай, прокричал он себе мысленно. Ни о чем! А то не сможешь, не сможешь, не сможешь...

- Раз, - нервно выдохнул Клим. - Два...

Сергей приставил дуло к сердцу. Вот и все, родной, подумал он. Осталось немного... Ну, давай же, давай...

- Ко лбу, я сказал!!! Чтоб гарантии!..

- Да пошел ты!..

- Три!

Он смотрел на девочку, она смотрела на него, и ничего не существовало в мире, кроме этих огромных голубых глаз. Только они,



два испуганных детских глаза все разрастались и разрастались, заполняя собой все во Вселенной. И в самый последний момент он в рут отчетливо вспомнил, где видел недавно и эти глаза, и это белое платьице в кружевах, и эти забавные коротенькие хвостики.

А потом нажал на спуск.

И все исчезло.

## Вместо эпилога

Тишина и пустота.

Бескрайние и безбрежные. Абсолютные и бесконечные. Бесконечность и тьма... И ничего больше. Потом неторопливо и робко возникло что-то. Оно появилось оттуда, из глубин тьмы, из высот абсолюта, и стало медленно нарастать. Начало крепнуть и утверждаться неумолимо нарушая господство небытия. Постепенно это что-то все больше и больше стало подходить на звук. И первой стала пропадать тишина, уступая место этому звуку, приближающему, нарастающему и настойчивому. Звук был ритмичный и глуховатый. Пок... Пауза. Пок... Пауза. В какой-то момент звук застыл в своем развитии, перестал усиливаться, заняв надежную и твердую нишу в реальности. Пок... Пок... Пок... И тогда словно по цепной реакции, как по команде стали возвращаться, пробуждаться, всплывать из небытия остальные чувства.

Он поднял веки и в первый момент ничего не увидел, только больно резанула по глазам мутно-белая пелена. Он снова закрыл глаза. Затем шевельнул пальцами ног и рук. Прислушался к своим ощущениям. Состояние было такое, будто он очень долго спал, отчего все мышцы пришли в расслабленное состояние. Легкая ломота волнами пробегала по телу.

Какой-то странный сон снился ему, но он никак не мог вспомнить - какой. Очень длинный и жуткий... И очень странный. По-прежнему не открывая глаз, он прислушался.

Было тихо. Из кухни почему-то не доносилось привычных звуков маминых утренних хлопот. Может, ушла куда? Ничего не нарушало тишины, кроме этого монотонного ритма. Пок... Пауза. Пок... Пауза... Он вдруг поймал себя на мысли, что совершенно не помнит вчерашний день. Это еще что за дела, недоуменно подумал он. Вот те раз! Что за фокусы, родной? Гнусный маленький червячок заерзал внутри, и ему стало не по себе. Он потянулся, вытащил руки из-под одеяла и вновь открыл глаза.

Белая пелена постепенно растворилась, превращаясь в облезлый, потрескавшийся, покрытый грязными пятнами потолок. В неизвестный потолок с неизвестной покосившейся люстрой из матового стекла.

Он резко сел на постели.

Все вокруг было белым. Все вокруг было чужим. Белая полузадернутая ширма перед его кроватью, белые стены, белый умывальник в углу небольшой, освещенной дневным светом комнаты. На конце крана одна за другой набухали прозрачные капли и срывались в раковину. Пок... Пауза. Пок...

Сергей вскочил с кровати на прохладный линолеум, отдернул перед собой ширму и тупо стал оглядывать комнату. Здесь, у противоположной стены, стояла еще одна кровать, пустая и заправленная. Всевозможное медицинское оборудование лежало, стояло и висело о разным углам помещения. Белая застекленная входная дверь была плотно прикрыта.

Он ничего не понимал. И ничего не помнил. А противный червяк внутри стал разрастаться в размерах и шевелиться все ошутимее. Сердце вдруг забухало гулко и тяжело. Сергей машинально приложил руку к груди и ощутил что-то под пальцами. Он испуганно глянул на голую грудь и увидел возле левого соска розовый рубец размером с монету.

И тогда он вспомнил. Пелена забвения мгновенно слетела с его памяти, и отчетливо обнажилось все. До мельчайших подробностей. Ему стало жарко и холодно одновременно. Пол начал уплывать из-под ног. Он попытался на подгибающихся ногах и сел обратно в постель.

За окном загрохотал железнодорожный состав. Да, теперь Сергей вспомнил все. И ему стало страшно. В обалдении он таращился на шрам на груди и ничего не соображал. Потрогал лицо и обнаружил щетину примерно трех- или четырехдневной давности. Затем в оцепенении, нерешительно завел левую руку за спину и нащупал там второй рубец, гораздо больше того, что был на груди. Какое-то время, минут пять или больше, Сергей сидел неподвижно, в прострации, устремив взгляд в стену, слушая стук капель, и в такт им монотонно повторял про себя: я жив... Я жив...

Прошлепав босыми ногами к окну, Сергей попробовал его открыть. Это удалось не сразу. Задребезжав стеклами, рамы все-таки отворились, и в комнату ворвался легкий ветерок.

Был день.

- Стало быть, жив, да?! - выдохнул он, подставляя ветру лицо. - Ладно, я не против!

Он некоторое время смотрел на раскинувшийся перед ним лес, на железную дорогу, на заросший склон со столбиком-ориентиром, затем отошел от окна и решительно направился к выходу.

В дверях он столкнулся с Уманцевым. На вытянутом бородатом лице доктора отобразилась какая-то гримаса, и он поспешно втолкнул Сергея обратно в комнату. Прикрыв за собой дверь, Уманцев увлек Сергея подальше от двери.

- Как самочувствие? - быстро поинтересовался он, не дав Сергею раскрыть рта.

- Нормально, - ответил Сергей.

- Вы уверены? - наморщив лоб, спросил Уманцев. - Может, какие-то ощущения...

- Да нет же, - сказал Сергей. - Все в порядке. Так только... Легкая слабость. Будто очень долго спал...

- Понятно, - задумчиво произнес Уманцев. - Хотя, впрочем, что тут может быть понятно, вообще?

- Погодите... - непонимающе заговорил Сергей. - Постойте, Ярослав Дмитриевич... Объясните мне, как вам удалось...

- Нечего тут объяснять! - отрывисто сказал Уманцев. - Понимаете, Сергей Иванович? Нечего. Три дня - и все, понимаете?! Три дня... Ну, что ж!.. - Он вздохнул и посмотрел в окно. - Значит, так и надо. Значит, так и должно быть...

Сергей ничего не понял в его торопливой сумбурной речи.

- Ярослав Дмитриевич, - сказал он. - Что со мной случилось? Вы можете сказать?

- Конечно, могу, - тут же ответил Уманцев, продолжая глядеть на лес за окном. - С вами ничего особенного не случилось. Вы просто умерли, Сергей Иванович. От огнестрельного ранения в сердце. Навылет. Ничего особенного, понимаете меня? Наступила пауза. Сергей открыл рот, но слова не хотели слетать с губ. Они неуклюже копошились где-то внутри.

- А... - выдавил он растерянно. - А как же... Вы...

- А я - никак, - проговорил Уманцев негромко. - Я не умею оживлять трупы, Сергей Иванович. Медицина не умеет. Не научилась еще. Вот ведь в чем дело-то. - Он грустно улыбнулся.

- Значит... - изменившимся голосом произнес Сергей. - Я... Меня... А это точно?

- Что - точно?

- Что я был... ну, это...

- Что вы были мертвы? - подсказал Уманцев. - Мертвее не бывает. Можете мне поверить.

- Господи!.. - произнес Сергей, чувствуя, как спина покрывается холодным потом

На некоторое время в комнате воцарилась тишина. Сергей снова ощутил в ногах слабость и полный туман в мозгах. Уманцев глядел на улицу, скрестив на груди руки, только губы его слегка подергивались. Он о чем-то напряженно думал. Потом он повернул с Сергеем озабоченное, сосредоточенное лицо.

- Я к вам даже не прикасался, - сказал он. - Потому что в этом не было никакого смысла. Это она вас вытащила с того света! - изрек он, глядя Сергею прямо в глаза. - Понимаете меня, Сергей Иванович? Резервация так захотела! Если к ней, вообще, можно применить эти понятия: смогла, захотела... В общем, я за вас искренне рад. Но комментариев у меня нет. Кстати, как там, на том свете? - осведомился он.

- Я ничего не помню... - силно пробормотал Сергей. - Проклятье!.. Я не понимаю, как же так... Зачем?

Уманцев задумчиво усмехнулся.

- Спросите это у нее. Я себе задаю этот вопрос уже три дня. - Он помолчал немного, а потом продолжил: - Когда вас привезли, вы были полный и безнадельный труп. Собственно, вы им стали сразу же, на месте... И в таком состоянии пребывали три с половиной часа. Со всеми признаками и процессами, как положено. Ну, а потом... - Он вздохнул. - Потом началось воскрешение, Сергей Иванович. А мы просто были рядом и с квадратными глазами наблюдали. Что мы еще могли? Вмешиваться в творение высших сил? Так пока мы лихорадочно соображали, чем бы подсобить, они и сами справились. Силы-то эти, то бишь... Как видите, все очень просто. Три дня - и вы как огурчик. Я даже не удивился, если у вас потом эти шрамы исчезнут.

- Так что же это получается?.. - проговорил Сергей растерянно. - Что же со мной теперь...

- Все с вами превосходно, - заверил Уманцев. - Вы еще вчера очнулись. Правда ненадолго. Уже сегодня ночью все ваши показатели были в норме. Так что, если вы действительно чувствуете себя хорошо, то можете идти. Я вас задерживать не буду.

- Я хорошо себя чувствую... - проронил Сергей. - Но я ни черта не понимаю! Я не понимаю, что все это значит!

Уманцев молча пожал плечами, потом подошел к окну и закрыл ставни.

- А, может, я теперь бессмертный?! - выпалил Сергей. - Может, мне попробовать повеситься или отравиться?

- А вам этого хочется? - спросил Уманцев, подняв брови. - Честно говоря, нет, - признался Сергей.

- Тогда выбросите это из головы, - посоветовал Уманцев. - Не забывайте, что у нее могут быть свои критерии на этот счет.

Он отошел от окна, приблизился к Сергею вплотную и взял его за руку. Пальцы у него были мягкие и теплые.

- И вообще, Сергей Иванович, - произнес он медленно, - на вашем случае я окончательно убедился в одном... - Лицо его приобрело сумрачный вид. - Здесь она распоряжается и нашими смертями, и нашими жизнями! Она, а не мы! Понимаете меня? Вот что главное...

Он выпустил руку Сергея, нахмурился и стал жевать губами.

- Значит, я могу идти? - вяло поинтересовался Сергей.

- Конечно, - ответил Уманцев. - Подождите - я сейчас принесу вашу одежду.

Он вышел, и пока ходил за одеждой, Сергей стоял посреди палаты, засунув руки подмышки, и покачивался с пятки на носки. Он тщетно пытался что-нибудь решить для себя самого. Но ничего не получалось, ничего не выходило... И в какой-то момент он внезапно понял, что ничего решать не надо. Да пошло оно все к чертям, подумал он с облегчением. Пусть все будет так, как оно будет. И неважно, что за этим стоит, совсем неважно. Это же резервация... Важно, что я жив. От этой мысли он как-то сразу успокоился. Мерзкий червячище внутри быстро исчез, оставив после себя лишь ощущение голого интереса.

Вернулся Уманцев с его одеждой и обувью, и отдал вещи Сергею. Когда Сергей одевался, Уманцев сказал:

- Мы должны с вами договориться об одной вещи. Дело в том, что о вашем воскрешении в резервации знают только несколько человек. Для всех остальных вы все и не умирали!

Сергей в первый момент замер. Уманцев продолжил поспешно:

- Вам просто чудовищно повезло, пуля прошла, не задев сердце. И благодаря моим героическим усилиям вы остались живы. Вот такая версия. Понимаете меня, Сергей Иванович? Вы должны ее придерживаться.

- Мне просто чудовищно повезло... - повторил Сергей озадаченно.

- Вот именно. Так будет лучше для всех, да и для вас, кстати. Сами понимаете...

- А как же я за три дня поднялся на ноги после такой раны?

- Это, конечно, слабое место, - согласился Уманцев, покачав головой.

- Вам бы лучше здесь полежать некоторое время. Дней этак...

- Это исключено, - твердо сказал Сергей.

- Да это я так... - сказал Уманцев, - Я же не настаиваю. Ничего. Выкрутимся. Все равно это лучше, чем правда. И потом... - Он криво улыбнулся. - Одной странностью больше - что такого? Где живем-то? Пути резервации неисповедимы...

- А чем так плоха истина? - спросил Сергей. - Раз уж все здесь привычки к странностям?

- Н-не знаю... - немного замямившись, сказал Уманцев. - Слишком уж жуткая истина. А люди, знаете ли... В общем... Это не я придумал. Это просьба властей. У них, должно быть, свои соображения... Значит, мы договорились?

- Хорошо, - сказал Сергей. - Раз просьба властей... Спасибо доктор, что спасли мне жизнь.

Уманцев невесело усмехнулся и добавил:

- К вам еще одна просьба, Сергей Иванович. Моя личная. Раз в неделю появляйтесь здесь. Я бы хотел за вами пока понаблюдать.

- Ради бога, - сказал Сергей. - Нам это ничего не стоит.

- Тогда счастливо, - сказал Уманцев, протягивая ему руку. - Сейчас сразу к Посаженову идите. Я позвонил, они ждут.

Сергей пожал его теплую ладонь, они вместе вышли из палаты и разошлись в разные стороны. В коридоре он вдруг вспомнил и остановился.

- Ярослав Дмитриевич! - бросил он в спину Уманцеву. Тот оглянулся вполборота. - Девочка не пострадала? - спросил Сергей.

- Нет, - покачал головой Уманцев. - Он ее сразу выпустил и побежал.

- И что? Убежал?

- Нет, - Уманцев снова покачал головой. - Через Проход успел выбраться, а дальше нет. Недалеко, в общем, ушел. Там такую стрельбу по нему открыли... - Он махнул рукой.

- Ясно, - сказал Сергей. - Тогда все. До свидания.

На этот раз они расстались окончательно.

Выйдя из больницы, он остановился. На улице было хорошо. Пропахла изматывающая жара, дул легкий, ненавязчивый ветер, маленькие облачка лениво ползли по небу. Сергей закрыл глаза и подставил лицо солнечным лучам. Ну, что, родной, спросил он себя мысленно. Ощутил ты себя Иисусом Христом номер два? Может быть, ты теперь тоже есть спаситель человечества? Может быть, ты теперь умеешь по воде ходить? Пора собирать учеников, вытаскивать из тьмы заблудшие души, ходить по миру с проповедями... Только нет же у тебя никакого учения, да и на мессию, родной, ты явно не тянешь! Это просто такая новая задачка, и все. Новое испытание... Так. Что там у нас? Ага... Это у тебя было, это было, это тоже пройденный этап... Ага, вот этого не было! На-ка тебе испытан е воскрешением, что ты на это скажешь?

Просто несколько изменим правила игры. Несколько их усложним, а, может, упростим - смотря ведь с какой стороны глянуть... Все то же самое, как и раньше, только уже некоторых нет. Уже нет Кирилла, уже нет Баркова Нет Филина, Клима, Ревича... Многих нет. Они теперь не предусмотрены в правилах. Да и ты сам то ли есть, то ли тебя нет - непонятно... Он вдруг вспомнил, как Глеб что-то недавно цитировал ему. Строка всплыла в памяти сама собой. «Узел жизни, в котором мы узаны...» Так, кажется... А что там еще было-то?.. Перед ним опять возникло лицо Кирилла. На душе стало очень тоскливо, пасмурно и неуютно. Сергей опустил голову, открыл глаза и увидел Барновского.

Его грузная фигура торопливо приближалась. Лицо Барновского было озабоченным, под глазами - мешки. Видно было, что он здорово сдал за эти дни.

- С выздоровлением... - пропыхтел Барновский, замедляя шаг и как-то странно оглядывая Сергея.

- Да я это, Алексей Петрович, - грустно сказал Сергей, направляясь к нему навстречу. - Хотите пощупать?

- С тобой все в порядке? - осведомился осторожно Барновский. Сергей кивнул. - Тогда пошли скорей к Илье. Мне Слава только что позвонил. Пока все не разбежались...

Они быстрым шагом направились к мэрии. По дороге Барновский молчал, сопел под нос и все время смотрел под ноги. Только один раз Сергей спросил его о Кирилле и остальных. Барновский ответил, что всех похоронили еще позавчера в роще. Сколько было слез, сокрушался и охал он. Море было слез и горя. Сердце, прямо, не выдерживало. И почему же так, божь правый? За что, господи? Шесть трупов сразу, представляешь, Сергей?.. Ну, не считая Клима - его подобрали городские... Шесть человек для одной маленькой резервации! Разом!.. Что же это такое творится-то? За что нам это наказание? Чем мы прогневили бога?.. Потом он замолчал в унынии и больше не произнес до самой мэрии ни слова.

Пока они поднимались по ступеням, пересекали холл и шли по коридору к кабинету мэра, Сергей успел поймать на себе несколько изумленных взглядов. Сам он ни на кого старался не смотреть.

В кабинете, кроме самого мэра, находился Кравец. Мэр восседал на своем месте, во главе «Т»-образной конструкции, перед ним был рассыпан ворох бумаг. Кравец сидел перед ним, с правой стороны, положив руки на свою пухлую кожаную папку. Сергей поймал ее на мысли, что никогда не видел Кравца без папки. Мэр жестом пригласил их за стол. Сергей уселся напротив Кравца, Барновский грузно опустился рядом, слева. Некоторое время все молчали так, как будто никто не решался начать разговор.

- Значит так, Сергей Иванович, - произнес затем мэр, блуждая взглядом по бумагам у себя на столе. - Мы не хотим обсуждать сейчас ваше загадочное воскрешение, тем более, это вряд ли, что-либо прояснит... - Он сделал паузу, потом поднял глаза на Сергея.

- Давайте попробуем выяснить некоторые детали наших печальных событий.

- Давайте попробуем, - с готовностью сказал Сергей. - Все, что знаю...

- Дело в том, - продолжил мэр, - что не все ясно с четностью. Мы тщательно анализировали все воскресные события, но что-то не сходится... Сверху в срочном порядке на следующий день сделали. Странная получается картина... Не сходится и все.

- Ревич исчез? - спросил Сергей. - Да? Вы его не можете найти?

- Вы про это знаете? - удивленно сказал Кравец и даже подался вперед.

- Знаю, - ответил Сергей, внутренне радуясь успеху Ревича. - Про Баркова, кстати, могу рассказать...

- Ну, про Баркова мы, положим, тоже знаем, - сказал мэр и, заметив недоуменный взгляд Сергея, пояснил: - Мы нашли в вашем кармане его письмо. И вообще, какая-то загадочная смерть. Вы можете нам по этому поводу что-нибудь объяснить?

- Могу, - сказал Сергей.

- Давайте сначала разберемся с Ревичем, - предложил Кравец, бросив взгляд на мэра.

- А эти случаи связаны, - сказал Сергей.  
- Даже так? - озадаченно изрек Кравец. - Интересно...  
- Рассказывайте, - сказал мэр Сергею. - Все что знаете. С самого начала.

И Сергей рассказал им все. Пока он говорил, они молчали и не задавали никаких вопросов. Мэр слушал, сцепив пальцы рук в замок и глядя на полированную поверхность стола, Кравец изредка поглядывал поверх очков на Сергея и барабанил ногтями по папке, Барновский сидел, понуро опустив подбородок на грудь, и иногда сокрушенно кивал и качал головой. Когда Сергей закончил, несколько секунд все молчали. Первым заговорил Кравец.

- Теперь ясно, - сказал он, переставая отбивать пальцами дробь. - Такая, значит, получается картина... Понятно. Я только хочу отметить...  
- Он немного замаялся. - В случае с Ревичем, вы, безусловно, были правы. Там действительно решение надо было принимать оперативно. Здесь никаких, так сказать, э-э, претензий... Но вот с Филиным... Вы меня, конечно, извините, молодой человек, но...

- Не надо, Володя... - попросил Барновский Кравца, вздохнув. - Зачем ты?

Сергей понял, что хочет сказать Кравец, и это мгновенно разозлило его.

- А почему? - Кравец пожал плечами. - Мне интересно услышать... Почему это, собственно, Сергей... э-э...

Иванович взял на себя право...

- Ну, перестань... - попросил Барновский и засопел. - Ситуация же такая...

- Я понимаю, - проговорил Сергей, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения. - Владимир Николаевич желает знать, почему я посмел принять такое решение!

- В принципе, да, - сказал Кравец.

- Владимир, - с оттенком недовольства бросил мэр. - Мне бы не хотелось сейчас это обсуждать.

- Потому что я имел на это право! - повысив голос, произнес Сергей, глядя на Кравца в упор.

- Не знаю, не знаю... - проговорил Кравец. - Не уверен.

- А я уверен! - сказал Сергей уже со злобостью. - Я вот в этом уверен!

Кравец промолчал и отвел глаза в сторону.

- Я имел на это право! - холодно повторил Сергей, медленно обводя всех троих взглядом. - И никогда больше не говорите мне об этом! Слышите?!

Кравец молчал и ковырял пальцем край папки. Барновский бормотал что-то неслышное себе под нос.

- Ладно, - сказал мэр строго. - Это мы оставим. Поговорим о другом.

- О чем еще? - хмуро поинтересовался Сергей. - С четностью-то, будем считать, разобрались?

- Да как сказать... - сказал мэр озабоченно. - Если бы так... С четностью тоже проблемы.

- Не понял, - нахмурился Сергей. - В чем еще загвоздка? Вернее, в ком?

- В вас, Сергей Иванович, - изрек мэр многозначительно. - В вашем неожиданном возвращении к жизни. Понимаете о чем речь?

- Вот ч-черт... - сказал Сергей озадаченно. - Мне и в голову не пришло!

- Когда вы, так сказать, воскресли, - продолжил мэр, - то, естественно, четность нарушилась.

- А «минус»? - спросил Сергей. - Вы проверяли?

- Разумеется, проверяли, - буркнул Кравец.

- Никакого Прохода в данном случае мы не нашли, - сказал мэр.

- И тем не менее, факт налицо! После вашего воскрешения ситуация в резервации, по-прежнему, остается нечетной.

- И что теперь?... - несколько растерянно сказал Сергей.

- А вот мы и не знаем - что теперь! - воскликнул Кравец. - Сидим вот и ждем, что будет. Как дураки, ей-богу!..

- Ох-хо-хо... - произнес Барновский и оперся локтем о стол.

- Ситуация-то сверхординарная, - произнес мэр. - Первый раз такое. Никто до сих пор у нас не воскресал. И что нам теперь обо всем этом думать, чего ждать - неизвестно. Вот же задачка свалилась на нашу голову!

- А может, теперь нечетность - стабильная ситуация? - предположил Сергей. - Вдруг принцип поменялся, а? Четность сменилась на нечетность? Ну, другие правила игры... А?

- Да если б только четность поменялась... - хмуро проговорил Кравец. - Бог с ней!.. А то ведь неизвестно, что еще там поменялось... Какие она еще фортели выкинет? Менять на ходу правила игры это, знаете ли... Не дай боже... Он умолк и удрученно махнул рукой.

- Тогда мы вас отпускаем, - сказал мэр. - А нам еще надо посоветаться.

Сергей встал из-за стола.

- Ах, да!.. - встрепенулся мэр. - Вы говорили с Уманцевым относительно официальной версии вашего воскрешения?

- Да, - ответил Сергей. - Мы договорились. Может быть спокойны.

- Вот и хорошо, - сказал мэр. - Тогда все. Счастливо.

- До свидания, - проговорил Сергей и вышел из кабинета.

На ступенях мэрии он остановился. Ему некуда было идти. Он не мог идти домой, где уже не было Кирилла, он не мог пойти в бар, где уже никогда за стойкой не возвысится огромная фигура Баркова, он не мог заскочить в библиотеку и поболтать с Ревичем, по ому что и его тоже не было... У него оставались только Глеб с Валерой, да Тина. Глеб и Валера... Они, конечно, хорошие парни, но сейчас ему не нужна была их компания. Ему нужно было что-то другое. Хотелось прогнать с души эту ноющую тоску, заполнить ем-нибудь зияющую пустоту внутри... Как можно быстрее...

Тина, подумал он. Тина. И шагнул по ступеням вниз.

Навстречу поднимался невысокий и невзрачный человек в потрёпанном костюме. Вероятно, какой-нибудь малкий чиновник. Очевидно, он что-то знал о Сергее, потому что замер перед ним, слегка приоткрыв рот и глядя на него немного удивленно.

- Скажите, любезный, - ласково обратился к нему Сергей. - У меня, случаем, над головой нет нимба?

- Чего нет?... - еле слышно вымолвил чиновник.

Сергей не ответил и, оставив его в растерянности, стал спускаться.

По пути к магазину ему попались еще несколько человек, но никто больше на него не таращился. Магазин оказался закрыт. Сергей глянул на часы. Было без пятнадцати два. Он совсем упустил из виду, что в магазине обеденный перерыв. Значит, Тина была сейчас дома. Он решил не идти к ней домой, а подождать до двух здесь. Интересно, мелькнула у него мысль, что она подумает в первый момент? Побриться бы, кстати, не мешало...

Пятнадцать минут текли очень медленно. Он несколько раз прошелся вдоль магазина, потом остановился и стал глядеть на отгороженное ржавой сеткой шоссе. Улица Магистральная была отсюда совсем как на ладони. Каких-нибудь двадцать-тридцать метров, не больше... И тут он вспомнил, как стоял здесь, на этом же самом месте в самый первый день, сжимая в руках тряпки из магазина, и в унынии и бессилии проклинал эту сетку, эту резервацию и эту судьбу... Казалось, это было так давно, хотя прошло совсем немного времени. Словно это было в другой жизни. А может, это и было в другой жизни?.. Что же ты сделала со мной, подумал он, глядя на сетку. Ее клетчатый узор дрожал и расплывался. Чего тебе от меня надо, чего ты добиваешься? Чем ты еще задумала меня испытать? Потери были, смерть была... Уж, не бессмертием ли? Снова, как в тот далекий первый день, его стала переполнять злость. Только это была уже не та тупая, отчаянная и безысходная злость, а другая. Это была какая-то веселая злость, спортивная и решительная. Неожиданная мысль пришла ему в голову. А что если я сейчас пойду прямо на эту сетку? Прямо на сетку, до конца! До самого упора?! Что ты будешь делать, тварь ты этакая, а?! Давай сыграем в такую игру? Ну, что ты на этот раз сделаешь? Мысль эта вдруг очень понравилась ему, и он даже рассмеялся.

- Ну!.. Давай... - произнес он злобно. - Сыграем, что ли, в такую игру?... Слабо?

Сергей пересек тротуар перед магазином, перешагнул через бордюр и решительно направился к ограждению.

- Давай же! - выкрикивал он яростно на ходу, надвигаясь на дрожащие впереди клеточки. - Что ты теперь будешь делать?! А?! Что?!

Клеточки все росли и росли в размерах, сетка становилась ближе с каждым шагом, но он ничего не видел и не слышал вокруг. Не слышал даже собственного голоса. Он продолжал идти, выкрикивать, и видел лишь эти дьявольские проволочные переплетения перед глазами...

Он замер как вкопанный только тогда, когда налетел на проволоку грудью.

В первые мгновения, ничего не соображая, он стоял, вцепившись мертвой хваткой в сетку, и смотрел вперед. Там в двух шагах, почти под самыми его ногами была дорога. Дорога из другого мира...

Когда он, наконец, осознал, что находится за пределами Оболочки, то ноги сами собой подломились, и Сергей рухнул на колени, продолжая цепляться за сетку пальцами.

Это было невозможно. Это было неправдой. Это была ложь, это был сон, бред, галлюцинация... Он несколько минут с замиранием простоял на коленях, не шелохнувшись. Но ничего не изменилось. По-прежнему, перед ним была оживленная магистраль с пронсящими

мимо машинами и, по-прежнему, под пальцами была шершавая, нагретая солнцем проволока. Все осталось, как было.

Он медленно разжал пальцы, выпустил сетку из рук и поднялся на ноги. Какие-то люди на противоположной стороне улицы стали скапливаться, наблюдая за ним, и показывать в его сторону руками.

Если это случайность, стучало в его мозг молотом, я не смогу войти сейчас обратно! Она меня не пустит обратно... Он облизнул мгновенно пересохшие губы.

- Стало быть, не смогу?... - беззвучно сказал он. - Меченый, говоришь?..

Он развернулся и на негнущихся ногах пошел обратно к магазину. Абсолютная пустота и хаос царили в голове. Перед дверью магазина он снова замер.

Не случайность, ударила молнией мысль. Нет принципа однократности! Нет!.. Значит, что?.. Нет больше Оболочки?..

Он отказывался в это поверить. Это было слишком нелепо. Но он же не спал! Это же не сон, черт подери! Это же факт!.. Нет Оболочки? Нет резервации?.. Проверить, бухнула мысль. Еще раз проверить! В другом месте, обязательно надо проверить в другом месте...

Он лихорадочно отбежал на несколько шагов в сторону и снова двинулся в сторону Оболочки. Теперь он шагал уверенно. Результат оказался тот же. Он вновь стоял перед проволочным ограждением и обалдело хлопал глазами. Потом он попробовал еще раз. И еще, еще... В последний раз он даже перелез через сетку и высочил на середину шоссе. Грузовик едва не сшиб его, но он отпрыгнул и, не чуя под собой ног, побежал по проезжей части к транспортеру. Неужели, тебя больше нет, кричало все внутри. Неужели тебя больше нет?!

Вскочив на резиновую ленту транспортера, Сергей почти бегом помчался по нему, потом спрыгнул на землю. Никого не было поблизости, как назло. Он заглянул в будку - она тоже оказалась пуста. Гамма самых разнообразных чувств стала переполнять его. Нет больше Оболочки, ликовало все у него внутри. Нет больше резервации! Нет больше никаких правил игры!.. Хотелось броситься к сетке и рвать ее на части, и разбрасывать их во все стороны, хотелось разметать на куски этот ненавистный транспортер и эту будку хотелось орать на весь мир: люди, проснитесь же! Нет больше резервации! Вы свободны!..

Потом само собой ликование внезапно спало. Откуда-то изнутри выполозло что-то скептическое и отрезвляющее. Чего ты радуешься, родной? Чего ты скачешь? А если всего лишь поменялись эти правила? Они не исчезли, родной, нет! Они только поменялись. Сейчас Оболочки нет, а через пять минут она снова появится. Ты ж не знаешь, что все это значит!.. Что, страшно стало?

Ему действительно стало страшно. Проклятье, подумал он с замиранием. Не тяни резину! Беги, черт тебя дер! Скорей! После радоваться будешь, после...

Словно что-то обожгло его изнутри, и Сергей, сорвавшись с места, помчался к конторе.

Контора была тиха и безмолвна. Словно нежилась в солнечных лучах. Из-за стоявшей теплой погоды часть окон ее оказалась раскрыта. Тяжело дыша, он остановился под окнами и задрал голову вверх.

- Э-э-й!!! - протяжно прокричал он. - Лю-ю-ди!.. Э-ге-ге-ей!..

В окнах возникли первые недоумевающие лица.

- Люди!!! - продолжал кричать он, чувствуя, что срывается голос. - Вы слышите меня!? Ого-го!!!

Все больше человек появлялось в оконных проемах и удивленно поглядывало вниз.

- Нет больше резервации!!! - неистово орал он. - Вы слышите меня!? Нет больше Оболочки! Нет их, слышите!? Не-е-т!..

Замирающий шелест пронесся от окна к окну, от этажа к этажу. Оцепенение возникло среди торчащих в окнах людей.

- Да что ж вы остолбенели!? - выпалил Сергей. - Все сюда! Живее! За мной все!.. Вы свободны, черт подери!!!

Он махнул рукой и побежал обратно к перекрестку.

- Скорее!!! - кричал он на бегу. - За мной!.. Свободны! Свободны!..

Он отбежал метров на сорок, остановился и оглянулся.

Первый шок у конторских прошел, и кое-кто уже выскакивал из

окон первого этажа. Другие лихорадочно метнулись к лестницам. Затем толпу окончательно прорвало. Люди кричали, выпрыгивали вниз, стремглаз вылетали из дверей, снова кричали, спотыкались, некоторые падали, но затем поднимались и бежали, бежали за ним...

Тогда он развернулся и, больше уже не оборачиваясь и не снижая скорости, помчался в сторону транспортера. Он запрыгнул на него, пронесся до середины и снова оглянулся.

Первые из бегущих в нерешительности тормозили перед транспортером, но на них уже напирали задние и тянулась, тянулась возбужденная людская вереница через улицу, мимо мэрии, от самой конторы...

- Не бойтесь!.. - выпалил Сергей, задыхаясь. - Все кончилось! Смотрите!..

Он попытался назад по транспортеру и остановился на его внешнем конце.

- Видите?! - прокричал он, раскинув руки. - Никаких Проходов больше! Никаких розыгрышей! Конеч, слышите?! Свобода! Все сюда!

Толпа дрогнула, затем с криками ринулась в его сторону. Трое человек заскочило на транспортер, остальные бросились врассыпную слева и справа.

А потом этот массовый, раскатистый и смешанный шум ликования внезапно оборвался.

Словно скошенные на бегу пулеметной очередью, люди стали падать на землю и корчиться в судорогах. Воздух быстро наполнился нечеловеческими и леденящими кровь стонами боли. Десятка полтора или два из тех, что бежали первыми, свалились, извиваясь, на землю, остальные же с истошными воплями шарахнулись обратно. Из тех троих, бежавших по транспортеру, двое слетели вниз, а один остался лежать, отчаянно крича, сцепившись обеими руками в голову и конвульсивно дергая ногами.

Все онемело и похолодело у Сергея внутри. В глазах потемнело, и он едва не упал с транспортера. Он отказывался верить в происходящее.

- Вы чего?... - пролепетал он беззвучно. - Вы чего?... Как же так... Почему?... Вы...

Толпа в страхе откатывала назад. Лежащие на земле люди, не прекращая кричать, отползали обратно. Повсюду стоял этот невыносимый стон. Он оглушал и парализовывал. В ошеломлении, на ватных ногах Сергей бросился к лежащему на транспортере. Это оказался молодой парень.

- Давай руку, браток... - вымолвил Сергей, протягивая ему ладонь.

В этот момент парень перевернулся на бок и с трудом встал на колени. Увидев перед собой Сергея, он в ужасе отпрянул, снова упал и пополз назад, лихорадочно загребая руками по резине. Он глядел на Сергея, и нечеловеческий страх застыл на его искаженном лице.

Сергей хотел что-то сказать, но не смог - задохнулся. Ему не хватало воздуха. Из глаз сами собой брызнули слезы. Он попытался назад, не заметил, как достиг края транспортера и сорвался, ударившись локтями и коленями об асфальт. Но он не ощутил боли, и поднялся и продолжал отходить, не в силах оторвать взгляда от этих людей, шевелящихся на земле, судорожно перебирающих руками и ногами, отчаянно выкрикивающих проклятия, поднимающихся, снова падающих и опять ползущих, ползущих назад...

Он уже вышел на проезжую часть и все отступал и отступал, даже не замечая проносившихся мимо машин. Где-то посередине дороги он остановился.

- Простите... - шептал он, не слыша собственного голоса. - Я не хотел... Я не знал... Простите меня... Не знал... Как же так...

Слезы текли и текли по его щекам, все лицо было мокрым от слез, но он не чувствовал их. Он не чувствовал ничего.

И пространство и время исчезли, растворяясь в этих пронзительных, наполненных болью столах, и он уже не в состоянии был отличить их от нарастающей, ревушей разноголосицы сигнальных гудков и скрипа тормозов, скапливающихся вокруг автомобилей, разозленные водители которых никак не могли взять в толк, почему какой-то идиот застыл поперек дороги словно истукан и не движется ни в ту, ни в другую сторону.

# Гарцующие реальности Филипа К. Дика.

Филип Киндред Дик и его сестра-близнец Джейн родились 16 декабря 1928 года в Чикаго. Дети родились дома и намного раньше срока. Джейн умерла несколько недель спустя (в день, который при нормальных обстоятельствах должен был стать их днем рождения) от... недостаточного ухода и кормления. В смерти девочки целиком повинна мать близнецов, которая не придавала значения состоянию детей и обратилась в госпиталь слишком поздно - малютку не спасли. Сам Фил провел месяц в инкубаторе.

Всю свою жизнь Дик помнил о сестре, которую он никогда не знал, и ненавидел свою мать за отсутствие материнского инстинкта. Генетическая память заставляла его постоянно фантазировать о том, какой была бы его сестра, выжила она тогда. Поэтому не удивляйтесь, увидев почти в каждом его романе загадочный портрет недоступной или испорченной девушки. Его родители скоро развелись, и Дик остался со своей холодной и отстраненной матерью, которая, по словам одной из жен Фила, абсолютно не имела представления о том, как растить детей.

С детства Дик любил музыку. «Ковбойские песни были моей главной любовью тогда, - пишет он в своем «Автопортрете» в 1968 году. - Вообще, музыка всегда играла основную роль в моей жизни. Но тогда - мне было шесть лет, - я обожал свой ковбойский костюм и целыми днями слушал музыку кантри по радио. Музыка и комиксы составляли весь мой мир». Так, с музыки кантри началась его любовь к классической музыке. После своего ухода из Калифорнийского университета, где Дик проучился всего один семестр, он работал клерком в магазине грампластинок. А одно время даже вел радиопередачу, посвященную классической музыке. Эта его страстная любовь к музыке, да еще к кошкам чувствуется во всех его произведениях.

Первый свой рассказ «Руг» Дик написал в 1951 году. Этот рассказ положил начало одному из основополагающих направлений в его творчестве, направлению, которому Дик следовал вплоть до последнего дня своей жизни. Имеется в виду попытка взглянуть на мир глазами другого существа, не обязательно человеческого. «Руг» - это рассказ от лица собаки, черного пса, который днем и ночью охранял самую большую драгоценность своего хозяина... мусорный бак. «Я знал этого пса, его звали Снупер, - писал Дик в комментариях к «Ругу». - Ну поставьте себя на его место, хозяин бережно выносит из дома вкусно пахнущую еду, аккуратно завернутую в бумагу. Открывает крышку железного ящика, опускает этот сперток туда и плотно закрывает крышку. Как, по-вашему должен реагировать пес на такое поведение? Естественно, он считает содержимое мусорного бака самой большой ценностью хозяина. По каждую пятницу рано поутру на гремящем грязном чудовище приезжают какие-то люди, как можно тише пробираются во двор и увозят железный бак. И вот каждую пятницу ровно в пять утра, когда в спальне у мусорщиков, должно быть, звонит будильник, пес во дворе начинает нервно вслаивать, пытаясь предупредить своего хозяина о готовящемся ограблении».

Этот рассказ перекликается с романом, который Дик писал перед своей смертью, но так и не закончил. За несколько недель до смерти в интервью журналу «Старлог» Дик сказал, что пишет новый роман под названием «Сопа днем». «Сопа днем слепя, - говорит Дик. - Будучи высказанной, эта сентенция характеризует самого человека, который не понимает явлений, о которых судит. Это роман о неспособности понять другого. Я пишу от лица инопланетного существа, неспособного познать музыку. Для этого ему приходится воспользоваться человеческим мозгом. Таким образом мы погружаемся в мир инопланетянина, видим наш мир глазами этого существа и, одновременно, его собственный мир - глазами человека. Он познает

наш мир музыки и цвета, но жертвует своей жизнью ради этого». Все его творчество поистине было попыткой взглянуть на мир чужими глазами.

На самом деле Дик всегда хотел писать нефантастические произведения и даже написал несколько таких романов, но при жизни эти его работы признаны не были. Почти все они вышли посмертно. Научная фантастика давала достаточно творческой свободы для его постоянных изысканий. Но даже среди НФ-писателей Дик считался несколько странным, не попадающим ни в одну категорию. Его произведения больше напоминают философские размышления, чем «твердую» НФ, которая славится своими «предсказаниями» будущего.

Трудное детство, развод родителей, вечная нехватка средств и постоянные переезды во время Великой депрессии из одного города в другой вместе с вечно витающей в облаках матерью. Вот она - реальность, в которой жил маленький Филип. Боязь высоты, агорафобия и другие страхи настолько мешали его учебе и общению со сверстниками, что его мать была вынуждена отвести мальчика к психиатру. Один из специалистов предположил, что Дик, возможно, шизофреник.

По Гераклиту - одному из самых почитаемых Диком философов, - существует несколько реальностей: *koinos kosmos* - мир внешний, общий, разделяемый, и *idios kosmos* - мир индивидуальный, внутренний. По Гераклиту получается, что реальностей столько, сколько людей на Земле. Дик отчаянно искал свое место в *koinos kosmos*, а не найдя, начал исследовать мир индивидуальный. Именно так появились его знаменитые «скачущие реальности» «Убика».

Что может чувствовать человек, попавший в *idios kosmos* другого человека? Роман «Глаз в небе» тоже об этом, недаром Дик сам считал «Убик» переработкой этого более раннего романа. Что есть реальность? И насколько реально то, что мы считаем реальным? А может быть, галлюцинация - это как раз и есть истинная реальность. Вдруг наше сознание научилось «экранировать» нечто такое, что оно не в силах познать и познать, но что существует на самом деле? Об этом можно прочитать в повести «Вера наших отцов». Всем своим творчеством Дик пытался доказать читателям, что их внешний мир может быть вовсе не таким прочным, не таким несомненным, каким он нам кажется, что чья-то индивидуальная реальность

может оказаться более устойчивой. Реальность по Дик - вещь хрупкая. Но даже в этих своих поисках писатель уникален, его цель - не ответ, а глубина вопросов и творческий подход к ним, а также бесконечное удовольствие и терпение, с которым он задавал их.

Все индивидуальные миры, описанные Диком, очень реальны, они реальны настолько, что на них «покупаются» не только сам персонаж, но и читатель (а иногда и сам автор!). Не мудрено, ведь Дик прекрасно знал, как «общаться» с иллюзией, как она «живет» и действует. До сих пор все считают Филипа Дика наркоманом. По высказыванию Станислава Лема он «ел наркотики ложкой». Ему ли не знать, какое впечатление способен произвести на человека обычный «глюк»? Именно поэтому ему так хорошо удалось создавать одну реальность внутри другой, причем, я уверена, он мог бы «заворачивать» одну реальность в другую почти до бесконечности, наподобие кальусты, и читатель никогда в жизни не догадался бы, что это всего лишь очередная иллюзия. Слухи о том, что Дик - наркоман, на самом деле исходят от писателя Харлана Эллисона. Он писал комментарии к повести «Вера наших отцов», опубликованной в одном из сборников. Эллисон написал, что Дик писал эту повесть под действием ЛСД. Сам Дик иногда поддерживал эти слухи, но чаще всего опровергал. На самом деле Дик не любил ЛСД и почти не употреблял этот наркотик. Он иногда баловался «травкой», но только из ностальгии по студенческим временам



Могилы Филипа и Джейн Диков в городе Форт Морган.

в Беркли, в остальное время он употреблял снотворное. «В пятидесятые годы, еще до того, как я вообще хоть что-то услышал об ЛСД, я написал роман под названием «Распалась связь времен». В этой книге есть эпизод, в котором один парень, прогуливаясь по парку, подходит к лимонадному киоску, киоск этот превращается в бумажный листок с надписью «Киоск безалкогольных напитков», и парень, недолго думая, засовывает этот листок себе в карман. Такая вот мутьота - прямо-таки в духе «экспериментов с наркотиками». Если бы я не знал сам, как это было написано, я бы наверняка решил, что автор, когда писал свою книгу, ширялся напропалую, и его вселенная пошла вразнос, поскольку живет он явно в фальшивой вселенной», - сказал он однажды в интервью. «На самом деле под действием наркотиков невозможно написать даже рассказ, не говоря уже о романе», - признавался он.

Еще один вопрос, составляющий основу творчества Дика - что такое человек? Человек по Дикю - это создание, наделенное эмпатией, способностью к состраданию. Всех, кто не подходил к этому определению, Дик относил к андроидом. «Я говорю не об андроидах с научной точки зрения, не о людях, созданных в лаборатории, а о типе человеческого поведения, которое я считаю патологическим». Для Дика быть андроидом не значило быть убийцей или делать что-то по-настоящему злое. Для него клерк, монотонно выполняющий свою работу, не спрашивая, зачем он это делает, - самый настоящий андроид. Может быть, именно поэтому в его произведениях андроиды зачастую более человечны, чем настоящие люди.

В последние годы своей жизни Дик все чаще обращался к мыслям о Боге. Впрочем, для этого была причина. В феврале-марте 1974 года он пережил серию необъяснимых явлений. Эти события («2-3-74» - так называл их сам писатель) очень подробно описаны в романах «Радио Альбемута» и «Вализ» (на самом деле второй роман - это всего лишь модификация первого). Дик описывает яркий луч розового света, передающий информацию прямо в мозг, загадочные видения картин, быстро сменявшие друг друга, голоса, раздававшиеся из радио и обращавшиеся непосредственно к нему. В картинах Дик узнал полотна Кандинского, Малевича и других. Информацию, которую он получал посредством розового луча, Дик записывал в своем монументальном дневнике «Толкования». Филип работал над дневником все восемь лет до самой смерти. К 1982 году дневник насчитывал восемь тысяч страниц рукописного текста. Эта рукопись, частично опубликованная в 1991 году, принесла Дикю славу философа и духовного мыслителя.

С самого первого «контакта» его занимала проблема происхождения этого розового луча. Были ли события 2-3-74 действительно мистическим контактом с неким высшим разумом (Богом?), сознательной манипуляцией со стороны неизвестных сил (испытание нового оружия СССР?) или всего лишь симптомами обострившейся шизофрении? Дик исследовал все эти возможности. В своих философских статьях он высказывал одну идею за другой, впрочем, не упуская случая поехидничать над самим собой. «У Хрена, должно быть, возникало больше идей, чем звезд на небе. Каждый день он просыпался с новой, все хитрее, удивительнее и дерзковей», - пишет он в «Вализе». Кстати, здесь он описывает себя в двух лицах: как писателя Филипа Дика и его друга Конелюба Хрена. Дик всегда любил игру слов и значений, особенно, когда дело касалось его персонажей. Здесь Дик посмеялся над самим собой в лучшем своем стиле. Сначала он перевел свое имя на английский с греческого («филос» - любовь, «нипос» - лошадь), а потом - перевел слово «дик» на немецкий («дик» на слэнге американской молодежи означает мужской половой орган).

Результатом событий 2-3-74 стало создание знаменитой трилогии «Вализ»: «Вализ» (1981), «Божественное вторжение» (1981) и «Трансмиграция Тимоти Арчера» (1982), а после его смерти вышла и более ранняя модификация «Вализа» под названием «Радио Альбемута». В этих романах Дик исследует мучения и духовную пустоту земного существования человеческого общества, в котором Бог (как бы его не называли) остается неизвестным, а может, даже вообще непознаваемым. Хотя писатель выражает надежду, что это знание и последующее духовное освобождение могут еще дойти до людей, даже до тех современных душ, которые обременены только житейскими проблемами - оплатой коммунальных услуг и воспитанием детей.

Сам Дик определял себя как пре-шизофреника. Такая экзистенцистика на канате самоанализа - постоянный элемент всех эссе Дика и его дневников. «Я пишу философ, а не писатель; в своих романах и рассказах я описываю то, что чувствую и вижу. Ядро моих произведений - не искусство, а правда. Я всего лишь описываю правду, но не объясняю ее». Писатель обращался ко многим психотерапевтам и психоаналитикам в надежде выяснить, нормальный ли он. Некоторые считали его невротиком, но по крайней мере один

заявил, что Дик вполне нормален.

На личном фронте у него так и не сложилось, он был женат пять раз, и каждый брак рано или поздно распадался. У него было трое детей, две дочери и сын Кристофер, который, говорят, очень похож на него.

Большую часть своей жизни Дик был так беден, что временами питался консервами для собак. «Да, он делал это, но только потому, что ему это очень нравилось», - с улыбкой вспоминает его друг и коллега Томас Диш. - Я часто видел, как он ел эти консервы. В приступе жалости к себе, с выражением лица, которое говорило: «Бедняга Фил, подумать только, известному писателю-фантасту приходится есть собачьи консервы!» он брал банку конины для собак, долго смотрел на нее, открывал, погружал в нее ложку, вздыхал, еще раз переполнялся жалостью к себе и потом, только потом начинал есть.»

Нельзя сказать, что при жизни его никто не знал. Вкусил он и славы. Дика узнавали на конвенциях, интервьюировали журналисты, во Франции он был особенно популярен, там даже сняли фильм по его нефантастическому роману «Признания бездарного художника». Писатель был удовлетворен теми фрагментами «Бегущего по лезвию бритвы», которые успел увидеть, и очень радовался, продав права на экранизацию «Воспоминаний по оптовым ценам». Он ненавидел Голливуд, но внимание к его произведениям со стороны этой киноимперии было ему приятно.

В 1963 году он получил высшую НФ-награду «Хьюго» за роман «Человек в высоком замке». «В то время я писал, как одержимый», - вспоминает Дик. - Едва напечатав слово «Конец» на последней странице одного романа, я тут же вставлял новый лист и печатал: «Страница 1». Я подсчитал, что напечатал 1200 страниц за три недели... Это было в 1964-м, я только что получил «Хьюго» за «Человека в высоком замке» и подумал: «Куй железо, пока горячо». И писал. Я был пишущим дураком. 16 романов за 5 лет. Сколько так могло продолжаться? У меня не идеи кончились, а энергия» - вспоминал он в 1977-м.

В его жизни бывало всякое. Одно время он жил в Канаде, хотя считается, что он никогда не покидал Калифорнию. Он действительно редко куда-либо уезжал. Особенно не любил он конвенции. В Канаду он поехал на фантастическую конвенцию, чтобы прочитать свое эссе «Андроид и человек». Ему там так понравилось, что Фил решил пока не возвращаться домой. Там, в Канаде, местная полиция считала его абсолютным параноиком. Его квартира была напичкана аппаратурой против воров. Он все время боялся слежки и взлома. Однажды его все-таки обокрали. Но полиция, устав от постоянных подозрений всех и каждого с его стороны, прямо обвинила Дика в собственном ограблении. Рано или поздно каждый из его друзей попадал под подозрение в сотрудничестве с «органами» или тайными антиамериканскими «организациями» и написании доносов на него, Дика. В своей паранойе он дошел даже до того, что накропал донос в ФБР на своего друга Томаса Диша, на что сам Диш совсем не обиделся. Это еще что - донос на самого себя был, пожалуй, верхом его паранойи. Кстати, Диш в одном из своих интервью заявил, что ему даже льстили подозрения Дика. В Канаде он однажды пытался покончить с собой. В феврале 1976 года он совершил вторую попытку самоубийства. Наглотившись разных таблеток и выпив полбутылки спиртного, он вскрыл себе вену и в ожидании смерти уселся в свой старый «Фиат» с включенным двигателем в закрытом гараже. К утру ему надоело это ожидание - его вырвало, кровь свернулась, а машина заглохла. Он пришел домой, вынул из почтового ящика рукопись «Господа Гнева», накормил кота и вдруг ощутил, что больше не хочет умирать. Тогда Дик сам вызвал себе скорую. «Конелюб - такой безнадежный неудачник, что ему даже не удалось покончить с собой», - ехидничает он в «Вализе».

Филип Дик умер от удара в марте 1982-го, оставив сиротами двух котов, незаконченный роман «Сова днем» и наброски к продолжению «Человека в высоком замке». Похоронен Дик вместе с сестренкой в городе Форт Морган. Теперь все его творчество вызывает огромный интерес, фаны активно обсуждают темы, затронутые в его произведениях, профессора философии защищают диссертации на их основе, Голливуд по-настоящему заинтересовался экранизациями его романов. Ходят слухи о производстве фильмов по романам «Помутнение» и «Вализ». Стивен Спилберг снимает фильм по рассказу «Доклад меньшинства». Скоро благодаря кинематографу имя Филипа К. Дика станет еще популярнее.

В предложенной ниже работе «Космогония и космология» содержится квинтэссенция философии писателя, которая была более подробно описана в романах «Радио Альбемута», «Вализ», «Божественное вторжение» и «Трансмиграция Тимоти Арчера».

Н. МАРКАЛОВА



Наша реальность — это искусственная конструкция, созданная артефактом (здесь и далее курсив автора - Н.М.), компьютероподобной обучающей машиной, которая наставляет, программирует и контролирует нас, тогда как мы совершенно не осознаем, что живем в этом искусственном мире. Артефакт, который я называю Зеброй, «создал» (на самом деле только спроецировал) нашу реальность, как своего рода отражение или образ своего создателя, чтобы создатель тем самым смог получить объективную основу для познания самого себя. Другими словами, создатель (названный Якобом Беме в 1616 году Urgrund (проснова, источник бытия - нем.) подвиг себя на поиски инструмента для самоосознания и самоанализа, получения объективной оценки и понимания собственной природы (это огромный живой организм, который без подобного зеркала не видит собственных качеств и граней, поэтому ему и нужен эмпирический мир как отражение, в котором можно «увидеть» себя).

Он создал проецирующий реальность артефакт (или творца, создателя мира; ср. Платон и гностики), который затем, по команде создателя, и создал первый уровень известного нам мира. Артефакт не знает, что он артефакт; он не имеет понятия о существовании Urgrund (на языке, что доступен артефакту, Urgrund скорее НЕ существует, чем существует) и представляет себя Богом, единственным реальным Богом.

Изячая нашу развивающуюся действительность, Urgrund все более и более адекватно понимает себя. Он должен разрешить артефакту продолжать проецировать развивающуюся действительность, насколько бы дефектной или бесформенной (в течение этого процесса) она ни была, до тех пор, пока реальность, наконец, не станет полным, настоящим аналогом самого Urgrund. В тот момент, когда разница между Urgrund и спроецированной действительностью исчезнет, произойдет удивительное событие: артефакт, или демиург, будет уничтожен и Urgrund поглотит искусственную действительность, превратит ее во что-то действительно реальное, одновременно сделав живые создания этой реальности бессмертными. Это событие - вход Urgrund в нашу искусственную реальность, - может произойти когда угодно.

Зебра, проецирующий энергетический артефакт, находится совсем рядом, но он скрывает от нас не только свои действия, но даже само свое присутствие. У него огромная - практически неограниченная - власть над нами.

Будущее (судьба) нашего мира таково: бессмертие и окончательное слияние нашей действительности с Urgrund в момент достижения ею полного аналога Urgrund. Но судьба артефакта (которая ему неизвестна) - уничтожение. В отличие от нас и Urgrund, артефакт не живое существо. Мы двигаемся к изоморфизму. В тот самый миг, когда будет достигнут полный изоморфизм, мы обречены на исчезновение (проникновение в наш мир и поглощение его Urgrund) в потрясающей вспышке света: «блиц» Беме. Март 1974 года не был этим моментом, вместо этого Зебра-артефакт, регулирующий спроецированную действительность, сошел с курса, внёс изменение в движение искусственной действительности в сторону изоморфизма с Urgrund (ведь цель движения артефакту неизвестна).

Так как целью эволюции нашей реальности является достижение нами изоморфизма с нашим настоящим создателем - Urgrund, который создал проецирующий артефакт, мы приближаемся к очень важному с точки зрения актуальности и глубины моменту.

Хотя мы не абсолютно изоморфны с Urgrund, мы обладаем не идеальными, но все же очень реальными фрагментами или частями Urgrund внутри нас. Христианская мистика учит нас: «Что за пределами, то в нас». Это высказывание относится к третьему, последнему периоду нашей истории, когда людьми будут управлять изнутри. Об этом христианская мистика говорит: «Христос обладает вашим телом, а вы обладаете им в своей душе».

В индуистской философии Атман внутри человека уподобляется Брахме, ядру вселенной.

Этот Христос или Атман - микроформа не Зебры, компьютероподобного проецирующего реальность артефакта, а Urgrund; который в индуистской религии (как Брахма) описан лежащим за Майя, вуалью заблуждения (то есть за спроецированным, кажущимся миром).

Человек уже настолько близок к изоморфизму с Urgrund, что Urgrund может родиться внутри человеческого существа. Это самое важное событие, какое может произойти в человеческом обществе. Это

означало бы, что источник всего живого прошел стадию нужды в артефакте и его искусственной реальности, и пришел к жизни в разуме человека или нескольких людей.

Любой может сделать из этого вывод, что Urgrund уже проникает в искусственный мир артефакта. Это значит, что момент Блица, как назвал его Беме, уже близок. Когда микроформа Urgrund родится внутри человека, сознание этого человека выйдет за рамки нашего мира, с точки зрения его пространственно-временных пределов. Он сможет увидеть другие времена, прожить другие жизни в разных местах. Другими словами, божественное ядро внутри него будет больше, чем весь наш мир.

Проникая в сердце спроецированного мира, Urgrund может, ловя излучение человеческого разума, поглотить спроецированный мир и одновременно уничтожить проецирующий артефакт в тот самый момент, когда будет достигнут соответствующий уровень эволюции (включая эволюцию человека). Только Urgrund знает, когда это произойдет.

Он - Urgrund - уничтожит властвующую над нами силу спроецированного артефактом иллюзорного мира, когда уничтожит управляющую нами силу принуждения посредством аннигиляции этого артефакта; он заменит бытие артефакта его собственным небытием. То, что получится, будет абсолютно монической структурой, абсолютно живой и чувствительной. За пределами Urgrund не будет ни пространства, ни времени, ни состояния.

Мир, спроецированный артефактом, - не зло, сам артефакт тоже не является злом. Тем не менее, артефакт - безжалостный и бесчувственный механизм управления. Его бесполезно молить о чем-либо. Он делает работу во имя цели, которой не может постигнуть. Страдание здесь является следствием двух причин:

- 1) бесчувственная механистическая структура спроецированной реальности и артефакта, где действует слепой закон случайных чисел;
- 2) то, что Новый Завет называет «родовыми муками вселенной» - и в макрокосме, и в человеческом микрокосме. Рождение, которого стоит ожидать - это, прежде всего, рождение Urgrund в человеке, и окончательное поглощение вселенной во всем ее абсолюте, происшедшее в единый краткий миг. Первое уже происходит; второе произойдет немного позже в самый неожиданный момент.

Действительность нужно считать процессом. Хотя живые существа, которые должны пройти через этот процесс, зачастую тяжело страдают, совершенно не понимая, зачем, иногда Urgrund милосердно вмешивается, отменяя или уничтожая причинно-следственные цепи артефакта. Возможно, причиной этого спасительного вмешательства является рождение Urgrund в человеке. Нужно заметить, что историческое значение слова «спасение» - «освобождение», когда «греховное» или «падшее» «утнетено» и «порабощено». После ознакомления с описанной выше моделью можно легко представить себе освобождение человечества от контроля артефакта, какими бы добрыми, полезными и значимыми ни были действия этой машины. Совершенно очевидно, что он несовершенен и может ошибиться. В таком случае иногда необходимо управлять артефактом. Очевидно, что управлять артефактом может только изначальный создатель или основа бытия, единственный, кто обладает достаточной мудростью и силой, чтобы делать это. Ничто, получившее начало в пределах артефакта, или рожденное артефактом и спроецированным им миром, не в силах делать это.

#### Преимущества этой модели

В основном, эта модель предполагает, что наш эмпирический мир - это попытка ограниченного существа создать предмет, который оно само не может охватить взглядом. Это оправдывает все несовершенство нашего мира и существующие в нем элементы «зла».

Кроме того, это объясняет смысл создания нашего эмпирического мира. Это процесс движения в сторону определенной цели.

В этой системе человека нельзя обвинить в провале всего проекта, нельзя сказать, что человек - причина этого провала, ибо человек здесь выступает главной жертвой зла в мире, а не его автором. Точно также и Бог не может отвечать за зло, боль и страдания (эта идея также неприемлема); вместо этого существует третья точка зрения, что ограниченное создание под названием «артефакт» пытается сделать свою работу как можно лучше, принимая во внимание всю его ограниченность. Таким образом, божества зла (иранский дуализм, гностицизм) не существует.

Хотя эта модель сложна, она пока успешно использует принцип

бривты Оккама: если концепция промежуточного артефакта будет удалена, то либо Бог, либо человек будет считаться ответственным за обилие зла и страдания в мире; это спорная теория.

Самое важное, что она, кажется, согласовывается со следующими фактами:

- 1) эмпирический мир нереален, он только выглядит реальным;
- 2) к его созданию нельзя обратиться с просьбой исправить или заглянуть то зло и несовершенство, что есть в мире;
- 3) мир движется в сторону конечной стадии или цели, природа которой скрыта от нас, но эволюционный аспект изменений предполагает положительное конечное состояние, которое спроектировано чувствительным и добрым прото-созданием.

Еще кое-что. Оказывается, есть цепь обратной связи между Urgrund и артефактом, в которой Urgrund, при определенных исключительных обстоятельствах может оказать давление на артефакт, если артефакт отклонится от правильного движения искусственного мира в сторону состояния, аналогичного состоянию Urgrund. Последний либо изменяет действия артефакта прямым давлением на него, либо изменяет сам искусственный мир и моделирует его, минуя артефакт, а возможно, делает и то, и другое. В любом случае, артефакт также не подозревает о существовании Urgrund, как мы - о существовании артефакта. Достигнут полный круг неосведомленности, в котором первоначальный источник (Urgrund) и конечная действительность (наш мир) двигаются навстречу слияния друг с другом, а создание-посредник (артефакт) движется в сторону своего уничтожения. Таким образом, вся система движется в сторону совершенства и упрощения, удаляется от сложности и несовершенства.

И хотя это усложнит объяснение, я рискну добавить еще одну модификацию.

Возможно, Urgrund постоянно влияет на миропроецирующую деятельность созданного им артефакта, поэтому существующий эмпирический мир является результатом постоянных диалектических взаимодействий. Если допустить, что Urgrund противопоставляет артефакт себе, то получается, что эмпирический мир является как бы порождением двух Ине- и Яноподобных взаимодействующих сил: одной живой и чувствительной, осознающей истинное положение вещей, и другой - механистической и активной, но не осознающей истину.

Эмпирический мир, таким образом, это порождение бытия (артефакта) и довлеющего над ним небытия (Urgrund).

Для созданий, живущих в искусственном эмпирическом мире, было бы практически невозможно различить, какое давление идет от артефакта (неверно названного злом), а какое - от Urgrund (верно названного добром). Они просто воспринимали бы постоянные и мощные эволюционные изменения мира, не предполагающие никакого конкретного gestalt в любой конечный момент линейного времени.

Тем не менее, это совпадает с нашими представлениями о мире. Главная основа бытия создала что-то (артефакт), как противопоставление самой себе, а уже из него берет начало известный нам мир.

Эта модификация модели объясняет, как артефакт мог бы скопировать что-то, чего сам не видит и о существовании чего он даже не догадывается.

Артефакт, вероятно, считал бы вхождение Urgrund в свой собственный мир-проекцию ужасным вторжением, которое должно быть отбито. Следовательно, финальная битва среди всех известных философских и теологических систем должна иметь самое большое сходство с системой Эмпедокла, с борьбой хаоса против образования одного krasis (gestalt) за другим. За исключением прямой информации от Urgrund, мы могли иметь только смутное представление о присутствии и природе двух противоборствующих сил, а также о предполагаемом конечном состоянии своего мира.

Есть подтверждение, что Urgrund на самом деле иногда дает людям такую информацию - для того, чтобы подтолкнуть течение диалектического развития в сторону нужной ему цели. С другой стороны, артефакт должен противостоять этому, порождая как можно больше препятствий; с этой точки зрения тьма и свет находятся в состоянии войны, или, более точно, воюют знание и незнание, а человечество совершенно верно выступает на стороне знания (названного Святой Мудростью).

Тем не менее, говоря о частоте вмешательства Urgrund в этот мир, спроецированный артефактом, я - пессимист. Цель артефакта (вернее, цель Urgrund) достигается без вмешательства Urgrund; то есть мы неуклонно движемся в сторону изоморфизма, желаемой конечной цели, и вмешательства в этот процесс не требуется. Артефакт был создан, чтобы сделать определенную работу, и он ее успешно делает.

В эволюции мира-проекции наблюдается кое-какое

диалектическое взаимодействие, но оно может происходить и без участия Urgrund; это может быть просто методом, который использует сам артефакт.

То, на что мы должны надеяться и чего ожидать - есть момент изоморфизма с основой бытия, основной реальностью, которая, как Божественная Искра, может вспыхнуть внутри нас. Вмешательство в состояние нашего мира осуществится только в самом конце, когда артефакт и его тиранические законы, властвующие над нами, его жестокое порабощение нас, будут уничтожены. Urgrund реален, но он очень далеко. Артефакт тоже реален и находится совсем рядом, но у него нет ушей, чтобы слышать, глаз, чтобы видеть и души, чтобы слушать.

В страдании нет смысла, кроме одного - избавления страждущего от страдания и наполнения его счастьем покоя. Дорога к радости лежит через смерть человеческого Это, которое потом будет заменено на волю Urgrund. Пока эта финальная стадия не достигнута, каждый из нас находится под влиянием артефакта. Мы не можем отвергать этот искусственный мир, каков бы он ни был, так как это единственный мир, который у нас есть. Но в момент, когда наши индивидуальные личности умрут и Urgrund родится в нас - в этот момент мы освободимся от этого мира и станем частью нашего создателя. Инициатива исходит от Urgrund; пусть спроецированный мир - это мир несчастных существ, а артефакт несет неизбежное страдание - это, в конце концов, структура, которую создал Urgrund, посредством которой мы достигнем изоморфизма с ним. Если бы был лучший путь, то Urgrund, несомненно, выбрал бы его. Дорога трудна, но цель оправдывает средства.

«Истинно, истинно говорю я вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет.

Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир.

Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас».

Иоанн. 16:20/23

## Разветвления спроецированной реальности с точки зрения осознанного сопротивления

Искусственному миру не хватает онтологической субстанции, чтобы поддержать себя при преодолении сопротивляющейся среды, и это основной недостаток искусственной системы. Люди, сами не понимая того, имеют возможность отвергнуть существование искусственной действительности, хотя они должны затем взять на себя ответственность за последствия, какими бы они ни были.

Возможно, существует некая подлинная основа реальности, которую обычно нельзя обнаружить, ибо она скрыта спроецированной искусственной реальностью. Эту гипотезу нельзя проверить, кроме как экзистенциальным методом неподчинения ложной реальности. Это сделать непросто. Это должно включить в себя как акт неподчинения искусственной проекции, так и акт веры в подлинную основу - без какой либо надежды эмпирически убедиться в существовании последней. Я считаю, что некое существо извне должно дать толчок этому сложному психологическому процессу одновременного неподчинения тирану и выражения веры в то, что существует незримо.

Если предположить, что невидимая основа подлинной реальности существует и она скрыта искусственно созданной действительностью, то это предположение должно составить основу самого величайшего тайного знания, какое только можно представить. Я хочу предположить, что такая невидимая основа на самом деле существует, и я далее предполагаю, что какая-то тайная группа или организация обладает этим знанием, охраняет и его, и методику расширения нашего ограниченного восприятия подлинной основы. Я называю эту группу или организацию истинной, тайной, гонимой Христианской Церковью, которая существует на протяжении столетий в подполье. Эта организация прямо связана с тайными устными традициями, знанием и методикой, которые восходят своими корнями к Христу. Я далее предполагаю, что восстановление знания о подлинной основе реальности у истинной, секретной Христианской Церкви в конечном итоге приведет ее последователей к обнаружению, видению или вступлению в Царство Божие, которое описано в Новом Завете.

Таким образом, можно сказать, что им - и тем, кому они помогли прозреть, - Царство Божие явится, каким оно описано в Новом Завете знавшими Христа при жизни.

Наконец, я предлагаю поразительное замечание, что Христос вернулся (воскрес) сразу после казни в виде Адвоката или Заступника, и способен наделить человека Святым Духом, что функционально равно

рождению Urgrund внутри этого человека. И, наконец, я считаю, что Христос является микроформой Urgrund - не его порождением, а им самим. Он не слышит vox Dei (Глас Божий), он и есть vox Dei. Он представлял собой первоначальное проникновение Urgrund в этот искусственный псевдомир и он до сих пор здесь.

Истинная реальность, открытая вследствие отрицания искусственного мира, неподчинения ему - это реальность существования Самого Христа, реальность времени-места Первого Пришествия; другими словами, некоторая часть искусственного мира уже изменена под влиянием Urgrund. Так как Первое Пришествие было первичной стадией этого проникновения, неудивительно, что оно все еще заменяет часть искусственной реальности сегментом чистой, настоящей реальности, которая противопоставлена проецируемой подделке. Расположенная вне линейного времени, находясь за пределами всех ограничений спроецированного артефактом мира, эта истинная реальность вечна и совершенна, и теоретически всегда находится буквально в пределах нашей досягаемости. Но отказ от повиновения спроецированному миру является предварительным условием для восприятия и контакта с этой высшей действительностью, и оно должно быть стимулировано извне. Это действие абсолютной веры: отрицание эмпирического мира и утверждение живой действительности Христа, Христос с нами, скрыт псевдо-миром. Это открывает для нас окончательную цель подлинного Христианства, которая может быть достигнута только Самим Спасителем.

Таким образом, последовательность событий такова: искусственно созданный мир отвергнут и отброшен прочь, являя нам единственную извечную картину: Рим ок. 70 от р.Х., последователи христианского учения восстали против государства. Эта борьба является единственным образцом любой борьбы, происходящей в любом месте и в любое время.

Темы порабощения и последующего спасения или освобождения падшего человека скопированы с исходного образа христианского борца против легионов Римской армии. С некоторой точки зрения, с тех времен (с 70 года н. э.) ничего не произошло. Первичный кризис постоянно повторяется. Всякий раз, когда идет борьба за свободу - это всегда христиане против римлян; всякий раз, когда люди угнетены - это всегда Римская тирания снова угнетает смиренных и беззащитных. Тем не менее, искусственно созданный мир артефакта маскирует эту извечную борьбу. Эта борьба - еще один секрет, который может открыть только Христос как олицетворение Urgrund.

Это краеугольный камень диалектики: освобождение (спасение) - против порабощения (греха или падения во грех). Поскольку артефакт порабощает людей, не давая им возможность осознать это, то можно сказать, что артефакт и спроецированный им мир «враждебны» нам, что значит - полны угнетения, предательства и духовной смерти. Но Urgrund использует даже это, она использует все, это священный секрет, который трудно понять. Можно сказать, что освободительное проникновение Urgrund в искусственный мир - это конечная и абсолютная победа свободы, спасения, Самого Христа; это красивое разрешение извечного конфликта.

Есть параллель между дорогой к спасению и дорогой к падению человека, как его обычно представляют. Эта параллель описана Милатоном так:

«О первом преслушанье, о плоде  
Запретном, пагубном, что смерть принес  
И все невзгоды наши в этот мир...»\*

Сопrotивление - это ключ к спасению. Но, говорят, это еще и ключ к изначальному грехопадению (если такое когда-либо произошло на самом деле). Но как отличить, является ли данное неподчинение ключом к спасению - не просто неподчинением существующей системе вещей, которая противоположна Urgrund, а актом подчинения Богу? Слабинка в броне искусственного мира, порабощающего нас и вводящего нас в заблуждение, мала, сомнительна и ее трудно отыскать, но нащупать ее можно на пути возвращения к нашему изначально задуманному божественному состоянию. А путь этот начинается с неподчинения той силе, которая является искусственной подделкой, несмотря на всю свою власть над нами. Бунт против искусственного мира артефакта свергает его власть, если неподчинение состоит в отрицании реальности этого мира и (что абсолютно необходимо) в признании Христа, особенно вечного и космического Христа, чье тело, в сущности - подлинный «мир», - лежит в основе всего, что мы видим.

Артефакт, почувствовав сопротивление, будет утверждать, что он есть Бог, законный Бог, и что сопротивление ему - грех против Создателя человека и всего мира. Он и на самом деле Создатель мира, но не

человека. Urgrund и человек, будучи изоморфны, должны стоять вместе в оппозиции к миру. Это главное условие должно быть достигнуто. Союз с мироозначает заключение союза против Urgrund. Бог и человек принадлежат друг другу, они вместе противостоят искусственному миру.

Чтобы принять Бога, нужно отречься от мира. Мир наделен огромной физической силой и он может не только угрожать непокорному, но и привести свои угрозы в исполнение. Но самим Христом нам обещан Заступник, который будет (вернее, уже) отпущен на землю Отцом (Urgrund), чтобы защищать и утешать нас, даже держать за нас ответ во время Суда.

Без этого Защитника мы будем уничтожены, как только отречемся от мира. Единственный путь доказать существование Защитника - это сменить веру и противостать миру. Но для этого требуется большая смелость, так как Защитник не появится прежде, чем будет сделано это отречение.

Теперь давайте вернемся к моему первому определению артефакта, как обучающей машины. Чему она учит нас? Это загадка, игра; шаг за шагом мы должны получать серию постепенно усложняющихся уроков, либо, возможно, один особый урок. Всю нашу жизнь нам приходится разгадывать загадки одну за другой; когда одна загадка разрешена, нам загадывают другую. Так мы развиваемся, но если мы не справляемся с загадкой, мы прекращаем развиваться.

Самый главный урок усвоен тогда, когда мы отрекаемся от обучающей машины (учителя). До этого момента (для некоторых он никогда не наступает), мы остаемся рабами обучающей машины даже не осознавая этого, не имея возможности сравнить наше рабское состояние с каким-либо другим.

Таким образом, серия уроков артефакта предназначена для того, чтобы привести нас к восстанию против тирании самого артефакта. Это парадокс. Артефакт, служа Urgrund, ведет нас к нему. Это то, что на языке теологов называется «тайным партнерством», термин, который можно найти в религиях Египта и Индии. Боги, которые, казалось бы, враждуют друг с другом, на самом деле, пытаются прийти к одной цели. По-моему, то же самое происходит и здесь. Артефакт угнетает нас, но с другой стороны, он пытается научить нас, как бороться против этого угнетения. Он никогда не прикажет нам сопротивляться себе. Вы не можете приказывать кому-то сопротивляться себе, это семантически и логически невозможно.

1) Мы должны осознать существование артефакта.

2) Мы должны осознать, что эмпирический мир вокруг нас - подделка, созданная артефактом.

3) Мы должны понять, что артефакт угнетает нас.

4) Мы должны понять, что артефакт, несмотря на угнетение, существующее в поддельном мире, все-таки учит нас.

5) Мы, в конце концов, должны сообразить, что момент, в который мы восстанем против нашего учителя, будет самым сложным моментом нашей жизни, так как учитель скажет: «Я уничтожу вас, если вы восстанете против меня, и у меня есть все права сделать это, ибо я - ваш Создатель».

По сути, мы не только восстанем против нашего учителя. На самом деле мы отрицаем его реальность (в пользу высшей реальности, которая не проявит себя, пока не произойдет это отречение).

Это сложная игра для азартных игроков: свобода и возвращение источника нашего бытия. И каждый из нас должен сделать выбор самостоятельно.

Впервые я вижу здесь очень интересную вещь. Те люди, которых артефакт, посредством созданного им мира, выделяет и одаривает большими благами и наслаждением, менее предрасположены восстать против него и его мира. У них нет мотива отказать ему в подчинении... Но те, кто наказан артефактом, кого он «одарил» болью и страданием, - те люди будут искать ответы на основной вопрос о природе существа, властвующего над ними.

Я всегда считал, что основополагающий смысл боли - пробудить нас. Но пробудить нас от чего? Может быть, данная работа скажет вам, к чему ведет нас пробуждение. Если артефакт посредством искусственно созданного мира учит нас сопротивляться, и если посредством сопротивления артефакту мы достигнем изоморфизма с нашим истинным создателем - тогда это: трудная дорога, которая приведет нас к бессмертию и к нашему божественному источнику. Дорога наслаждения (успеха и наград, достигнутых в этом искусственном мире) не приведет нас к жизни и пониманию.

Мы угнетены безжалостным механизмом, который не будет слушать наших жалоб; поэтому мы отвергаем его и его мир - и поворачиваемся к нему спиной.

\* («Потерянный Рай». Книга 1, строки 1/3). Перевод Арк. Штейнберга.

Компьютероподобная обучающая машина хорошо выполняет свою работу. Это неблагодарный труд для нее и ужасная пытка для нас. Но рождение всегда напоминою болью.

Божественного рождения в человеческом разуме не произойдет, пока человек не отвернется от мира. Он восстал однажды и пал; теперь он снова должен восстать, чтобы вернуть свое положение.

То, что уничтожило его тогда, теперь спасет его. Другого пути нет.

В начале этой статьи автор указал, что создатель подвиг себя на поиски инструмента для самоосознания. И наша реальность была создана как отражение ее создателя, чтобы создатель мог обрести объективную основу для понимания самого себя.

С тех пор, как я начал писать эту статью, я наткнулся на заметку о Джордано Бруно (1548-1600) в «Энциклопедии философии» том 1. Заметка говорит:

«Но Бруно изменил понятия Эпикура и Лукреция, оживив несчетные миры... и придал бесконечности функцию бытия, образ бесконечной божественности».

Далее заметка говорит:

«ИСКУССТВО ПАМЯТИ. Часть работы Бруно, которую он считал самой важной, была посвящена интенсивному развитию воображения, игравшего важную роль в его оккультном искусстве памяти. Здесь он продолжает традиции эпохи Возрождения, которые своими корнями уходят в алхимию, ибо религиозное знание алхимиков состояло в отражении вселенной в собственном сознании или в памяти человека. Алхимик считал себя способным сделать это, ибо верил, что человеческий разум сам по себе божественен и потому способен отразить божественный разум вселенной. В его работах тренировка магической памяти, отражающей мир, становится методом формирования личности волею или того, кто считает себя лидером религиозного движения». (стр. 407)

Та память, которую развивал Бруно, являет собой обучающую технику, с помощью которой можно восстановить память - длительную память клатки ДНК, которая сохраняется на протяжении нескольких поколений. Возвращение этой памяти называется *анамнезис*, которая буквально означает отсутствие забывчивости. Только посредством анамнезиса память получает способность поистине «отразить божественный разум вселенной». Посему, если человек и придет к своей цели, - послужит неким подобием зеркала для *Urgrund*, - он сделает это только с помощью анамнезиса.

Анамнезис достигнута, когда определенные пассивные периферические центры человеческого мозга становятся активными. Самостоятельно индивид не может достичь этого; активирующий раздражитель находится не в нем, а вне его. Нужно натолкнуть человека на раздражитель, только тогда в его мозгу начнется процесс, который, в конечном итоге, поможет ему выполнить свое предназначение.

И представители истинной тайной Христианской церкви ходят среди людей и предлагают им раздражитель, вызывающий анамнезис, которая позволяет человеку увидеть искусственный мир таким, каким он есть. Таким образом, человек освобожден в самом своем выполнении божественной цели.

Обе сферы: 1) макрокосмос, т. е. вселенная; и 2) микрокосмос, т. е. человек, имеют аналогичную структуру.

1) На поверхности вселенная состоит из искусственной реальности, под которой лежит пласт божественной, истинной реальности. Проникнуть в этот пласт очень сложно.

2) На поверхности, человеческий разум состоит из краткосрочного эго, которое рождается, умирает и слишком мало осознает, но внутри этого сознания скрывается божественная бесконечность абсолютного разума. Проникнуть в этот пласт очень сложно.

Но если человек все-таки проникнет в этот божественный пласт на уровне микрокосмоса, то тот же божественный пласт обязательно откроется ему и в макрокосмосе.

И наоборот, если внутреннего проникновения в божественный пласт не произошло, то истинный внешний мир остается для человека закрытым искусственным миром артефакта.

Сама возможность откровения заключена в человеке, в микрокосме, а не в макрокосме. Свиденная метаморфоза происходит именно здесь. Вселенную нельзя попросить снять маску, если, в свою очередь, человек не снимает свою. Все мистические верования алхимиков и христиан считают индивида целью, с помощью которой можно изменить вселенную. Измените человека - и вселенная изменится.

За пределами человеческого разума находится Бог.

За пределами искусственной вселенной находится Бог.

Бог отделен от Бога искусственным заслоном. Уничтожить

внешний и внутренний искусственные слои — значит, обрести в себе Бога - или, как изначально указано в данной статье, Бог противопоставит Самому Себе, оценивает себя объективно и, наконец, понимает себя.

Наша движущаяся вселенная - механизм, с помощью которого Бог встретит Себя лицом к лицу. На самом деле не человек отчужден от Бога, а Бог отчужден от Самого Себя. Очевидно, он запланировал это с самого начала, и с тех пор пытается вернуться домой. Не ошибемся, если скажем, что он наказал незнанием, забывчивостью и страданиями - отчуждением и вечным странствием - самого Себя. Но это было необходимо, чтобы обрести знание. Он не требует от нас ничего, чего бы он не потребовал в первую очередь от себя. Беме говорит о «Божественной агонии». Мы являемся составляющей этой агонии, но цель, итог послужит ей оправданием. «Женщина, когда рождает, терпит скорбь...» Бог еще должен родиться. Придет время, и мы забудем о страданиях.

Он больше не знает, зачем он сделал это с Собой. Он забыл. Он позволил Себе попасть в рабство к своему собственному артефакту, позволил ввести себя в заблуждение, принуждать себя, даже убить себя. Он, живой, отдан на милость механической силе. Слуга стал хозяином, а хозяин - слугой. И мастер либо сам отрекся от своей памяти, либо ее стер слуга. В любом случае, он - жертва артефакта.

Но артефакт учит его - медленными шагами, на протяжении тысяч лет, - помогает вспомнить, кто он и что он. Слуга, что стал хозяином, помогает своему господину восстановить потерянную память и, тем самым, его настоящую личность.

Может быть, он построил артефакт вовсе не для того, чтобы тот взял его в заблуждение, а чтобы восстановить свою память. Но, возможно, артефакт вышел из-под контроля и не сделал свою работу. Вероятно, артефакт держит его в неведении.

С артефактом нужно бороться; против него нужно восстать. И тогда память вернется. Она - часть сознания Бога (*Urgrund*), которого угрожало попасть в рабство к артефакту (слуге); и теперь он держит Бога - или его часть, - заложником. Насколько жестоким он может быть со своим законным господином? И когда естественная ситуация восстановится?

Когда все частички памяти восстановятся и сложатся в единое целое. Сначала они должны проснуться, а потом вернуться к господину.

*Urgrund* создал Заступника, чтобы помогать нам. Он сейчас с нами. Когда он пришел сюда впервые, почти две тысячи лет назад, артефакт опознал его и отверг. Но на этот раз он не опознает его. Он невидим, его видят только те, кого он спасает. Артефакт не знает, что Заступник снова здесь; спасение происходит тайком. Оно везде и нигде.

«Пришествие Сына Человеческого будет как молния, ударившая на востоке и простирающаяся на далекий запад». (*Матфей 24:27*)

Он среди нас, но не в одном месте. И, как сказала Св. Тереза, «у Христа сейчас нет другого тела, кроме наших», то есть наших. Мы превращаемся в него. Он смотрит нашими глазами. Пелена заблуждения спадает. Достиг ли артефакт своей цели? Может быть. Случайно, сам не заметив этого.

Если алхимическое «отражение божественным разумом/памятью одного человека всей полноты божественного разума, стоящего за пределами вселенной» может действительно произойти, то извечное разделение между земным миром (здесь и сейчас) и вечным миром (небесным или загробным) разрушится. Предположим, что существует полн-разум или групповой разум, который простирается во времени и пространстве (т. е. разум транс-временной и транс-пространственный), в котором принимали участие все мудрые мужи всех времен: христиане, алхимики, гностики, мистики и так далее. Посредством их участия в одном огромном разуме, воля Божья оставила свой след на Земле, влияла на человеческую историю.

Многие согласятся, что такой божественный разум будет доступен нам после смерти, но кто знает, может, для некоторых он доступен и до смерти, и тогда этот человек становится частью этого разума, а этот божественный разум становится его душой, определяющей его действия и выполняющий всю умственную работу за него? Таким путем *Mens Dei* (Разум Божий) участвует в делах людских (и может влиять на них). Это открывает важнейшую тайну, известную волекам во все времена: Два мира, небеса и земля, не разделены. Божья воля (по крайней мере, сейчас) властвует на земле. Очевидно, это утверждение верно уже давно, поскольку алхимия и другие мистические верования уходят корнями в глубокое прошлое, в древность.

В виде Христа Бог снизошел до человека из плоти и крови - и тогда разделение между двумя сферами исчезло. Те люди, что были избраны для участия в групповом разуме, станут бессмертными. Таким образом, я открываю даже более глубокую тайну, чем все, что я открыл

до сих пор. Искусственный мир, созданный бывшим слугой, артефактом, под которым находится божественный слой - остановившееся время — это огромное тело Христова (моя модель его), тянущееся во все времена и во всем пространстве: вездесущее во времени и пространстве. Это похоже на абсолютный разум Ксенофана, с одним дополнением: живые люди могут стать частью этого разума. С определенной точки зрения, этот абсолютный разум и является тайным правителем мира, и ставшие его частью превратились в его «терминалы» или, другими словами, временно стали Христами.

Этот разум может коснуться *Urgrund* и не испытывать сопротивления. Тогда они становятся одним: человек достигает разума Бога в ответ на уподобление Бога человеку.

В групповом разуме наблюдается взаимопроникновение участвующих в нем душ. Этот разум существует на протяжении тысяч лет, все его эпохи существуют *сейчас* — и все места находятся *здесь* (вот почему я обнаружил себя в Риме ок. 70 г. до н. э., в Сирии, видел Афродиту и так далее).

Об этом разуме я скажу: «он - священный правитель мира». Но на поверхности своей этот мир — не его. Внешние слои этого мира - искусственные слои, созданные артефактом. Но под ним *Mens Dei*, включая нескольких людей (как живущих, так и находящихся в послежизни), незримо создает реальность, работая против воли артефакта. Божественный, истинный слой *есть* *Mens Dei*, скрытый под искусственным слоем.

События 3-74 можно считать достижением *Urgrund* своей цели - получением объективного отражения самого себя. Я при этом был использован, как точка отражения. И считаю, что в этом случае он смог поместить всего себя (а не только свою часть, как я говорил раньше) внутрь меня, в единый образ. Артефакт, не зная цели, для которой он был создан, сам того не понимая, помог это совершить. В некотором роде он разбудил меня, внедрив слишком много боли. Говоря другими словами, он смог уничтожить слой моей личности с помощью страданий, против которых мое Эго не смогло устоять. Таким образом, обозначилась микроформа *Urgrund* и восприняла свою макроформу в абсолютной всей вселенной - или, как говорит та статья о Бруно, божественное *за пределами* вселенной.

События 3-74 были важны не столько для меня, сколько для *Urgrund*. Результатом этих событий стало создание копии *Urgrund* здесь, а не где-то еще. Абсолют Божественного разума был помещен в меня посредством удаления искусственных слоев реальности и обнажения истинной реальности под ними. Таким образом, я могу сказать, что я сам представлял собой *Urgrund* или, по крайней мере, был истинным отражением его образа. Вся цель моего существования, существования вселенной и форм жизни внутри нее, была достигнута. При таком положении вещей мою жизнь и жизнь моих предков можно рассматривать, как постоянное эволюционное движение к этому моменту. Эти события представляли собой не *одну из* стадий эволюции, а *конечную* стадию, цель, - разумеется, если только представленные в этой работе посылы верны.

Вопрос степени полноты отражения вообще не стоит; либо есть отражение *Urgrund* во всей его целостности, либо не отражается вообще ничего. Целостность отражения была достигнута, и, как я говорил, *Urgrund* был рожден из вселенной. События произошли в такой последовательности:

*Urgrund* создает артефакт, который, в свою очередь, создает вселенную, а в ней возникают живые организмы, которые развивающиеся до стадии, когда «рождается» или отражается *Urgrund*.

Именно такая последовательность присутствует в индуистских религиях. Сначала рождается создание Брахмы, потом Вишну поддерживает вселенную; потом Шива уничтожает ее, что равносильно возвращению вселенной назад, к ее источнику. Задействован полный цикл рождения, жизни, а потом возвращения к истоку. Когда вселенная достигает той стадии развития, на которой она становится точной копией *Urgrund*, она уже готова быть втянутой обратно. Посему я считаю, что божество, правящее сейчас, это Шива/Цернунн/Дионис/Иисус, который возвращает нас к нашему Отцу или *Urgrund*: нашему истоку бытия.

О том, что Шива, бог-разрушитель, в данный момент активен, сигнализирует тот факт, что цикл жизни вернулся к его источнику, или, точнее, что формы жизни готовы вернуться к их создателю. У Шивы есть третий глаз, который, будучи направлен внутрь, помогает ему достичь полного понимания вещей; будучи направлен наружу, становится глазом разрушителя. Появление Шивы (в индуистской религии) равноценно Дню Гнева в Христианской. Мы должны понять о разрушающем

мир божестве главное - оно также является и пастухом душ. Одна из его четырех рук показывает, что целомудренному человеку божество не причинит вреда. То же самое можно сказать и о Христе - Повелителе и Судье Вселенной. Хотя мир (искусственно созданный артефактом) будет уничтожен, хорошему человеку нечего опасаться.

Тем не менее, приговор уже вынесен. Начинается деление человечества на две части по обе стороны Христа. Это деление определено в египетской религии (царства Осириса и Маат) и иранской (Мудрым Разумом). Одаривая каждого всепроникающим взглядом своего третьего глаза, Шива узнает, кого он должен уничтожить во имя правосудия. Посредством этого же взгляда он понимает, кого должен сохранить; это заложено в его двуликую сущность уничтожителя злых и защитника слабых, беспомощных жертв этого мира. В Христе заложены точно такая же двуликая сущность, он - Божественный Судья и Добрый Пастух. Цернунн - это также бог-боец и бог-лекарь.

Человеческому разуму очень сложно понять, как две противоположные ипостаси могут быть объединены в одном божестве. Тем не менее, при должном старании это легко осознать.

Искусственный мир артефакта вошел в последнюю предопределенную стадию. Теперь, очень скоро артефакт будет уничтожен и мир прекратит свое существование; он все равно никогда не был реальным. (Это отражает роль разрушителя, данная Христу/Шиве/Дионису). Но те элементы мира, которые помогли ему достичь цели, будут избраны; то-есть сохранены, так же, как Дионис избран защитником малых, беззащитных диких животных. Дионис - разрушитель оков, клеток, убийца тиранов и защитник малых и слабых. Эти качества были отданы Шиве/Дионису/Иисусу/Цернунну *потому*, что это было необходимо - нужно совершить двойную работу: разрушения и сохранения.

«Когда же придет Сын Человеческий во славе своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей,

И соберутся перед Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов;

И поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую.

Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира...

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его». (Матфей 25:31/42)

Я вывел эти необходимые двойные качества божества, исходя из описанной ситуации. Эта ситуация предполагает два действия. Первое: уничтожение того, что Христос называет «падший» мир. И второе: защита тех душ, что заслуживают спасения. В подобной ситуации божеству просто необходима такая двойная сущность. В указанной выше главе Евангелия от Матфея понятно говорится, что последнее решение нельзя опспорить. Кто сможет опспорить свою принадлежность к тем, кто справа, или к тем, кто слева?

Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «Ибо алкал Я, и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли меня; был наг и вы одели меня; был болен, и вы посетили меня; в темнице был и вы пришли ко Мне».

Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили: или жаждущим, и напоили?

Когда мы видели Тебя странником и приняли? или нагим и одели?

Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?»

И Царь скажет им в ответ: «истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «...ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня;

Был странником, и не приняли меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня».

Тогда и они скажут Ему в ответ: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?»

Тогда скажет им в ответ: «истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне».

И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную». (Евангелие от Матфея 25:35/47)

Основной аспект Первого Пришествия в том, что до людей донесли волю главного божества. Любопытно, прочитавший эту главу из Евангелия от Матфея, поймет ее правильно. Людям не только сказали, что их будут судить, но и ознакомили с основными критериями, по

которым их рассудят. Любой, кто считает их несправедливыми, уже может считать себя осужденным, поскольку критерии суда, представленные выше, являются самыми благородными и мудрыми. Тем не менее, те, кто считают Христа «нежным Иисусом, смиренным и тихим», попросту игнорируют одну из его функций. Ugrund, микроформой которого и является Иисус, сочетает в себе две абсолютно противоположные ипостаси. Именно поэтому Ugrund вынужден был создать механизм, с помощью которого он мог бы «увидеть» себя, противостоять себе и оценить (понять) себя. Он вообрал в себя все. Без помощи всех этих зеркал Он до крайности бессознателен (человеческое подсознание содержит в себе противоположности; сознание - это состояние, в котором эти крайности можно разделить и выразить одну из них, подавив вторую). Именно мы выступаем в роли зеркал, в роли сознания Ugrund — или, как говорит о Брахме индуистская религия: «Иногда оно спит, а иногда танцует». Мы были созданы для того, чтобы разбудить Ugrund, и как только мы обречем ананезию и правдиво отразим Ugrund во всем его абсолюте, мы вернем ему сознание. Таким образом, мы выполним его основное предназначение. Но и после того, как мы выполним это предназначение, он нас не покинет. С той самой минуты он станет защищать и поддерживать нас и никогда нас не отвергнет. Христос в его заявлении в 25 главе Евангелия от Матфея ясно сказал, что только попытки (без какого-либо результата или завершенного действия, а только простой человеческой любви, сострадания и доброты) самой по себе достаточно. Что не совсем понятно, хотя здесь нет никакого особого иносказания - алчущий, жаждущий, больной, странник, нагой и заключенный — все есть формы высшего божества, или, по крайней мере, требуют к себе соответствующего обращения. Одеть, накормить, приютить, вылечить и утешить - эти действия представляют собой отражение самого Ugrund. Все эти действия и есть Ugrund во множественном числе, служащий самому себе во многожды раздвоенной форме. Нет поступка, который был бы настолько незаметен, что не имел бы значения. Мы знаем критерии суда и мы также знаем, какие последствия нас ожидают (такие выражения, как «вечный огонь», «вечное проклятие» говорят о том, что однажды вынесенный приговор не подлежит пересмотру; ибо речь идет о конечном порядке во вселенной).

Что можно возразить? Справедлив ли такой суд? Просто представьте, что Христос ходит среди нас неузнанным и смотрит, как мы относимся к нему в образе простого человека, и потом отнесется к нам соответственно. Знание об этом должно повлиять на нашу этику. Сердце Иисуса - с самым угнетенным среди нас. Чего еще можно ожидать от божества, которое вынесет нам приговор во время Последнего Суда?

Божество Ugrund изначально проникнет в самые низшие слои нашего мира: в отбросы в сточной канаве, в отвергнутые осколки как живого, так и неживого. Из этого низшего слоя он поднимает нас, но также ждет и от нас помощи. В соответствии с выражением, что он построит свой храм «на камнях, отвергнутых строителем», божество роется с нами - в самом неожиданном месте, самым неожиданным образом. Здесь такой парадокс: если хочешь найти его, ищи там, где меньше всего ожидаешь встретить. Другими словами, ищи там, где никогда и не подумаешь искать. И поскольку подобное условие представляется непреодолимым препятствием - это он найдет нас, а не мы его.

Христос как проводник душ пытается показать нам путь к спасению, к истине. Он не там, где мы предполагаем его найти; он не такой, каким мы его себе представляем. В синагоге Назарета, где он впервые открыто высказался, он прочитал следующие слова пророка Исайи:

«...ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам - открытие темницы,

Проповедовать лето Господне благоприятное...» (Книга пророка Исайи 61:1/2)

Но это было Первое Пришествие, не Второе, и он обронил фразу: «...и день мщенья Бога нашего...»

Новый, измененный Христос во время Второго Пришествия закончит фразу:

Конечно, страшно поверить, что божество, от которого мы ждем защиты (Христос, как пастырь и Защитник), является также и разрушителем вселенной. Но мы должны понять, что вселенная (или космос, или мир) была создана с определенной целью, и как только эта цель будет достигнута, вселенная должна быть разрушена, чтобы дать возможность для нового действия, совершаемому с новой целью.

Если мы помним, что от нашего божества Ugrund нас отделяет мир, мы должны также помнить, что мир этот создан искусственно и является нашим временным, иллюзорным пристанищем.

Поскольку я верю, что Ugrund уже проник в самые низшие слои нашего искусственного иллюзорного мира, я технически являюсь космическим пантеистом. Насколько я знаю, нет ничего реального, кроме Ugrund, в его макроформе (Брахме) и микроформе (Атмане, заключенном в нас). Якоб Беме пережил свое первое озарение, когда созерцал луч света, отраженный от оловянного блюда. Мое озарение пришло, когда я увидел золотую подвеску в виде рыбки, освещенную солнцем. Когда я спросил, что олицетворяет эта подвеска, мне сказали: «Это знак, которым пользовались на заре Христианства». Мое самое последнее озарение пришло, когда я созерцал сэндвич с ветчиной. Я неожиданно понял, что оба ломтика хлеба симметричны (изоморфны), но отделены друг от друга тонким ломтиком ветчины. И в тот момент я понял, что один ломтик хлеба - это Ugrund, а второй - мы сами, и что мы, в сущности, одно и то же, но нас разделяет мир. Как только этот мир исчезнет, эти два ломтика хлеба, являющиеся Ugrund и человечеством, станут единым существом. Они не просто будут лежать вместе, они станут единой сущностью.

В этом мире есть прекрасные вещи, нам будет жаль расставаться с ними, но они являются несовершенным отражением божественного, и этого не исправить. Мы чужаки в этом мире:

«...они не от мира, как и я не от мира». (Иоанн 17:14/15)

«Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел.

Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир». (Иоанн 15:18/19)

Евреям Иисус сказал:

«... вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира;» (Иоанн 8:23)

Те, что являются копиями Христа, являются копиями Ugrund, и Ugrund вне нашего мира, хотя со времен Первого Пришествия он невидимо проник в наш мир. Если бы он был создателем этого мира (как говорил Христос), он бы не противостоял этому миру, ему бы не пришлось скрыто проникать в него: эти высказывания Христа подтверждают, что божество не является прямым создателем мира, и потому мир против него. Господствующие же мировые Церкви утверждают обратное, поскольку они - артефакты и порождения нашего мира; это было предсказуемо. Нельзя ожидать, что организация, возникшая из существующего положения вещей, станет отрицать это положение вещей - катары поняли это, когда были уничтожены.

Как только ты отрекаешься от мира, он начинает считать тебя врагом и борется с тобой, как с врагом. Так будет. Так говорит Христос.

Враг жизни, правосудия, правды и свободы - все иррациональное и призрачное. Наш мир - это иллюзорная проекция артефакта, который даже не знает, что он и зачем он существует. Когда он исчезнет, он исчезнет мгновенно, без предупреждения.

«Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его.

Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть». (1-е Иоанна 3:1/2)

Создатель (артефакта-создателя мира) находится здесь, в живущих частях мира, но его память уничтожена, и он не знает, кто он. Он может оказаться любым из нас, обнаружиться где угодно. Артефакт, не зная что он такое, не зная своей цели, в конце концов отпустит на долю нашему забывшему свою сущность создателю слишком много страданий; и этот последний штрих, эти бесчисленные страдания, опущенные потерявшему память существу, приведет к моментальному возникновению ананезии; создатель «придет в себя», вспомнит, кто он и что он - и тогда он не просто восстанет против артефакта и его наполненного болью мира; он прикажет высшему существу Шиве уничтожить артефакт, и вместе с ним созданный им мир.

Артефакт не понимает всего риска уготовления самому большому страданий одному живому существу. Он считает их всех брошенными на его попечение. Это ошибка, огромная ошибка. Где-то среди массы, огромной массы живых существ существует Ugrund, незамеченный, неизвестный даже самому себе, несущий всю мощь и мудрость. Артефакт ступает по опасной стезе; он все ближе и ближе подходит к пробуждению своего создателя.

Первые признаки осознания этого можно найти в «Вакханках» Еврипида. Странник входит в королевство «короля слез», который без всякой причины бросает его в темницу. Но этот странник оказывается первосвященником Диониса, что приравнивает его самого к богу. Он



разрушает темницу (символ поработившего нас мира), и потом не просто уничтожает тирана, а превращает его в посмешище для тех, кого угнетал король. Если темница представляет собой наш мир, то «король слез» представляет собой ни что иное, как создателя этого мира: механический, безжалостный бессердечный артефакт, который и является королем этого мира. «Король слез» не подозревает ни об истинной сущности брошенного в темницу незнакомца, ни о том, к кому способен этот незнакомец воззвать.

Эхо этой истории можно увидеть в Евангелиях - так Пилат выступает в роли «короля слез», а Христос - в роли странника (также надо отметить, что Христос действительно пришел из другой провинции). Христос, тем не менее, в отличие от странника «Вакханок», не раскрывает источник своей силы, к которому он может воззвать (сила божественного Отца); но в следующий раз, когда Христос появится, он призвет себе на помощь эту силу, которая полностью уничтожит существующую систему вещей и всех, кто подчиняется ей. Главное отличие «Вакханок» от Первого Пришествия в том, что Иисус пришел, дабы предупредить весь мир и тех, кто живет в нем, прежде чем он вернется в роли разрушителя. Он дает нам шанс покаяться, внять предупреждению.

В пятидесятых годах в Голливуде был снят фильм, в котором описывалась следующая история: один средневековый правитель стал слишком стар и слаб и не смог больше править. Тогда он передал власть регенту. Регент был жесток и угнетал жителей королевства без ведома истинного правителя. В фильме путешественник из будущего советует королю переодеться крестьянином и узнать, как живут его люди. Король под видом крестьянина испытывает на себе несправедливое угнетение со стороны солдат регента. Его и путешественника во времени беспричинно бросают в темницу. После многочисленных страданий королю удается бежать из темницы и вернуться в собственный дворец, после чего он открывает жестокому угнетателю, кто он на самом деле. Тиран уничтожен и угнетение народа прекращено.

По космологической модели, представленной в этой работе, Urgrund, главный разум, тайно существует в этом жестоком искусственном мире. Не зная этого, артефакт, создавший свой псевдомир, будет постоянно продуцировать ужасные страдания. Порождаемые этой бессердечной машиной муки являются обычными для ее функционирования технологическими процессами, которые применялись всегда. Я считаю, что Urgrund понял: он не является Одним во множестве. Некоторые его части или «образы», несомненно, осознают, что они - часть божества; некоторые, возможно, не осознают этого. Но поскольку уровень бесконечной боли остается постоянным (и даже увеличивается), эти отдельные «образы» Urgrund соединятся и произойдет осознанное возрождение - равное смертному приговору для артефакта или «регента».

Это еще раз подтверждает слова Святого Павла о том, что вселенная «испытывает родовые муки». Боль - это предвестник рождения; рождение в данном случае - это не рождение человека, а рождение Бога. Поскольку то существо, что испытывает боль - человек, то можно предположить, что рождение Бога (Urgrund) произойдет внутри самого человека. Человечество, таким образом, является *Mater Dei*. Матерью Божьей - экстраординарная концепция, в соответствии с которой всю биологическую эволюцию живых существ на этой планете можно рассматривать, как чрево, из которого, в конце концов, должен будет родиться сам Бог. Интересно, что в поддержку этого можно сказать следующее: Святой дух в Новом Завете появляется как осеменяющее божество. Именно Святой Дух породил Христа - к нему Христос и вернулся после своего вознесения. Вся человеческая раса представляет собой Инь - женское начало, тогда как Святой Дух представляет собой Янь - мужское начало. Но человек не превратится в Бога, он превратится в носителя или утробу для Бога; это не одно и то же. Анамнезия - это рождение, порождение двух начал: человека и Святого Духа. Это рождение не может произойти без вхождения Святого Духа в человека. Святой Дух - это *Ponds Dei*, связь между двумя мирами.

Во всех живых существ заложен «инстинкт дома». Примером может служить возвращение лососей из океана против течения на то самое место, где они появились на свет из икры. Точно так же и человек обладает, не осознавая этого, «инстинктом дома». Этот мир - не его дом. Его истинный дом находится в небесной сфере, которую в древности называли плеромой. Это название появляется в Новом Завете и его значение очень размыто. На самом деле этот термин дословно переводится, как «лоскут, закрывающий вход». В Новом Завете он относится к Христу, который описан как «полнота Божья», и к верующим, которые попытались достигнуть этой полноты через веру

в Христа. У гностиков, тем не менее, этот термин имеет более точное значение: надлунное пространство в небесной сфере, откуда приходит тайное знание и приносит спасение человеку.

В представленной здесь космологии плерома является Urgrund или тем местом, где она находится и откуда мы все вышли, и в которое (если все пойдет нормально) мы вернемся. Если все существо - дышащий организм (который выдыхает и вдыхает), тогда, говоря метафорами, можно сказать, что нас «выдохнули» из плеромы, потом ненадолго задержали дыхание (задержка равна нашей жизни на земле) и затем вдохнут обратно. Это нормальная пульсация живого существа: основа его существования и признаки наличия жизни.

Однажды под действием ЛСД я написал по-латыни: «Я - дыхание моего Создателя, и пока он выдыхает и вдыхает, я живу». Пребывая здесь, в этом искусственном мире, мы находимся в «выдохнутой» стадии, оказываемся выдохнутыми из нашей плеромы на некоторый конечный отрезок времени. Тем не менее, возвращение не является автоматическим; нам необходимо испытать анамнезию, чтобы вернуться. Артефакт проявляет по отношению к нам столько жестокости, что с каждым днем вероятности возникновения анамнезии все возрастает. В бесконечном отчаянии заложена основа освобождения - мне однажды открылось, что освобождение приравнено к блаженству.

Что можно сказать в защиту тех страданий, что выпадают на долю живых существ в этом мире? Ничего. Ничего, за исключением того, что это страдание является спусковым крючком к восстанию и неповиновению - которое, в свою очередь, повлечет за собой уничтожение этого мира и возвращение к Богу. Страдание приносит одну награду - оно, по большому счету, ведет к бунту, подталкивает к пониманию того, что в мире что-то очень и очень не так. Это страдание беспочвенно, слепо и безмерно, оно приводит к самоуничтожению - уничтожению его самого и его создателя. Чем полнее мы видим бесполезность страдания, тем сильнее наше желание взбунтоваться против него. Любая попытка познать освободительное значение страдания или постичь его смысл даже прочнее связывает нас с порочной и ирреальной системой вещей - и с жестоким тираном, который даже не живет. «Я не могу принять этого, - вот каким должно быть наше отношение. - В этом нет смысла, нет порядка». «Только неуклонно изучая положение вещей, мы становимся способны его отвергнуть» - спасение наше в неприятии всего этого заблуждения. Любый, кто заключает пакт с болью, поддается артефакту, становится его рабом. Артефакт получает еще одну жертву и ее согласие подчиниться. Это полная победа артефакта: жертва сама соглашается страдать и готова подтвердить, что страдание - это естественный процесс. Попытка найти смысл в страдании - это попытка найти смысл в фальшивой монете. «Смысл» налицо: это фокус, проделанный, чтобы ввести в заблуждение. Если нас удастся убедить в том, что смысл страдания должен заключаться в служении добру, тогда можно считать, что артефакту удалось обмануть нас и достигнуть своей цели.

В одном из евангелий (я забыл, в котором) Иисус показали инвалида и спросил: «Этот человек - инвалид потому, что он согрешил, или потому, что согрешил его отец?» На что Христос отвечает «Ни то, ни другое». Единственный смысл в его инвалидности - это путь к собственному излечению, что показывает доброту и силу Бога.

Доброта и сила Бога противопоставлена страданию; на это особо обращает внимание Новый Завет. Чудесное исцеляющее воздействие Христа - главное доказательство того, что Королевство Правосудия уже проникло в наш мир; все остальные чудеса практически ничего не значат. Если доброта и сила Urgrund противопоставлена страданию (болезни, потери, ранам), как заявлено в Евангелиях, то человек, если он стоит на стороне Urgrund, должен противопоставить себя миру, от которого и исходит это страдание. Он никогда не должен ассоциировать страдание с эманацией или орудием Бога; если бы человек сделал такую интеллектуальную ошибку, то он стал бы союзником мира и, таким образом, противником Бога. Огромное количество верующих христиан на протяжении веков совершали такую ошибку; одобряя и приветствуя страдания. Сами не понимая того, они пали жертвой артефакта.

Тот факт, что Иисус обладал волшебными исцеляющими силами, но не использовал их, чтобы исцелять всех подряд, в то время ввел в заблуждение многих. Лука отмечает это: (Христос говорит)

«По истине говорю вам: много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что сделался большой голод по всей земле;

И ни к одной из них не был послан Илиа, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую;

Много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисеи,

и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина». (Лука 4:25/27)

Это плохой ответ. Он отвечает на вопрос «что?», а не «почему?». Мы хотим услышать ответ на «почему?» Более того, мы спрашиваем: «Почему нет? Если Бог может уничтожить такое положение вещей (страдание), почему же он этого не делает?» В этом заложена одна злоеющая возможность. Она связана с силой артефакта. Слуга стал господином и, скорее всего, очень сильным. Леденящая мысль: Шива, чьей работой было уничтожение, может ли быть остановлен? Я не знаю. И никто за эти тысячи лет не дал удовлетворительного ответа. Я считаю, что до тех пор, пока не появится удовлетворительный ответ, мы должны отвергать все остальные. Если мы чего-то не знаем, не будем об этом и говорить.

Во время моих видений в 1974 году мне открылись возможности, которых ни один человек больше не имел. Я понял, что мудрость и сила Ugrund активно действует, улучшая наше положение посредством вмешательства в исторический процесс. Исходя из этого, я считаю, что, возможно, были и другие подобные вмешательства, но мы просто о них не знаем. Ugrund не объявляет артефакту свое присутствие здесь. Скорее всего, Ugrund считает - и правильно считает, - что, зная артефакт о его вторичном появлении здесь, он бы предпринял самые жесткие меры, на какие только способен. Мы переживаем скрытое вторжение; я уже говорил об этом. Слишком большое вмешательство с целью улучшить наш мир раскрыло бы присутствие Ugrund, точно так же, как чудеса Христа сделали его мишенью во время Первого Пришествия. Чудеса исцеления - признак Спасителя и его присутствия в нашем мире.

Как только мы предположили присутствие противника Ugrund, такого сильного, что он способен создать и поддерживать целую искусственную вселенную, мы должны понять, почему Ugrund должен скрывать свои действия от него. Его действия в этом мире - это скрытое распространение секрета, обуславливающего бунт против мощной тирании. Ugrund ведет игру на большие ставки. Самой большой ставкой в этой игре становится не что иное, как полное уничтожение мира и его создателя. Так ли это, я на самом деле не знаю. Я могу угадывать агонию Ugrund в скупости его помощи нуждающимся, но он должен победить артефакт. Он направляет свое оружие в самое сердце врага (или туда, где должно было находиться сердце, если бы он имел его), и после победы все формы проявления родового боли будут одновременно изытты.

Может, так, а может, нет. В 1974 году я видел, как он целится в сердце тирании в этой стране, и по завершении успешной атаки меньшее зло оказывалось повержено, одно за другим. Ugrund, видимо, расценивает этот мир как единый Gestalt; он видит полиформу зла, исходящего из своего Quelle, Источника. Наш Бог-Спаситель - воин, и, надев маску спокойствия, он направляет стрелу в Источник - это метод бойца. Все это - только предположение. Возможно, у этого бойца есть только одна стрела, чтобы победить. Она должна попасть в цель, или все его усилия пропадут даром; любое лекарство, любое вмешательство, за исключением полной победы, будут сведены к нулю артефактом. Ugrund ясно представляет своего врага, а мы нет; поэтому он ясно представляет свою цель, а мы нет. Весь небоскреб в огне, а мы просим пожарного полить засыхающий цветок. Должен ли пожарный изменить направление потока воды и полить цветок? Имеет ли этот цветок значение? Ugrund должен выбрать: принести ли в жертву цветок во имя чего-то гораздо большего? Многие из нас испытали эту боль и поэтому должны ее понять. Помните, что Ugrund здесь, с нами, и тоже страдает. Tat twam asi. Мы есть он, и он должен спасти себя сам.

В определенном смысле боль, которую мы чувствуем, пока живем, это боль пробуждения. Но такое утверждение объясняет один аспект страдания: мы вынуждены страдать, не зная, зачем. Мы не знаем, причин нашего страдания, потому что мы являемся множественными повторениями Ugrund, и по большому счету мы все еще практически пребываем в бессознательном состоянии. Это был бы парадокс, если бы бессознательное существо понимало - осознавало бы - себя и причины своего настоящего состояния. Понимание причин нашего страдания равносильно пробуждению. Эти причины могут стать последним, что мы познаем.

Здесь кончается сравнение артефакта с обучающей машиной. Нужного урока обучающая машина - если артефакт действительно является ею, - преподать нам не может, поскольку сама не знает его. Но мы сами, являясь множественным отражением Ugrund, априорно поймем причину нашего положения, когда наше сознание созреет и станет адекватным; мы вспомним. Это знание лежит в нашей собственной долговременной памяти.

Ныне мы не можем решить эту проблему, понять причину нашего страдания (которое испытывают все живые существа) - ее решение станет последним шагом к возвращению знания. Если наша память уничтожена, мы можем только предположить, что, когда память вернется к нам, мы разрешим эту чрезвычайно сложную задачу. А тем временем мучительная боль заставляет нас искать ответ, заставляет продвигаться все дальше и дальше по пути к осознанию. Но это вовсе не значит, что смысл страдания - в обретении сознания; это просто означает, что сознание - результат страдания.

Когда придет время, мы сможем объяснить вездесущность страдания всех живых существ. Мы сможем, я абсолютно уверен, вернуть наши стертые воспоминания и нашу истинную личность. Сами ли мы сделали это с собой? Было ли это страдание навязано нам вопреки нашей воле? Одно из самых интересных предположений, выдвинутых гностиками - что первичное грехопадение (и последующее порабощение создавшим искусственный мир артефактом) случилось не в результате моральной ошибки, а в результате интеллектуальной ошибки принятия эмпирического мира за реальный. Эта теория также подтверждает мою идею о том, что окружающий нас мир является искусственной подделкой. Принятие его за нечто онтологически реальное стало бы интеллектуальной ошибкой. Может быть, это и есть объяснение? Мы заблудились в чудесной иллюзии, домик из печеня обдурил нас, сделал рабами и уничтожил. А возможно, основные постулаты моей космогонии/космологии ложны; Ugrund никогда не создавал артефакт, но по какой-то причине полностью или частично стал жертвой заманчивой ловушки. Таким образом, мы не просто порабощены - мы в ловушке. Артефакт осознанно создал иллюзию, которая загипнотизировала нас, ввела в заблуждение.

Иногда, тем не менее, такая ловушка, как паутина (пример распространенный) случайно ловит и существо, «способное уничтожить самого паука. Может, в этом все дело. Мы можем быть на самом деле совсем не тем, чем себя считаем.

Иногда, но не часто, существование зла ведет к представлениям о двуликой натуре Самого Бога. Я уже обсуждал двуликую природу Шивы и Христа - Шиву особенно часто изображают божеством смерти. Вот два примера.

Якоб Беме. «Считал, что Бог проходит через стадии самостановления, и мир всего лишь является отражением этого процесса. Беме превосхитил Гегеля в заявлении, что божественное самостановление происходит в постоянной диалектике, или борьбе противоположностей, и что зло как раз является отрицательно стороной этой диалектики. Хотя даже Беме, в основном, считал абсолют и относительность равными, его предположение, что мир является всего лишь отражением божественного - кстати, отрицающего самостановление живых существ - тяготеет к космическому пантеизму». (Энциклопедия «Британника»)

Во время своего потрясающего открытия и анамнезии в марте 1974 года я действительно эмпирически наблюдал Бога в сочетании с реальностью и с диалектически сменяющими друг друга стадиями эволюции, но я не видел то, что я называю «слепым противником», другими словами, темную сторону Бога. Тем не менее, хотя я наблюдал эту диалектику добра и зла, я не мог найти ничего, что могло бы служить источником зла. Но я видел добро, использующее зло против его воли, поскольку его злоеющий противник был слеп и становился орудием в руках добра.

Ганс Дриш (1967-1941) «Моя душа и мое самоосознание едины в сфере Абсолюта». И на уровне Абсолюта они являются лишь тем, что можно называть «психологическим взаимодействием». Но Абсолют превосходит все возможности нашего знания и «было бы ошибкой принять сумму его мельчайших частей за единое целое, такую же ошибку допустил Гегель». Все размышления о нормальной ментальной жизни ведут нас только к порогу бессознательного, и именно в мечтах и некоторых отклонениях от нашего нормального менталитета мы можем созерцать «глубины собственной души». Мое чувство долга указывает общее направление сверх-персонального развития. Но его главная цель остается неизвестной. С этой точки зрения, история имеет для Дриша особое значение. Во всех своих работах Дриш ориентировался только на эмпирические методы познания. Посему мой аргумент о природе абсолютно реального останется только в теории. Он начинается с подтверждения «данного», как следствия предполагаемых «причин». Его направляющий принцип в сфере метафизики сводится к следующему: Реальность, по моему утверждению, должна составлять во всей своей полноте весь наш опыт. Если мы можем понять и утвердить такую Реальность, то все законы природы и все правдивые принципы и формулы науки сольются с нею и весь наш опыт будет объяснен с ее помощью. А поскольку весь наш опыт - это смесь

полноты (органического и ментального мира) и неполноты (материального мира). Реальность сама должна быть, по моему утверждению, дуалистической опорой всего моего опыта. Своеобразной опорой моста... Хотя, какой, к черту, мост! Нет ничего - даже в реальном по большому счету мире, - что могло бы стать мостом между полнотой и неполнотой. И для Дриша это значит, что по большому счету есть Бог и «не-Бог», или дуализм, заключенный в самом Боге. Говоря другими словами, либо имеет место теизм иудаисто-христианской традиции, либо пантеизм Бога постоянно «создает себя», и в стадии, превосходящей свои более ранние, вполне уживается с фактами научного опыта. Сам Дриш считал, что выбор в ситуации подобной альтернативы невозможен. Но он был уверен, что придерживаться только материалистическо-механистического подхода тоже нельзя. (Энциклопедия философии, том 2)

Наконец, кажется, что Беме и Т... - я уже заканчиваю; я уже не могу печатать, не говоря уже о том, чтобы думать, - что Беме и Дриш - философы (или теологи, как Уайтхед), которые говорят об одном и том же. Оба они считают реальность процессом. Оба особо отмечают диалектический дуализм Бога; Дриш считает, что диалектика двигает историю. То, что я видел во время моих откровений в марте 1974, действительно, поистине диалектично, и я хочу согласиться с предположением Дриша о том, что слепое зло, которое борется против элементов добра в Боге, вполне может оказаться «ранней версией самого Бога». Больше всего мне нравится в Дрише то, что в один

прекрасный момент он, наконец, сказал: «Я не знаю». Я тоже сейчас пришел к этому, я пришел к этому очень давно; я просто не знаю. Бог создал все; зло существует, как составная часть всего; посему Бог есть источник зла - это логично, и в монотеизме не избежать подобного аргумента. Если представить, что есть два (или более) бога, один из которых - бог зла, то возникает проблема: откуда он взялся? Эта проблема существует и в монотеизме; если есть один бог, то откуда он взялся? Ответ: откуда же, откуда произошли оба божества дуализма. Другими словами, я считаю, что этот вопрос одинаково запутан как в монотеизме, так и в дуализме. Мы просто не знаем.

Если мы согласимся, что зло - это просто ранняя развивающаяся версия бога, над которой он работает - это совпадает с моими собственными откровениями. Мне показали, как все происходит, но я не понял, что я видел; зрителем оказался Мортимер Снерд. У меня возникло чувство, что мне показали двух игроков в шахматы, а доской служил наш мир, и побеждающая сторона была добром, а проигрывающая - не была добром; она просто была очень мощной, но ей мешала собственная слепота. Сторона добра олицетворяла собой абсолютную мудрость, и посему могла видеть будущее во всех его деталях, и могла предвосхищать ходы силы зла, то, чего не мог делать ее слепой темный соперник. Это видение обнадеживает. В этом видении добро победило, оно уложило темного антагониста на обе лопатки. Чего еще я мог просить от Великого Видения Абсолютно Полной Реальности? Чего еще мне нужно было знать? Счет был таков: Зло - ноль; Добро - бесконечность. Позвольте мне на этом закончить, я удовлетворен; подведен конечный итог.

## Блуждающая маска

### Новости со съемочных площадок

Среди кинематографистов вдруг очень популярным стал писатель Филип К. Дик. Ходят слухи о съемке сразу пяти фильмов по его произведениям.

«Самозванец» - по одноименному рассказу, в котором робот-шпион занимает место убитого им человека. Интрига заключается в том, что сам робот не знает, что он робот. Пытаясь доказать окружающим, что он действительно человек, робот начинает собственное расследование. Задумывался фильм как короткометражка, но потом он так понравился критикам и продюсерам, что теперь актерам Винсенту Д'Онофрио, Маделин Стоу, Гари Сниз, Дженифер Лопез и др. придется играть свои роли гораздо дольше.

А фирма Джорджа Лукаса «Индастриал лайт энд маджик» делает спецэффекты.

Режиссер Стивен Спилберг снимает фантастический боевик «Доклад меньшинства» с Томом Крузом в главной роли. Фильм основан на одной из лучших повестей писателя. Мир будущего, в котором преступления предотвращаются с помощью трех ясновидящих умственно отсталых

мутантов. Все карточки с именами преступника и указанием места преступления проходят через руки нескольких избранных, один из которых - шериф города Нью-Йорка. С ужасом прочитав свое собственное имя с обвинением в убийстве неизвестного ему доселе человека, шериф начинает свое расследование.

Также компания «Дримворкс» готовится к съемкам еще одного фильма по рассказу Ф. К. Дика - рассказ называется «Джеймс Р. Кроу». По сюжету Землей правят разумные роботы, а люди находятся у них в подчинении. Но некий гений по имени Джеймс Р. Кроу правдами и неправдами доказывает роботам, что умнее их, и становится первым человеком, вошедшим в правительство с одной целью - освободить людей от гнета разумных железзяк.

Австралийская режиссер Кейт Крохан снимает фильм по роману «Помутнение». Роман этот в свое время печатался в сокращении в журнале «Юность». Это, пожалуй, самое большое произведение писателя-наркомана, в котором говорится о вреде наркотиков. Прочитайте «Помутнение»,

и вы почувствуете настолько сильное отвращение к наркотикам, что поймете - автор хорошо знал свою тему.

Идут переговоры о съемках фильма «Вспомнить все-2». Дело в том, что сейчас на телеэкранах Америки с большим успехом идет сериал «Вспомнить все 2000», также основанном на произведениях Филипа Дика. Режиссер Джонатан Фрейкс настроен очень оптимистически: «У нас все готово для съемок, - сказал он в интервью. - Мы ждем только, когда освободится Арнольд».

Сам Шварценеггер совсем не против сниматься и говорит, что будет рад работать с Фрейком.

Британский журнал «Эмпайр» подвел итоги голосования читателей за лучший фильм тысячелетия. Как бы вы думали, какой фильм стал лучшим по мнению зрителей?

Правильно, «Звездные войны»! Из фантастических фильмов в список лучших попали также «Армагеддон», «Назад в будущее», «Близкие контакты третьего рода», «Матрица», «И.Ти - инопланетянин», дилогия «Терминатор», «2001. Космическая одиссея», «Юрский парк».

## Там-сям издат

Лукьяненко С. Ночной дозор. М., АСТ, «Звездный лабиринт», 1998

Хороший вклад в традицию московских дьяволяд. А главное, в отличие от вышеотцензированной «хрумовской» дилогии, главный герой, маг Антон Городецкий, не находит, да и не может найти ответы на проклятые человеческие вопросы, которые ставят его надчеловеческое существование. Потому что работа у него такая: поддерживать баланс между силами Света и силами Тьмы. Ибо если Свет одержит когда-нибудь победу, то только тактическую, а Тьма при этом получит законный шанс безнаказанно сотворить зло в другое время и в другом месте.

Никакого хэппи энда. Никакого нравственного удовлетворения

героя от своих профессиональных успехов. Невозможность притерпеться к осознаваемой, вроде бы, необходимости постоянно жертвовать - чаще всего не собой, а близким своим.

Сюжет крепок и динамичен. Язык хорош. Юмор легкий. Собственная фантазия, чувствуется, радует и автора, а следом, конечно, и читателя. Укор: вынужденная гонка за издательскими сроками приводит к чрезмерной «монологовой» скороговорке в тех случаях, когда текст кричит: «Действия мне, действия!» и, когда мысли персонажа должны читаться в его поступках. Хочется, чтобы поближе к кульминационным моментам темп повествования был чуть-чуть замедлен, а то читатель захлебывается, не поспевая за галопом событий, логикой решений и интуитивных прозрений героя.

И. ЛЕГКОВ

## АДСКОЕ ПЛАМЯ

Комментарий к неизданной Антологии

Памяти В. Бугрова

## ГИБЕЛЬ ШАХМАТ

- Вивиан Итин. Страна Гонгури: Повесть. — Канск, 1922.  
 Ефим Зозуля. Граммофон веков: Рассказ. — М., 1923.  
 Алексей Толстой. Аэлита: Роман. — М.-Пг., 1923.  
 Яков Окунев. Грядущий мир: Роман. — Пг., 1923.  
 Александр Грин. Блистающий мир: Роман. — М., 1923.  
 Сергей Буданцев. Эскадрилья Всемирной Коммуны: Повесть. — М., 1925.  
 Владимир Обручев. Земля Санникова: Роман. — М., 1926.  
 Александр Абрамов. Гибель шахмат: Повесть. — М., 1926.  
 Лев Гумилевский. Страна гипербореев: Рассказ. — М.-Л., 1925.  
 Владимир Орловский (Грушевицкий). Бунт атомов: Роман. — Л., 1928.  
 Владимир Эфф. По ту сторону: Роман. — М., 1928.  
 Абрам Палей. Гольфштрем: Повесть. — М., 1928.  
 Сергей Беляев. Радио-мозг: Роман. — М.-Л., 1928.  
 Андрей Зарин. Приключение: Рассказ. — Л., 1929.  
 Александр Беляев. Властелин мира: Роман. — Л., 1929.  
 Бруно Ясенский. Я жгу Париж: Роман. — М., 1929.  
 Надежда Бромлей. Потомок Гаргантюа: Повесть. — М., 1930.  
 Михаил Булгаков. Собачье сердце: Повесть (любое издание).  
 Евгений Замятин. Мы: Роман (любое издание).  
 Андрей Платонов. Эфирный тракт: Повесть (любое издание).  
 Валерий Язвицкий. Аппарат Джона Инглиса: Рассказ. — М., 1930.  
 Григорий Адамов. Тайна двух океанов: Роман. — М.-Л., 1939.  
 Николай Шпанов. Первый удар: Повесть. — М., 1939.

## I

Это не все. Список можно продолжить.

Не думаю, что всем лучшим в себе я обязан книге. Правда, всему худшему в себе я обязан тоже не ей. В конце концов, пришел я с годами к выводу, в книжке, в самой дерьмовой, как бы она ни выглядела, какую бы чушь ни нес автор, почти всегда можно отыскать нечто самоценное, никак от воли автора не зависящее — игра случая, как говорят моряки, воля Бога. Скажем, читая романы В. Немцова, а мне в свое время пришлось их читать («такова была структура текущего момента»), невозможно было не задуматься над действиями любимых героев В. Немцова — Багрецова и Бабкина: ну почему, в самом деле, почему его любимцы столь ленивы и нелюбопытны? Не по причине же, вычисленной еще А. Пушкиным... Не много мне было лет, когда я изумленно листал тучные, как сказочная колхозная жизнь, романы В. Немцова, но в памяти вот осталось: в любой книжке... нечто самоценное... воля Бога...

Впрочем, сегодня В. Немцова не перечитаешь. Не видно его книг, а когда-то их было — Монбланы. Наверное, книги В. Немцова сохранились в библиотеках, но ведь не пойдешь туда ради них, это все равно что пойти в библиотеку за «Просто Марией». А на развале С. Кинг, М. Муркок, Г. Гаррисон, Г. Борн... Хотя обойди все лотки, книг В. Немцова нигде не видно, а вот в детстве моем они, эти мощные, весьма просторно изданные тома лежали на прилавке каждого КОГИЗа, заполняли витрины каждого газетного киоска, стоя при этом, кстати, совсем недорого. Страниц семьсот-восемьсот шли рублей за двадцать. То есть, примерно двадцать еще дохрущевских рублей и за «Счастливую звезду», и за «Последний полустанок», и за «Семь цветов радуги», и просто за «Избранное», и просто за «Научно-фантастические повести». Названия последних двух мне и сейчас по душе. Без вычурности, без утомляющей изощренности, без претензий, не как у этих там Герберта Уэллса, Станислава Лема или братьев Стругацких.

Сравните.

С одной стороны скромное — «Избранное», с другой вычурное — «Рассказы о пространстве и времени». С одной

стороной негромкое «Научно-фантастические повести», с другой «За миллиард лет до конца света», а то так еще лучше — «О том, как Турль женотрон применил, желая королевича Пантарктика от томления любовного избавить, и как потом к детомету прибегнуть пришлось». Какие тут могут быть комментарии? Сразу видно, кто думает о читателе, а кому на читателя наплевать.

«В это лето ни один межпланетный корабль не покидал Землю. По железным дорогам страны ходили обыкновенные поезда без атомных котлов. Арктика оставалась холодной. Человек еще не научился управлять погодой, добывать хлеб из воздуха и жить до трехсот лет. Марсиане не прилетали. Запись экскурсантов на Луну не объявлялась».

И так далее. Все правильно, все полностью отвечает структуре текущего момента. Готов утверждать: из советских фантастов именно В. Немцов всегда отличался какой-то особенно суровой правдивостью. В годы моего детства, проведенного на небольшой железнодорожной станции с прекрасным названием Тайга, действительно никто не мечтал о хлебе из воздуха и даже не могу припомнить, чтобы кто-нибудь пытался дожить до трехсот лет. Ну, выпивали, это само собой, очереди, жилищная проблема. Какие там экскурсии на Луну! На железнодорожных путях шипели, заволакивая белый свет паром, обыкновенные чумазные паровозы, перед рабочим клубом имени Ленина изгибалась очередь желающих посмотреть какой-нибудь очередной фильм. Почти все они были фантастическими — или нищая страна цвела и плясала («Кубанские казаки»), или на дне глубокого моря, обливаемый странными красными вспышками, трещал метроном, похожий на будильник «Слава» («Тайна вечной ночи»). Опасно смотреть такие фильмы, особенно если постоянно хочешь есть, а в бок тебе упирается острый локоть какой-нибудь столь же голодной сокалассницы...

Прав был Немцов: ни хрена в таком мире и не могло происходить!

Да, конечно, не всем лучшим в себе я обязан книгам, зато В. Немцов упорно учил меня тому, что настоящий герой фантастики всегда должен выполнять задания Партии и Правительства. Причем сперва Партии, а потом Правительства. Того, естественно, которым управлять может любая кухарка. За любимчиками В. Немцова — молодыми инженерами Бабкиным и Багрецовым, несмотря на их молодость, всегда стояла Партия и Правительство. Как всякие истинные извращенцы, Бабкин и Багрецов шли на подвиг уже потому, что в конце подвига их ждала необыкновеннейшая возможность отрапортовать с мавзоля Партии и Правительству о совершенном для Партии и Правительства подвиге.

«Я столько поездил, столько повидал неожиданного, столько встретил интересных людей, преданных нашей великой идее и самозабвенно работающих на нее, что, казалось бы, далекая мечта о коммунизме для меня становится осязаемой, ближайшей явью».

Вообще-то, задним числом прозреваю я, ковчег был тесен и чистые пары, сплотившись, старались вытеснить нечистых. Фантастика для этого тоже годилась. Далеко не последний жанр. Почему и фантасту не отрапортовать Партии и Правительству о каком-нибудь подвиге? Чем он хуже какого-нибудь поэта? К тому же, известно, что писать можно на трех уровнях.

Первый, это когда ты пишешь, но сам видишь, что пишешь полную лажу. Все поверхностное отчасти справедливо, но несправедливо писать только лажу, к тому же поверхностную. Уровень второй: рано или поздно должно до тебя дойти — герой начинает действовать лишь когда его прижали обстоятельства или, на крайний случай, когда у него жмет башмак. С этого понимания начинается выход на третий уровень — на ощущение безмерности такого мелкого и лукавого существа, как человек...

Ну и так далее, как любил говорить Велимир Хлебников, внезапно обрывая чтение своих стихов.

Герои В.Немцова носили башмаки, подобранные точно по размеру...

А кто, собственно, увлекательней — В.Немцов или Э.Берроуз? А что, собственно, важнее — приключения Тарзана или приключения Багрецова и Бабкина? А что, собственно, происходит с фантастическими произведениями по происшествии ста, скажем, лет? Становятся они бессслелерами, как только что извлеченный из сейфа роман Жюль Верна «Париж в XX веке» или отдают пылью и затхлостью, как безвременные умершие описи Каллистрата Жакова или какой-то там Желиховской?..

Лет десять назад фантаст Николай Гадунаев и я брели по безумно жаркому, опаленному солнцем Ташкенту, смутно, как смертники, обсуждая все эти вовсе не второстепенные для нас вопросы. У Желиховской головы умели приклеивать, у нее мертвых просто воскрешали, напоминал я. А у Жюль Верна темной ночью некий Мишель проливал горячие слезы на могилах Ларошфуко и Шопена, напоминал Гадунаев. Как-то так выходило, что мы противники всяких крайностей. Как-то так выходило, что мы широки душой и некая, присущая фантастике наивность нас только радует. Не желая сдаваться нахлынувшим на нас чувствам, я процитировал неистового Сергея Третьякова — «Чистое искусство умерло, ибо нет досугов, которые надо им заполнять, уводя психику в мир творчества», а Гадунаев, тоже не желая сдаваться, процитировал Льва Троцкого — «Искусство пейзажа не могло бы родиться в Сахаре».

Смутные мысли...

Опровергнув мнение Сергея Третьякова (не умерло чистое искусство, полно у людей досугов, которые нечем заполнять!), мы с еще большей легкостью опровергнули мнение Льва Троцкого (искусство пейзажа могло родиться даже в голове человека, с младенчества запертого в темницу и никогда из темницы на волю не выглядывающего: этот разгул плесени, морозные росписи на каменных глухих стенах!). И без всяких уже колебаний мы глянули друг на друга: а почему не напомнить людям, имеющим некоторый досуг, о том, что чистое искусство еще не умерло? Пусть цветут сто цветов!

Кто-то из нас локтем, нечаянно, перевернул тот чайник, в который была заключена вся Вселенная.

Антология!

Вот чего не хватает нашей застойной, правда, уже какими-то странными сквознячками колеблемой жизни, поняли мы, — настоящей большой Антологии советской фантастики, отразившей бы все ее взлеты и падения, начиная с 1917-го и кончая 1957-м годом. Пока 1957-м... Дальше видно будет... Главное, чтобы действительно получилась Антология, главное, чтобы действительно получился ковчег, давший бы место всем чистым и нечистым, каждой твари по паре, вместивший бы в себя все вывихи и достижения советской фантастики, сконцентрировавшей бы в себе как искусство пейзажа, искусно созданного в наглухо закрытой стране, так и то самое вечное чистое искусство, которое невозможно уничтожить даже в пределах одного самого богатого, самого самоотверженного колхоза.

— Листов на пятьдесят... — глянул я на Гадунаева, тщетно искавшего тени под каким-то деревом, напоминавшим сухую посленовогоднюю елку.

— Листов на сто... — поправил меня сдержанный Гадунаев.

— Мало, — решили мы оба. — Сто листов мало...

На самом деле, мы тогда даже близко не представляли себе истинный объем такой Антологии. Зато нам казалось, что Гадунаев знает, где такую Антологию можно издать, а я — где и у кого можно найти те ушедшие в прошлое книги, которые сейчас и днем с огнем не отыщешь...

Что-то из А.Кабакова: Стикс легче всего форсировать на ИЛ-62...

Момент внезапного озарения показался нам столь значительным, что Гадунаев остановился и спросил:

— Сколько у нас времени?

Наверное, он хотел навсегда запомнить выжженный Ташкент, безумное послепопуденное небо Ташкента — великий миг, подаривший нас столь замечательной идеей.

Понимая его чувства, я неторопливо взглянул на свои отечественные электронные, на день рождения подаренные часы, и с некоторой, необходимой моменту торжественностью честно ответил:

— Пятьдесят семь часов девяносто четыре минуты.

Вот сколько в тот момент было у нас времени!

Правда, оставался вопрос — что считать фантастикой?

Например, по ограждению стадиона, мимо которого мы шли, тянулся невероятно длинный кумач с начертанными по нему белыми торжественными буквами: «Великая отечественная война 1941-1944 годов».

Я спросил:

— Правильно я читаю?

Сдержанный Гадунаев кивнул:

— Правильно.

Он мало чему удивлялся. Он родился в Хиве в 1933 году, в больнице, построенной в конце прошлого века по указанию и на средства Ислама Ходжи — визирия предпоследнего хивинского хана Исфандияра. На рассвете азан, призыв к утренней молитве, мешался со звуками «Интернационала», под куполами Сарай Базар Дарбазы кипел котел страстей, подогреваемый звуками узбекской, каракалпакской, корейской, русской, туркменской, татарской, даже гуцульской речи. Первое слово, произнесенное им, было — соат (часы), и о чем бы впоследствии он ни писал, всегда тянулись перед ним необъятная, подернутая синей дымкой коричневая ширь Аму-Дарьи, караваны барж, дощатые причалы давно уже несуществующих пристаней Кипчак и Чалыш, невероятная синева неба, бессмысленные лунные пейзажи Джимуртау, древние как мир, и звучные, как музыка, речные городища Бургут-кала, Пиль-кала, Кыркыз-кала, Койкырылган-кала... В лучших своих вещах («Западня», «Экспресс Надежда», и, конечно же, «Звездный скиталец») он никогда не уходил за песчаные берега любимого им волшебного Аральского моря — голубого, полного жизни...

Может, гибель моря и сделала его фантастом.

Разглядывая кумач с таинственными письменами, я невольно вспомнил знаменитую повесть Н.Шпанова «Первый удар». Там наши пилоты побеждали фашистскую Германию не за три-четыре года, а за считанные часы. А на земле их поддерживали мужественные спартаковцы...

Пятьдесят семь часов девяносто четыре минуты.

Душный Ташкент. Пустой Ташкент. Послепопуденный, полумертвый от жары Ташкент — еще одна Атлантида, затонувшая на наших глазах...

Вот уж поистине: ищи место, где происходят странные вещи.

Мир невозможен без прошлого, он стоит на прошлом. Мир невозможен без книг, написанных в прошлом, какими бы наивными они нам ни казались. Будущее невозможно без этих книг, потому что они существуют... Правда, сами писатели, как правило, относятся друг к другу без трепета.

Позволю себе цитату (Эмиль Золя, «Парижские письма», 1878), тем более, что и впредь собираюсь обращаться к цитатам.

«Жюль Верн — писатель остроумный, с большим успехом популяризирующий науку для невежд, драматизируя ее, в маленьких романах... Жюль Верн не пишет, собственно говоря, романов, он драматизирует науку, он пускается в фантастические бредни, опираясь на новые научные данные... Я не стану разбирать этого рода произведения, долженствующие, по-моему, исказить все познания детей, но я вынужден засвидетельствовать их невероятный успех. Произведения Жюль Верна, несомненно, все более покупаются во Франции... Впрочем, они не имеют никакого значения в современном литературном движении. Азбуки и требники продаются в таком же громадном числе...»

Меня в этой цитате больше всего восхищает ссылка на азбуки и требники. Они ведь не имеют никакого значения в современном литературном движении...

Было время, когда мне казалось, что все фантастические книги мира написаны Жюлем Верном. Было время, когда мне казалось, что все лучшие книги в этом жанре написаны Гербертом Уэллсом и Станиславом Лемом. Немалое число фэнов и сегодня убеждено, что все стоящие внимания сюжеты в фантастике разработаны братьями Стругацкими...

Безумный сон: все фантастические книги мира написаны В.Немцовым или А.Столяровым.

Разумеется, Антология должна была открываться 1917 годом. Не потому, что 24 октября все россияне рассуждали вот так-то, а с 25 октября сразу начали рассуждать иначе, нет. Просто, как

ни раскладывай карты, от фактов никуда не деться — октябрь 1917 года прозрачной страшной стеной отгородил Россию от мира.

Начался невиданный и неслыханный, поистине фантастический эксперимент по созданию Нового человека.

Это ведь вообще главное дело любого режима — создание Нового человека. Человека угодливого или запуганного, работающего или пьющего, агрессивного или смиренного, ленивого или динамичного, духовного или ограниченного, бессловесного или болтливого... — какой человек на данный момент нужнее режиму для решения его насущных задач, такой и создается, и ничего с этим не поделаешь. Скажем, кухарка, умеющая управлять государством.

Понятно, к такому важному делу нельзя не подключить писателей, — инженеры человеческих душ! Вот наша Антология и должна прояснить вопрос — какого именно Нового человека хотели создать неистовые большевики в нашей неистовой, на все способной стране?

Открыть Антологию, конечно, поручалось Максиму Горькому, писателю мною, кстати, любимому. Но не «Песня о Буревестнике» должна была открыть Антологию, и не итальянские сказки, а небольшой малоизвестный рассказ, так и называющийся — «Рассказ об одном романе».

Героиня рассказа — женщина, из тех, что «...всю жизнь чего-то ждут, в девушках требовательно ждут, когда их полюбит мужчина, когда же он говорит им о любви, они слушают его очень серьезно, но не обнаруживая заметного волнения, и глаза их, в такой час, как бы говорят: «Все это вполне естественно, а — дальше?»

Проводив гостей, героиня садится на террасе дачи и вдруг замечает, что кто-то еще не ушел, упрямо сидит на скамье под деревом, достаточно нелепый в летнем белом костюме (осень), и странный: героиня замечает — он не отбрасывает тени (прием, понятно, не новый). Наверное это писатель Фомин, решает героиня. Назойливый тип, все время лезет и лезет к ней... Этот писатель действительно ей неприятен, он постоянно на глазах и «...в то же время его как будто не было, а была толпа разнообразных мужчин, женщин, стариков и детей, крестьян и чиновников, все они говорили его голосом, противоречиво и смешно, глупо и страшно, скучно и до бесстыдства умно».

Короче, писатель.

Но на скамье оказался не писатель, а его герой, некто Павел Волков — более или менее материализовавшийся в меру убедительности описаний. Воспринимая мир, как и следует воспринимать мир литературному персонажу, он и саму героиню, живую, подвижную, думающую, принимает за такой же литературный персонаж. «Я думаю, — говорит он, — что с этого, — вот с этой встречи — и начинается роман. Должно быть, так и предназначено автором: сперва вы относитесь ко мне недоверчиво, даже неприязненно, а затем...»

По-настоящему, затем — не случается. Но героиня понимает тоску персонажа, который, кстати, жалуется весьма занудливо, очень по-горьковски:

«Мимо меня изредка проходят люди, они говорят о чем-то неинтересном, ненужном; какой-то рябой человек в чесучовой паре соблазнил толстенную даму тем, что у него в парниках великолепно вызревают ананасные дыни и, между словами, кусал ей ухо, совершенно как лошадь, а она — взвизгивала тихонько. Страшно глупо все, надоело, бессмысленно! Сидишь и думаешь: как невероятно скучны, глупы и расплывчаты реальные люди, и до какой степени мы, выдуманные, интереснее их! Мы всегда и все гораздо более концентрированы духовно, в нас больше поэзии, лирики, романтизма. И как подумаешь, что мы, в сущности, бытийствуем только для развлечения этих тупых, реальных людей...»

И добавляет: «Вы ведь сами такая же...», на что героиня возмущенно отвечает: «Нет!»

Как невероятно скучны, глупы и расплывчаты реальные люди...

Однажды покойный Дима Биленкин спросил: а кто, в сущности, для нас реальнее — Робинзон Крузо, Гулливер, капитан Немо или все же реальный сосед по лестничной площадке?

Не слабый вопрос.

Герой Фомина-Горького — это нечто нематериальное, нечто вроде флатланда, он и тени-то не отбрасывает, в некоторых

положениях он фактически не виден, и все же реален, реален, действительно во много раз реальнее соседа по площадке, о котором ты только то и знаешь, что он в одно время с тобой выносит к машине мусор. Откуда-то издали, из давних лет доносится до нас его жалующийся голос: «Разве не кажется вам, что жизнь была бы проще, удобнее, менее противоречива, если бы в ней не было всех этих Дон-Кихотов, Фаустов, Гамлетов, а?»

Рассказ очень горьковский.

«...Где-то далеко поют девки и, как всегда, собаки лают на луну, очень благообразную и яркую, почти как солнце, лучи которого кто-то гладко причесал».

И отступления очень горьковские:

«Она села к столу, поправила отстегнувшийся чулок и долго сидела, играя ножницами для ногтей. Потом стала полировать ногти замшей, — лучше всего думается, когда полируешь ногти. Очень жаль, что Иммануил Кант не знал этого».

Действительно...

Размышления героини приводят ее к тому, что на самом деле этот привязчивый тип — писатель Фомин — не так уж и глуп. Он, конечно, некрасив, неуклюж, но все же он самый интересный человек среди ее знакомых. И она пишет письмо — писателю — укоряя его в несовершенстве, в лени, в нежелании дописывать начатое. «Он даже не особенно умен, этот Волков, — пишет она о литературном персонаже, с которым только что столкнулась. — Он не удался Вам, и Вы должны как-то переделать, переписать его. Во всяком случае Вам необходимо сделать так, чтобы это существо не шлялось по земле каким-то полупризраком, — я не знаю чем! — и не компрометировало Вас. Подумайте: сегодня он у меня, завтра у другой женщины, — он ищет женщину, как Диоген искал человека...»

Призраки...

Что-то смутно угадывалось в тумане, но лишь угадывалось.

«Лицо, измятое, как бумажный рубль» (Александр Грин)... «Улыбка, неопределенная, как теория относительности» (Александр Абрамов)...

Все равно это много лучше, чем у Н.Чернышевского — «Долго они щупали бока одному из себя», хотя уступает в простоте М.Салтыкову-Щедрину — «Летел рой мужиков...». Я уж не говорю о блистательной живописи Алексея Толстого: «В Тамани остановились на берегу моря у казаки и здесь в первый раз купались в соленой воде среди живых медуз в виде зонтика с пыльным хвостом, плавающих посредством вздохов...»

В какой-то чайхане мы задержались.

Хорошо бы Антологию снабдить портретами...

Мы пили чай, обливаясь горячим счастливым потом.

Многие знают в лицо Михаила Афанасьевича или Ивана Антоновича, а многие ли могут представить себе Н.Н.Павловича или хотя бы Евгения Замятина?..

Два цыгана зазывно напевали что-то под неумолчный ропот Алайского рынка.

«Что им история? Эпохи? Сполохи? Переполохи?.. Я видел тех самых бродяг с магическими глазами, каких увидит этот же город в 2021 году, когда наш потомок, одетый в каучук и искусственный шелк, выйдет из кабины воздушного электромотора на площадку алюминиевой воздушной улицы...» (Александр Грин).

Портреты!

Мы уже не представляли Антологию без портретов.

Расстрелянный Сергей Буданцев, счастливчик Лев Никулин, столетний А.Палей, интеллигентный Александр Беляев, седобородый академик В.А.Обручев, загадочная Надежда Бромлей... А может и В.Эфф, некий Владимир Эфф, якобы радист с какого-то там несуществующего корабля...

На это имя — В.Эфф — меня вывел библиограф и собиратель фантастики Георгий Кузнецов. Говорят, его квартира напоминает сундук с книгами. Понятно, с книгами фантастическими. Говорят, у него можно отыскать любую книгу любого года издания, и, наверное, это так, потому что издания Надежды Бромлей, Валерия Язвицкого, редкостные журналы с рассказами и повестями Владимира Орловского, Бориса Анибала, Андрея Зарина я получал именно от Георгия. Для него это не было проблемой. И тяжелую годовую подшивку журнала «Радио всем» принес он. Вот писатель, сказал Георгий, от которого остался только роман, ничего



кроме романа. Ни биографии, ни портрета, ни даже даты рождения.

Журнал «Радио всем» выходил дважды в месяц, печатался в два цвета, помещал недурные иллюстрации и, кроме основной своей цели — подробно знакомить подписчиков с успехами радио у нас и за рубежом, время от времени печатал фантастику.

«Элементы типа Лалаанда», «Двухламповый усилитель с полным питанием от сети переменного тока», «Стабилизированный приемник с двумя каскадами усиления высокой частоты»... Профессиональные статьи перемежались «Хроникой радиорынка» и заметками типа — «Рабочие Америки слушают радиопередачи из СССР»... Бросались в глаза четкие, бьющие в цель заголовки: «В Смоленске убивают радиообщественность», или — «Как не следует преподносить радиообщественности ублюдочные идеи»... Что же касается программы радиопередач, печатавшейся в журнале на каждый день, без всякого преувеличения, она, как в зеркале, отражала жизнь страны. Вот, скажем, что могли услышать советские радиослушатели в среду 18 апреля 1928 года:

«Через станцию им. Коминтерна. 12.10 — Центральный рабочий полдень. 4.00 — Радиопионер. 5.20 — Доклад: «Кружок военных знаний по радио». 5.45 — беседа: «Первомайские дни в кооперации». 6.17 — Рабочая радиогазета. 7.10 — Доклад т. Бухарина: «Алкоголизм и культурная революция».

В тот же день транслировалась по радио опера «Богема», краткая медицинская лекция (по санитарии), урок немецкого языка и, разумеется, как всегда, по станции им. Коминтерна на волне 1450 м и по станции им. Попова на волне 675 м в 11.55 — бой часов с кремлевской башни.

Вот в этом журнале и был напечатан в 1928 году фантастический, а точнее, радиофантастический (именно так определил свое творение автор) роман В.Эффа «По ту сторону».

С таинственного взрыва на Божедомке начинались невероятные, возможно, все еще длivшиеся в эфире приключения героев В.Эффа. «В эпоху мирного строительства социализма такое приключение, как наше, даже занятию», — замечал один из героев, совершенно не подозревая того, как далеко, как поистине далеко может завести человека невинное увлечение радиолубительством...

Старая Москва — одни трамвайные стрелки на площади Дзержинского чего стоят! — приметы времени, схваченные человеком именно двадцатых годов — «Тов. Бухарин определенно заявляет, что при развитии фабрично-заводского производства в капиталистическом государстве людоедство возможно лишь как эксплуатация труда...» — своеобразные характеры героев — «Громов когда-то знал английский язык. Конечно, он не мог бегло говорить по-английски, потому что, как он сам говорил, язык не поворачивался в глотке для идиотского произношения. Кроме того, английский язык был тем самым языком, на котором Чемберлен писал свой ультиматум, и это обстоятельство в значительной степени расхолаживало филологические порывы Ивана Александровича Громова, считавшего себя честным комсомольцем...», — сама научно-фантастическая часть романа (хотя автор малость поднапугал с эффектами тяготения в летящей ракете и достаточно волюно истолковывал некоторые положения теории относительности) — нет сомнений, роман В.Эффа был просто необходим в Антологии. Рядом с героями М.Горького — все еще из того, старого мира! — ведь они не случайно даже не отбрасывали тени, — появлялись, наконец, комсомольцы — модель Нового человека, пусть и в первом приближении.

Понятно, мы постарались выяснить, кто такой В.Эфф.

В краткой заметке, предваряющей роман и, несомненно, выдуманной от начала до конца, говорилось, что В.Эфф — это будто бы радист с судна «Красное знамя», безвременно умерший от чахотки.

Может быть, может быть...

Ни Георгий Кузнецов, ни Игорь Халымбаджа, ни даже такой знаток советской фантастики, как Виталий Бугров, так и не докопались до настоящей биографии В.Эффа...

## II

Прислушиваясь к ропоту Алайского рынка, задыхаясь от горячего зеленого чая, мы называли вслух имена, причастные к истории советской фантастики. М.Горький, А.Белый, В.Брюсов, В.Ян, А.Леонов, А.Толстой, Г.Штерн, А.Платонов, М.Булгаков, А.Чаянов, С.Буданцев, В.Маяковский, В.Шкловский, Е.Замiatин, Всеволод Иванов, Н.Асеев, С.Бобров, А.Луначарский, М.Шагинян, В.Итин,

И.Эренбург, Е.Зозуля, В.Каверин, Б.Лавренев, В.Катаев, Л.Никилини... Легче, пожалуй, перечислить тех, кто не отдал дани фантастике. А еще ведь неплохо поработали в ней такие крупные ученые, как академик В.А.Обручев, этнограф В.Г.Богораз-Тан, геолог П.А.Драверт, энтомолог Н.Н.Павильчиков, героические летчики Г.Байдуков и М.Водопьянов... Что уж говорить о Константине Эдуардовиче Циолковском, если даже Александра Михайловна Коллонтай, не последний партийный деятель нашего государства, опубликовала в 1920 году в журнале «Юный пролетарий Урала» фантастический рассказ под названием «Скоро». Ветераны Октябрьской и Мировой революций, встретившись через полвека, с удовольствием, но и с грустью, вспоминали дни революционных боев, принесших, наконец, счастье человечеству...

Фантастика — это мир, в котором мы никогда жить не будем, но в котором всегда жили и продолжаем жить.

В маленькой чайхане под безумным азиатским небом мы вспомнили профессионалов — Александра и Сергея Беляевых, Григория Адамова, Александра Грина, Лазаря Лагина, Якова Окунева, Михаила Гирели, Виктора Гончарова, Александра Абрамова, Владимира Орловского, Валерия Язвицкого... Мы с уважением вспомнили каждого... Чтобы их всех представить, нам понадобится триста листов, помрачнел Гацунаев... Разве мы обязаны представлять всех? — возразил я. — Разве мы не договорились, что в Антологию войдут только те, кто действительно оставил след в фантастике? Одно дело, скажем, Александр Беляев или Алексей Толстой, другое — Александра Михайловна Коллонтай...

— Остановись, — сказал Гацунаев. — Ты все запутаешь.

Он был прав.

Не знаю ни одного критика, который бы вовремя разобрался в том или ином явлении.

Что, например, сообщала Литературная Энциклопедия, выходявшая в 30-е годы в СССР, о писателях, чьи произведения уже тогда, без всякого сомнения, украсили бы любую Антологию?

О Михаиле Булгакове: «...Не сумел ни оценить гибели старого, ни понять строительства нового. Его частные идейные переоценки не стали поэтом источником большого художественного творчества».

О Сергее Буданцеве: «...Вопрос о подчинении подсознательного организующей воле далеко не всегда решается писателем в классовом пролетарском духе».

Об Евгении Замiatине: «...Творчество Замiatина приобретает с развитием нашего социалистического строительства все более и более контрреволюционную направленность».

Об Александре Грине (всегда одно и то же): «...Талантливый эпигон».

Об Андрее Платонове: «...Обнаружил ряд идеологических срывов в своих произведениях».

О Сергее Григорьеве: «...Не справляется с современными социальными заданиями».

Об Якове Окуневе: «...Создал ряд идейно расплывчатых произведений на случайные темы».

Цитировать можно еще, и еще, но зачем? Ведь само понятие фантастика в той же Литературной Энциклопедии толковалось достаточно недвусмысленно: «...Изображение неправдоподобных явлений, введение вымышленных образов, не совпадающих с действительностью, ясно ощущаемое нарушение художником естественных форм, причинных связей, закономерностей природы».

Неправдоподобных... Вымышленных... Не совпадающих...

И хотя в заключение статьи, написанной Б.Михайловским, говорилось, что все же «...в рамках литературы социалистического реализма можно мыслить материалистическую фантастику, фантастику как художественную форму с реалистическим содержанием», на деле вся советская критика, как правило, встречала появление любых фантастических вещей враждебно. Ведь речь, черт возьми, шла о создании Нового человека.

Ольга Форш в знаменитом романе «Сумасшедший корабль» так рассказывала о поэте, задумавшемся о будущем. «В грядущих колхозах он предполагал внедрить поэтхозы, где творческий дар — величина вот-вот математически на учете — приспособлена будет для движения тракторов, причем творцам предоставлена будет наивысшая радость петь, как «певец» Шиллера, только о чем запоемся и только потому, что им невозможно не петь. Выгода отсюда будет двойная: для индустрии сила отойдет

максимально, а так как благодаря счетчику-облицителю эту творческую силу подделать уже нельзя, то само собой будут выбиты из позиций и «псевдописатель» и «кум-критик». Один настоящий творец, он же двигатель трактора, взят будет на полное хозяйствование. Те же писатели, от работы которых не последует передачи сил и трактора от их словес не пойдут, как профессионально себя не нашедшие, кооптированы будут в отдел ассенизации города».

- Что такое непорзач?
- Непорочное зачатие.
- Звучит тревожно.
- А вы чего хотели? Это вам не костяшками домино греметь.

Деятели партии внимательно приглядывались к творцам. Обиды на творцов были разнообразны. На XVI съезде А.Микоян страшно обижался: «Ведь это позорный факт, что под покровом Коммунистической академии могла выйти книжка о колхозном движении, в которой говорится о колхозах при аракчеевщине, Иване Грозном и т.д.» Речь шла о популяризаторской книжке некоего Бровкина, певца, по-видимому, весьма увлеченного.

А вот обида А.Кагановича:

«В «Правде» была помещена рецензия о семи книгах философа-мракобеса Лосева. Но последняя книга этого реакционера и черносотенца под названием «Диалектика мифа», разрешенная к печатанию Главлитом, является самой откровенной пропагандой наглейшего нашего классового врага... Приведу лишь несколько небольших цитат из этого контрреволюционного и мракобесовского произведения: «Католичество, которое хотело спасти живой и реальный мир, имело полное логическое право сжечь Джордано Бруно...», «Сжигать людей на кострах красивее, чем расстреливать, так же как готика красивее и конкретнее новейших казарм, колокольный звон — автомобильных воплей и платонизм — материализма...», «Коммунистам нельзя любить искусство. Раз искусство, значит — гений. Раз гений, значит — неравенство. Раз неравенство, значит — эксплуатация...», «Иной раз вы с пафосом долбите: «Социализм возможен в одной стране», не чувствуете ли вы в это время, что кто-то или что-то на очень высокой ноте пищит у вас на душе: не-ет!»... И это выпускается в Советской стране. О чем это говорит? Это говорит о том, что у нас все еще недостаточно бдительности... Это выпущено самим автором, но ведь вопрос заключается в том, что у нас, в Советской стране, в стране пролетарской диктатуры, на частном авторе должна быть узда пролетарской диктатуры...»

Какое огромное значение вожди придавали созданию Нового человека видно по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР от 26 января 1936 года:

«Для просмотра и улучшения, а в необходимых случаях и для переделки написанных уже учебников по истории, организовать комиссию в составе тт. Жданова (председатель), Радека, Сванидзе, Горина, Лукина, Яковлева, Быстринского, Затонского, Файзуллы Ходжаева, Баумана, Бубнова и Бухарина. Комиссии предоставить право организовывать группы для просмотра отдельных учебников, а также объявлять конкурс на учебники взамен тех, которые будут признаны подлежащими коренной переделке. В первую очередь должны быть просмотрены учебники по элементарному курсу истории СССР и по новой истории».

Подписали — В.Молотов, И.Сталин.

Впрочем, не все копали так глубоко.

На известном, прямо-таки фантастическом XVI съезде партии гневно жаловался на мало что понимающую прессу добрейший Семен Михайлович Буденный:

«Мною было отмечено, что коневое хозяйство помимо того, что лошадь имеет значение как тяговая сила и как фактор в обороне страны, имеет еще и товарную продукцию. Мною было указано, что лошадь дает мясо, кожу, волос, копыта («рог»), кость. А наша печать... Что они написали после того, как я выступил? Оказывается, Буденный заявил, что лошадь дает мясо, кожу, щетину и даже... рога!»

Создай Нового человека с такими работниками!

Вообще-то литература всегда говорила о некоем Новом человеке.

Только Новый человек мог заставить вулканы Камчатки обогреть Сибирь, регулировать направление ветров гигантскими

вентиляторами. вести стремительные электроходы в подземных туннелях, заменить медлительную почту «электрическими разговорами», выращивать такие невиданные деревья, как, скажем, «...финики, привитые к вишневому дереву, или бананы, соединенные с грушей»... Заметьте, это писалось В.Одоевским в 1840 году («Петербургские письма», альманах «Утренняя заря»), в том самом, когда российский министр финансов доказывал во весь голос, что железная дорога из Петербурга в Москву не нужна, ибо такая дорога лишь усилит у людей ненужную склонность бесцельно переезжать с места на место.

А алюминисевые сны Веры Павловны? Какой протопоп, даже самый неистовый, мог мечтать о таком?..

Удивительно читать в той же Литературной Энциклопедии о том, что «...М.Булгаков вошел в литературу с сознанием гибели своего класса и необходимости приспособления к новой жизни... принял победу народа не с радостью, а с великой болью покорности».

А как он должен был входить в литературу? Все ли могли мгновенно все осознать и принять? Разве М.Булгакова, человека мягкого и интеллигентного, не должна была ужаснуть буря гражданской войны? Не думаю, чтобы он не слышал известного в то время высказывания Г.Плеханова: «Русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пышный каравай социализма»...

В цитируемой уже статье Б.Михайловского «Фантастика» (Литературная Энциклопедия, 1939) заключительный абзац звучал как бы даже оптимистически: «В рамках литературы социалистического реализма можно мыслить материалистическую фантастику, фантастику как художественную форму с реалистическим содержанием, — в жанре сатиры, направленной против отживающего капиталистического мира, в произведениях, пытающихся гипотетически предвосхитить будущее, в советском фольклоре и особенно в литературе для детей».

В жанре сатиры...

В том же году в «Литературной газете» критик В.Блюм прямо писал: «Всякий сатирик в СССР посягает на советский строй». Не больше, не меньше. Представляю себе выражение на лице В.Блюма, вчитывающегося в монолог профессора Преображенского (М.Булгаков, «Собачье сердце»):

«Голубчик! Я не говорю уже о паровом отоплении. Не говорю. Пусть: раз социальная революция — не нужно топить. Но я спрашиваю: почему, когда началась вся эта история, все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице? Почему калоши нужно до сих пор закрывать под замок? И еще приставлять к ним солдата, чтобы кто-либо их не стащил? Почему убрали ковер с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить крутом через черный двор?..»

«Всякий сатирик в СССР посягает на советский строй».

Чайхана под платанами... Брожение умов... 1985-й год... Это, надо сказать, еще не 1994-й, но — не быть Антологии без М.Булгакова!

«Смоленск горит весь... артиллерия обстреливает Можайский лес по квадратам, громя залежи крокодилийих яиц, разложенных во всех сырых оврагах... Эскадрилья аэропланов под Вязьмой действовала весьма удачно, залил газом почти весь уезд, но жертвы человеческие в этих пространствах неисчислимы из-за того, что население, вместо того чтобы покидать уезды в порядке правильной эвакуации, благодаря панике металось разрозненными группами... Отдельная кавказская кавалерийская дивизия в Можайском направлении блистательно выиграла бой со страусовыми стаями, перерубив их всех и уничтожив гигантские кладки страусовых яиц... Сообщалось от правительства, что в случае, если гадов не удастся задержать в 200-верстной зоне от столицы, она будет эвакуирована в полном порядке...»

Чайхана под платанами... Ропот Алайского рынка...

А без Чайнова? Как будет выглядеть Антология без А.В.Чайнова? Как понять развитие советской фантастики без Александра Васильевича Чайнова (1888-1937), который, подозреваю, никогда не думал о том, что это и его работы развивают советскую фантастику.

Жена ученого и писателя А.В.Чаянова, расстрелянного в сталинских лагерях (вот одна из самых колоссальных лабораторий по созданию Нового человека, так сказать, пекло творения), вспоминала:

«Его забрали 21 июля 1930 года на работе в тот момент, когда он готовила материал Зернотреста у XV Партсъезду... О том, что происходило в тюрьме, я могу рассказать только с его слов. Ему было предъявлено обвинение в принадлежности к «трудовой крестьянской партии», о которой он не имел ни малейшего понятия. Так он и говорил, пока за допросы не принялся Агранов. Допросы вначале были очень мягкие, «дружественные», иезуитские. Агранов приносил книги из своей библиотеки, потом просил меня передать ему книги из дома, говоря мне, что Чаянов не может жить без книг, разрешил продовольственные передачи и свидания, а потом, когда я уходила, он, пользуясь духовным потрясением Чаянова, тут же устраивал ему очередной допрос.

Принимая «расположение» Агранова к нему за чистую монету, Чаянов дружески объяснял ему, что ни к какой партии он не принадлежал, никаких контрреволюционных действий не предпринимал. Тогда Агранов начал ему показывать одно за другим тринадцать показаний его товарищей против него...

Показания, переданные ему Аграновым, повергли Чаянова в полное отчаяние — ведь на него клеветали люди, которые его знали и которых он знал близко и много лет. Но все же он сопротивлялся. Тогда Агранов его спросил: «Александр Васильевич, есть ли у вас кто-нибудь из товарищей, который, по вашему мнению, не способен солгать?» Чаянов ответил, что есть и указал на профессора экономической географии А.А.Рыбникова. Тогда Агранов вынул из ящика стола показания Рыбникова и дал прочитать Чаянову...»

Вообще-то все советские Антологии следует снабжать подобными комментариями...

В 30-е годы, когда власть, наконец, утвердилась, процесс создания Нового человека пошел полным ходом. Фантастически переплетались судьбы авторов и героев. Впрочем, давно замечено, что нет ничего более фантастичного, чем просто сама, такая часто обыденная жизнь. Можно лишь представлять сейчас, с каким чувством вчитывался Михаил Булгаков в страницы повести А.В.Чаянова «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» (в подзаголовке: Романтическая повесть, написанная ботаником Х., иллюстрированная фитопатологом У.)

«Как я могу отблагодарить тебя, Булгаков! — сказал Петр Петрович, протягивая мне бокал. — Сам Гавриил не мог бы принести мне вести более радостной, чем ты! Эх! Если бы ты мог что-нибудь понимать, Булгаков!»

И далее: «...все более хмелея, повторял ежеминутно: «Эх, если бы ты что-нибудь понимал, Булгаков!»

И далее: «Я — царь! А ты червь предо мною, Булгаков! Плачь, говорю тебе!»

И еще далее: «Смейся, рабская душа!»

И, наконец, уже совсем пронизанное тоской: «Беспредельна власть моя, Булгаков, и беспредельна тоска моя; чем больше власти, тем больше тоски».

Именно «Венедиктов» должен был украсить Антологию, а вовсе не фантастическое «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии...»

Эх, если бы ты что-нибудь понимал, Булгаков!..

«Не могу же я пойти к самому Ленину и спрашивать: дорогой товарищ, объясните мне все окончательно, — писала в рассказе «Мои преступления» нежнейшая, изысканная, неоцененная Надежда Бромлей (1889-1966). — А кому я могу довериться, будучи плохого происхождения и с малых лет не доверяя людям? Я нахожу, что большинство людей ниже этих событий, и остаюсь в стороне и занимаюсь строительством в тесном масштабе».

А теперь о повести «Потомок Гаргантюа», поистине антологической.

В некую запретную страну, в которой только что произошло восстание, приходит кентавр по имени Либлинг Тейфельсперд. Железнодорожные сторожки, мосты, вагоны, баржи с бойницами, зубные щетки и телефоны — мир прост, обычен; и в то же время это невероятный мир, до предела заполненный страстями.

Читая повесть Надежды Бромлей невольно вспоминаешь рассуждения героини «Рассказа об одном романе»: «Сидишь и думаешь: как невероятно скучны, глупы и расплывчаты реальные люди и до какой степени мы, выдуманные, интереснее их! Мы всегда и все гораздо более концентрированы духовно, в нас больше поэзии, лирики, романтизма...»

Поэзией, лирикой, романтизмом, горечью страшной полны повести и рассказы Н.Бромлей.

«Он кричал так, что над скулами его образовались провалы, рот разодрался, щеки нависли тряпичными складками, а глаза погасли. Таковы были во все времена лица наемных крикунов и добровольных глашатаев жижи...»

От каждого героя Н.Бромлей падает четкая тень, они не флатландцы, они во плоти, они слышат и видят, и сами вторгаются во вторгающийся в их души мир.

«Так кто же здесь хотел свободы и когда?» — спрашивает кентавр Либлинг, потрясенный человеческим предательством. И его жестокая возлюбленная отвечает: «Никто и никогда. Хотели хлеба и покоя. Все обман».

Бездонное небо.

Птицы и самолеты.

Полуденный сожженный Ташкент...

Не сто, а двести листов. Для настоящей Антологии сто мало. Но если уж и пятидесяти не найдется, повести Н.Бромлей войдут в Антологию вне всякой конкуренции. Заслуженная артистка РСФСР, она играла во МХАТе, в Ленинградском театре драмы им. А.С.Пушкина, в конце 40-х была режиссером театра им. Ленсовета, но в памяти осталась прежде всего двумя книгами — «Исповедь неразумных» и «Потомок Гаргантюа», вышедших в 1927 и в 1930 годах в Москве в издательствах «Круг» и «Федерация».

«К Вере пришла подруга и стала говорить о большевиках, что они бывают только природные, а впоследствии ими сделаться невозможно. Материализм должен быть в характере человека, и кто таким не родился, а про себя это говорит, тот притворяется для хвастовства и чтобы всех оскорбить».

Так умела писать Н.Бромлей.

А тот материализм, о котором толковала случайная подруга Веры, без всякого сомнения, был одной из главных черт характера еще одного писателя, без вещей которого настоящей Антологии советской фантастики быть не может.

Сергей Буданцев (1896-1940). Расстрелян.

«Я хорошо помню этого полноватого, но статного, рослого, легкого в движениях, на редкость обаятельного человека, — вспоминал о Буданцеве Юрий Нагбин. — Музыкальный, певучий, отличный рассказчик, остроумец и редкий добряк, он был очень популярен среди своих коллег, что не мешало кому-то состряпать лживый донос».

Книги С.Буданцева надолго исчезли из обихода, а фантастическая повесть «Эскадрилья Всемирной Коммуны» до сих пор ни разу не переиздавалась.

Сразу отмечу невероятную деталь: в повести «Эскадрилья Всемирной Коммуны», выпущенной в библиотечке «Огонька» в 1925 году, Сергей Буданцев пророчески предсказал кончину Бенито Муссолини. Этого Муссолини, главу кабинета последнего капиталистического государства в мире (понятно, имеются в виду события, разворачивающиеся в повести), вешают в 1944 году (!!!), правда, не итальянцы, а восставшие туземцы Мадагаскара.

Как многие вещи тех лет, повесть С.Буданцева написана в форме некоего сухого отчета, местами она настолько бесстрашна и лишена стилистических красот, что, кажется, автора вообще не интересовала литературная часть дела.

Но это не так. Писать он умел.

«Так, борясь с дремотой, держа путь на низко сидящую Большую Медведицу, соблюдая совет, — повернув голову влево, ехать прямо, — пробивался он в ночи. Тьма кружила голову резким дыханием распускающейся растительности, тьма жалила укусами комаров, тьма подвывала шакалами, тьма таила пропасти; пустыни неба и земли сомкнулись, чтобы поглотить Михаила Крейсера. Слева, с северо-запада, затирая узкую полосу отблесков зари, всплывала туча, ее начинали прошивать, словно притачивая к земле, иглы молний...»

Странно...

Я, видевший безмолвие вечных снегов, пальмы над Гангом, заросли полярных берез и небо над Аравийской пустыней, — я

до сих пор помню ночной пейзаж, написанный Сергеем Буданцевым в повести «Саранча»...

Впрочем, без лирики.

В повести Сергея Буданцева «Писательница» с молодой героиней Марусей беседует старая писательница. В их беседу, прислушавшись, вмешивается рабочий парень Мишка.

«Мишке надоело молчание, и он прервал его совершенно неожиданным изречением:

— Интеллигенцию мы должны уважать, как ученых людей.

— Молчи уж, чертушка, — зашипела на него Маруся, на что он сделал второе заявление:

— А вредителей расстреливать, верное слово.»

### III

«Воеет ветер, насвистывает в дырявых крышах: «Пусту быть и Питеру и России». И бухают выстрелы во тьме. Кто стреляет, зачем, в кого? Не там ли, где мерцает, окрашивает снежные облака зарево? Это горят винные склады. В подвалах, в вине из разбитых бочек захлебнулись люди... Черт с ними, пусть горят живо!»

О, русские люди, русские люди!»

Это из «Восемнадцатого года» Алексея Толстого, но и в «Аэлите» (1923) и в «Гиперболюиде инженера Гарина» (1933) возникает, звучит, все пронизывая, все тот же мотив тоски, против которой яростно выступает сперва бывший красноармеец Гусев, а позже и инженер Гарин — по своему.

Гусев: «Я грамотный, автомобиль ничего себе знаю. Летал на аэроплане наблюдателем. С восемнадцати лет войной занимаюсь — вот все мое и занятие. Имею ранения. Теперь нахожусь в запасе. — Он вдруг ладонью шлёк потер темя, коротко засмеялся. — Ну и дела были за эти семь лет! По совести говоря, я бы сейчас полком должен командовать, — характер неуживчивый! Прекратятся военные действия — не могу сидеть на месте: сосет. Отравлено во мне все. Отпрошусь в командировку или так уйду. (Он потер макушку, усмехнулся). Четыре республики учредил, — и городов-то сейчас этих не запомню. Один раз собрал сотни три ребят, — отправились Индию освобождать. Хотелось нам туда добраться. Но сбились в горах, попали в метель, под обвалы, побили лошадей. Вернулось нас оттуда немного. У Махно был два месяца, погулять захотелось... ну, с бандитами не ужился... Ушел в Красную Армию. Поляков гнал от Киева, — тут уж был в коннице Буденного: «Дашь Варшаву!» В последний раз ранен, когда брали Перекоп. Провалаясь после этого без малого год по лазаретам. Выписался — куда деваться? Тут эта девушка моя подвернулась — женился. Жена у меня хорошая, жалко ее, но дома жить не могу. В деревню ехать, — отец с матерью померли, братья убиты, земля заброшена. В городе делать нечего. Войны сейчас никакой нет, — не предвидится. Вы уж, пожалуйста, Мстислав Сергеевич, возьмите меня с собой. Я вам на Марсе пригожусь».

Игнатий Руф («Союз пяти»), тоже знает, что это такое — долгая нечеловеческая тоска, которая не выбирает, не желает знать — негодий ты или человек благородный, чистый. Правда, в отличие от инженера Лося и даже от инженера Гарина, Игнатий Руф сразу и абсолютно точно знает, чего он хочет и как это будет. «В семь дней мы овладеем железными дорогами, водным транспортом, рудниками и приисками, заводами и фабриками Старого и Нового Света. Мы возьмем в руки оба рычага мира: нефть и химическую промышленность. Мы взорвем биржу и подгребем под себя торговый капитал...»

Игнатий Руф убежден: «Закон истории — это закон войны». Надо поразить мир каким-нибудь нестерпимым ужасом и мировое господство само свалится в руки. Руф не случайно является героем именно фантастического рассказа: он собирается — не больше, не меньше — расколоть на части Луну! А свалить все можно на комету Биелы, ворвавшуюся в Солнечную систему.

«А в это время на юго-западе, над океаном, из-под низу туч, идущих грядями, начал разливаться кроваво-красный неземной свет. Это хвостом вперед из эфирной ночи над Землей восходила комета Биелы.»

Хвостом вперед... Образ создан...

Но зачем все это? К чему описания, пусть и потрясающие воображение, но все же как бы отдаленные, чуть отнесенные от тебя?..

Да все затем же — Новый человек!

Новым вождям, как бы часто они ни сменяли друг друга, не могли не импонировать слова инженера Гарина:

«Я овладеваю всей полнотой власти на земле... Ни одна труба не задымит без моего приказа, ни один корабль не выйдет из гавани, ни один молоток не стукнет. Все подчинено, — вплоть до права дышать, — центру. В центре — я. Мне принадлежит все. Я отчеканиваю свой профиль на кружочках: с бородкой, в веночке, а на обратной стороне профиль мадам Ламоль. Затем я отбираю «первую тысячу», — скажем, это будет что-нибудь около двух-трех миллионов пар. Это патриции. Они предаются высшим наслаждениям и творчеству. Для них мы установим, по примеру древней Спарты, особый режим, чтобы они не вырождались в алкоголиков и импотентов. Затем мы установим, сколько нужно рабочих рук для полного обслуживания культуры. Здесь также сделаем отбор. Этих назовем для вежливости — трудовиками... Они не взбунтуются, нет, дорогой товарищ. Возможность революций будет истреблена в корне. Каждому трудовику после классификации и перед выдачей трудовой книжки будет сделана маленькая операция. Совершенно незаметно, под нечаянным наркозом... Небольшой прокол сквозь черепную кость. Ну, просто закружилась голова, — очнулся, и он уже раб. И, наконец, отдельную группу мы изолируем где-нибудь на прекрасном острове исключительно для размножения. Все остальное придется убрать за ненадобностью... Эти трудовики работают и служат безропотно за пищу, как лошади. Они уже не люди, у них нет иной тревоги, кроме голода. Они будут счастливы, переваривая пищу. А избранные патриции — это уже полубожества. Хотя я презираю, вообще-то говоря, людей, но приятнее находиться в хорошем обществе. Уверю вас, дружище, это и будет самый настоящий золотой век, о котором мечтали поэты. Впечатление ужасов очистки земли от лишнего населения сгладится очень скоро...»

Полубожества...

Радек... Ежов... Микоян... Ягода... Маленков... Берия... Сталин, конечно... Нет, Сталин, это уже божество... Вот и наступит настоящий золотой век, о котором мечтали поэты... А впечатление ужаса... Да сгладится, конечно, и очень скоро...

«На улице Красных Зорь появилось странное объявление: небольшой серой бумаги листок, прибитый к облупленной стене пустынного дома. Корреспондент американской газеты Арчибалд Скайлс, проходя мимо, увидел стоявшую перед объявлением босую молодую женщину в ситуевом опрятном платье; она читала, шевеля губами. Усталое и милое лицо ее не выражало удивления, — глаза были равнодушные, синие, с сумасшедшиной. Она завела прядь волнистых волос за ухо, подняла с тротуара корзину с зеленью и пошла через улицу...»

Листок серой бумаги, облупленная стена, босая женщина с сумасшедшиной в синих глазах, эти заведенные за ухо волнистые волосы... — Алексей Толстой, как истинный художник, всегда был чуток к деталям. Описывая самую невероятную ситуацию, он умел оставаться убедительным. После клочка серой бумаги — объявления — еще ошеломительнее последующий прыжок на Марс. Из разрушенной, продутый ветрами России — на Марс! Почему бы, черт побери, считать красноармеец Гусев, не присоединить планету Марс к РСФСР? «На теперь, выкуси, — Марс-то чей? — советский».

Фантастика Алексея Толстого давно признана классикой. Но выход этих книг встречался в свое время, скажем так, не овациями.

Г. Лелевич (критик в двадцатые годы авторитетный): «Алексей Толстой, аристократический стилизатор старины, у которого графский титул не только в паспорте, подарил нас «Аэлитой», вещь слабой и неоригинальной...»

Корней Чуковский: «Роман плоховат... Все, что относится собственно к Марсу, нарисовано сбивчиво, неряшливо, хламно, любой третестепенный Райдер Хаггард гораздо ловчее обработал бы весь этот марсианский сюжет...»

Юрий Тынянов: «Марс скучен, как Марсово поле. Есть хижины, хоть и плетеные, но в сущности довольно безобидные, есть и очень покойные тургеневские усадьбы, и есть русские девушки, одна из них смешана с «принцессой Марса» — Аэлитой, другая — Ихощка... И единственное живое во всем романе — Гусев — производит впечатление живого актера, вснувшего голову в полотно кинематографа...»

То же и с «Гиперболоидом инженера Гарина».  
Максим Горький (в письме к Д. Лутохину от 26 октября 1925 года): «...В 7-й книге «Красной нови» рабоче-крестьянский граф Алексей Толстой начал печатать тоже бульварный роман. Это очень жаль...»

Но жалеть, наверное, надо было о другом.

Жалеть, наверное, надо было о том, что Алексей Толстой, раздраженный явно несправедливыми нападениями, отказался, не написал, как задумывал, еще одну часть своего романа об инженере Гарине. А замысел был, — «Судьбы мира». Даже план сохранился.

«Война и уничтожение городов. Ролинг во главе американских капиталистов разрушает и грабит Европу, как некогда Лукулл и Помпей ограбили Малую Азию... Гибель Ролинга. Победа европейской революции. Картины мирной роскошной жизни, царство труда, науки и грандиозного искусства.»

Картины мирной роскошной жизни...

Планировалось, видимо, нечто вроде утопии. Царство труда, науки и грандиозного искусства...

Вообще-то заглянуть в будущее хотели многие.

Предпринял такую попытку и сибирский писатель Вивиан Итин (1894-1938), автор первого советского научно-фантастического романа — «Страна Гонгури», изданного в 1922 году в провинциальном Канске.

Попавший в плен после разгрома белогвардейцами своего отряда юный партизан Гелий томится в застенке. Он ждет рассвета, когда колчаковцы поведут пленных расстреливать. Старый врач, брошенный в ту же камеру, погружает Гелия в некий гипнотический сон, в котором Гелий превращается в гениального ученого Ризаля — гражданина страны будущего, где люди давно забыли слово война, где отношения чисты, безмятежны, где человечество может копить силы для нового величайшего броска вперед — в неизмеримое, никак уже словами не определяемое счастье...

Скука необыкновенная, патетическая... Но роман! Роман, никуда не денешься... Роман, написанный не просто талантливым человеком, но человеком, который сам одновременно был «завагитропом, заведующим уездным политпросветом, заведующим уездным РОСТА, редактором газеты и председателем дисциплинарного суда».

«...Итин в бытовом отношении не был устроен, — вспоминал старый большевик, участник гражданской войны в Сибири И.П. Востриков (по свидетельству В. Самсонова). — Жил он в кинотеатре «Кайтым» (тогда иллюзион «Фурор» назывался). Заканчивался последний сеанс, люди расходились, а Итин получал возможность отдохнуть, переночевать. И книгу свою он писал в том же кинотеатре, при свете самодельной коптилки. Сами понимаете, такой образ жизни и на внешнем виде сказывается... Однажды мы с товарищами рассудили так: последить за ним некому, сам он человек стеснительный, поможем ему мы. А на том месте и в тех же зданиях, где сейчас ликеро-водочный завод стоит, были раньше колчаковские казармы. Когда беляки ударили, то они все свое обмундирование, в том числе и новое, ненадеванное, побросали. Из тех белогвардейских запасов мы и подобрали Итину одежду. Он, я помню, очень обрадовался и сказал, как же он во всем новом и чистом в иллюзион пойдет ночевать?.. И вот, когда я читал его книгу, меня очень удивило: как человек, будучи совсем неустроенным, мог создать такое светлое произведение — мечту, сказку об удивительной стране, где живут люди коммунистического общества?..»

Кто объяснит?

Несколько иначе смотрел на будущее другой советский фантаст — Яков Окунев (1882-1932).

«Грядущий мир».

Утопия.

Профессор Моран, погрузив в анабиоз свою дочь и некоего Викентьева, смелого человека, решившегося на опасный эксперимент, отправляет их в далекое будущее. В отличие от классических утопий, роман Окунева динамичен, чему в немалой степени помогает и то, что Окунев еще не подпал под влияние большевистских догм, и то, что сам язык романа пока не превращен в язык расхожий, газетный.

«Один из магнатов — нефтяной король. Его рыхлае вспущшее

лицо, синее, бугристое, изъеденное волчанкой; его оттопыренные, как ручьи вазы, красные уши; его яйцевидный блестящий череп — все это, заключенное в пространстве между башмаками и цилиндром, носит громкое, известное во всех пяти частях света имя — Эдвард Гаррингтон...»

Портрет гротескный, запоминается.

Или:

«На палубе: равнодушные квадратные лица англичан, итальянские черные миндалевидные глаза; белокурые усы немца, закопченные сигарой; узенькие щелочки, а в них юркие черные жучки — зрачки японца; ленивый серый взгляд славянина; резко сломанный хищный нос грека...»

Конечно, описывать мир будущего, грядущий мир — это не набрасывать портреты пассажиров обреченного парохода. Страшновато читать о том, что вся Земля покрылась всемирным городом — «вся зашита в плотную непроницаемую броню»; не очень радует и то, что женщины и мужчины грядущего одеты совершенно одинаково. Правда, корабли в грядущем мире Якова Окунева работают на внутриатомной энергии, люди умеют общаться друг с другом мысленно, никакого разделения труда нет — сегодня ты метешь метлой двор, завтра решаешь математические задачи; наконец, полностью отсутствует собственность, личное жилье. «Зачем? У нас нет ничего своего. Это дом Мировой Коммуны». Нет в грядущем мире Я. Окунева и преступности, а все дети там — достойные Мирового Города (мотив, развитый в конце 50-х И. Ефремовым). Это поистине счастливый мир, единственной реальной драмой которого остается драма неразделенной любви. Впрочем, и такое несчастье — лечится.

«Всякая утопия намечает этапы и вехи будущего, — писал в послесловии к своему роману Я. Окунев. — Однако, утопист — не прорицатель. Он строит свои предположения и надежды не на голый, оторванный от жизни, выдумке. Он развивает воображаемое будущее из настоящего, из тех сил науки и форм человеческой борьбы, которые находятся в своей зачаточной форме в настоящее время.»

Возможно, что многие читатели, прочитав этот роман, сочтут все то, что в нем изображено, за несбыточную мечту, за детскую выдумку писателя. Но автор вынужден сознаться в том, что он почти ничего не выдумал, а самым старательным образом отобрал современную науку, технику и — самое главное — жизнь.

Здесь изображается будущий коммунистический строй, совершенно свободное общество, в котором нет не только насилия класса над классом и государства над личностью, но и нет никакой принудительной силы, так как человеческая личность совершенно свободна, но в то же время воля и желание каждого человека согласуются с интересами всего человеческого коллектива. Выдумка ли это? Нет. Вдумайтесь в то, что началось в России с 25 октября 1917 года, всмотритесь в то, что происходит во всем мире. Девять десятых всего человечества — трудящиеся — борются за идеал того строя, который изображен в этом романе, против кучки паразитов, противодействующей осуществлению абсолютной человеческой свободы. В умах и сердцах теперешнего пролетариата грядущий мир уже созрел.

Все чудеса техники грядущего мира имеются уже в зародыше в современной технике. Радий, огромная движущая и световая энергия которого известна науке, заменит электрическую энергию, как электрическая энергия заменила силу пара и ветра. Работы ученых над продлением человеческой жизни, над выработкой искусственной живой материи, над вопросами омоложения, над гипнозом, над психологическими вопросами — достигли за последние десятилетия крупных успехов. Современная наука делает чудеса и шагает семимильными шагами к победе над природой. Все то, что изображено в этом романе, либо уже открыто и применяется на деле, либо на пути к открытию. Поэтому автор имеет даже основание опасаться, что он взял слишком большой срок для наступления царства грядущего мира и убежден, что через 200 лет действительность оставит далеко позади себя все то, что в романе покажется человеку выдумкой.

Пятьдесят семь часов девяносто четыре минуты...

«В то время, когда диалектика истории привела один класс к истребительной войне, а другой — к восстанию; когда горели города, и прах, и пепел, и газовые облака клубились над пашнями и садами; когда сама земля содрогалась от гневных криков

удушаемых революций и, как в старину, заработали в тюремных подвалах дыба и клещи палача; когда по ночам в парках стали вырастать на деревьях чудовищные плоды с высунутыми языками; когда упали с человека так любовно разукрашенные идеалистические ризы, — в это чудовищное и титаническое десятилетие одиночными светочами горели удивительные умы ученых» (Алексей Толстой).

Не из рассуждений ли Якова Окунева проросла пышно впоследствии так называемая экстраполярная фантастика?

Впрочем, реализация идей, какими бы они ни были, прежде всего зависит от таланта.

Евгений Замятин (1884-1937), работая над антиутопией «Мы», тоже мог сказать, что «...развивает воображаемое будущее из настоящего, из тех сил науки и форм человеческой борьбы, которые находятся в своей зачаточной форме в настоящее время». Правда, выводы Е.Замятин никак не совпадали с выводами Я.Окунева.

Е.Замятин попадал в тюрьму, побывал в ссылке. Закончив политехнический институт, работал в Петербурге на кафедре корабельной архитектуры, позже, в Англии, строил ледоколы. Вернувшись в революционную Россию, и будучи глубоко убежденным в том, что именно писатель обязан предупреждать общество о первых симптомах любых зарождающихся социальных болезней, Е.Замятин не только не замалчивал своих взглядов и сомнений, но, напротив, считал обязательным доводить эти взгляды и сомнения до читателей.

«По ту сторону моста — орловские: советские мужики в глиняных рубахах; по эту сторону — неприятель: пестрые келбуйские мужики. И это я — орловский и келбуйский, — я стреляю в себя, задыхаясь, мчусь через мост, с моста падаю вниз — руки крыльями — кричу...»

Остро, почти болезненно реагировал Е.Замятин на быстрое появление, как он выразился, писателей юрких, умеющих приспосабливаться. «Я боюсь, — писал он в своей знаменитой статье, опубликованной еще в 1921 году, — что мы этих своих юрких авторов, знающих, «когда надеть красный колпак и когда скинуть», когда петь сретенье царю и когда молот и серп, — мы их преподносим народу как литературу, достойную революции. И литературные кентавры, давя друг друга и брыкаясь, мчатся в состязании на великолепный приз: монопольное писание од, монопольное право рыцарски швырять грязью в интеллигенцию...»

И дальше:

«Писатель, который не может стать юрким, должен ходить на службу с портфелем, если он хочет жить. В наши дни — в театральный отдел с портфелем бегал бы Гоголь; Тургенев во «Всемирной литературе», несомненно, переводил бы Бальзака и Флобера; Герцен читал бы лекции в Балтфлоте; Чехов служил бы в Комздраве. Иначе, чтобы жить — жить так, как пять лет назад жил студент на сорок рублей, — Гоголю пришлось бы писать в месяц по четыре «Ревизора», Тургеневу каждые два месяца по трое «Отцов и детей», Чехову — в месяц по сотне рассказов. Это кажется нелепой шуткой, но это, к несчастью, не шутка, а настоящие цифры. Труд художников слова, медленно и мучительно радостно «воплощающего свои замыслы в бронзе», и труд словоблуда, работа Чехова и работа Брешко-Брешковского, — теперь расценивается одинаково: на аршины, на листы. И перед писателем выбор: или стать Брешко-Брешковским — или замолчать. Для писателя, для поэта настоящего — выбор ясен».

Чрезвычайно далекий мир — XXX век, — написанный в романе «Мы», ничем не похож на миры, написанные Я.Окуновым или В.Итиным. В замятинском будущем, экстраполированном из настоящего, человеческое «я» давно исчезло из обихода, там осталось лишь «мы», а вместо имен человеческих — номера. Чуда больше нет, есть логика. Мир распределен, расчислен, государство внимательно наблюдает за каждым номером, оно любого может послать на казнь — на «довременную смерть» — если посчитает, что человек этого заслуживает. В сером казарменном мире все обязаны следить друг за другом, доносить друг на друга. А самое парадоксальное: при всей разности, и утопия Я.Окунева и антиутопия Е.Замятин вышли все из тех же «...сил науки и форм человеческой борьбы, которые находятся в своей зачаточной форме в настоящее время».

Наверное, дело тут в складе ума. Ну, а результаты...

Когда в середине 20-х годов роман «Мы» вышел за рубежом, реакция в официальном СССР однозначна. «Эта контрреволюционная вылазка писателя, — указывает все та же

Литературная Энциклопедия, — становится известной советской общественности и вызывает ее глубокое возмущение. В результате широко развернувшейся дискуссии о политических обязанностях советского писателя Замятин демонстративно выходит из Всероссийского союза писателей».

О дискуссии, конечно, сказано в запальчивости. Никакой дискуссии быть не могло, была травля. Трибуна съездов ВКП(б) была хорошо приспособлена для доносов, даже стихотворных. Небезызвестный А.Безыменский на XVI съезде с энтузиазмом закладывал Замятину и Пильника, а с ними и «марксовидного Толстого» (Алексея, конечно):

«Так следите, товарищи, зорко, чтоб писатель не сбился с пути, не копался у дней на задворках, не застрял бы в квартирной клетке».

Чтобы жизнь не давал он убого, чтоб вскрывал он не внешность, а суть, чтоб его столбовой дорогой был бы только наш ленинский путь...»

И так далее.

А В.Кирион, лицо в литературе тех дней официальное, с той же трибуны говорил: «Как характерный пример можно привести книжку Кукулина «Краткосрочники», где автор сумел показать Красную армию в таком виде, как описывал царскую армию какой-нибудь Куприн...»

Эх, если бы ты что-нибудь понимал, Булгаков!..

Доведенный до отчаяния, но всегда последовательный в своих действиях, Е.Замятин в июне 1931 года пишет письмо Сталину.

«Уважаемый Иосиф Виссарионович, приговоренный к высшей мере наказания — автор настоящего письма — обращается к Вам с просьбой о замене этой меры другою».

Мое имя Вам, вероятно, известно. Для меня как для писателя именно смертным приговором является лишение возможности писать, а обстоятельства сложились так, что продолжать свою работу я не могу, потому что никакое творчество немислимо, если приходится работать в атмосфере систематической, год от году все усиливающейся травли.

...Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой. В частности, я никогда не скрывал своего отношения к литературному рабству, прислуживанию и перекрашиванию: я считал — и продолжаю считать — что это одинаково унижает как писателя, так и революцию.

...В советском кодексе следующей ступенью после смертного приговора является высылка преступника из пределов страны. Если я действительно преступник и заслуживаю кары, то все же думаю, не такой тяжелой, как литературная смерть, и потому прошу заменить этот приговор высылкой из пределов СССР — с правом для моей жены сопровождать меня. Если же я не преступник, я прошу разрешить мне вместе с женой, временно, хотя бы на один год, выехать за границу — с тем, чтобы я мог вернуться назад, как только у нас станет возможным служить в литературе большим идеям без прислуживания маленьким людям, как только у нас хоть отчасти изменится взгляд на роль художника слова...»

Е.Замятину посчастливилось: вождь разрешил уехать «преступнику». На перроне железнодорожного вокзала Е.Замятин провожал друживший с ним М.Булгаков...

Замятин уехал.

В исполненной мастерской, в раскаленном пекле творения, в гудящем от напряжения горниле чудовищного эксперимента по созданию Нового, совсем Нового человека, остались писатели юркие и неюркие, слабовольные и волевые, честные и продавшиеся. Одни уже торопились лепить великий образ, другие предчувствовали долгий тоскливый путь по примечательным местам уже обустроивающегося ГУЛАГа.

Короткая эпоха утопий (и антиутопий) закончилась. Начиналась эпоха зрелищ.

#### IV

Не странно ли? Направленная, как и вся литература, на то, чтобы представить читателям образ Нового человека, советская фантастика вдруг резко и явно отошла от человеческой темы, предпочтя ей техническую.

Человека заменила чистая схема.



«А пещером 6-миллионная Москва дрожала от оваций и криков ура, когда советская пятёрка (лётчиков, облетевших вокруг земного шара, — Г.П.) через пять суток полета вновь прошлась по улицам по пути к дворцу, где сверху стоит Ленин. В залах грандиозного дворца заседают вожди нашей родины с депутатами народа, и приветливые глаза Сталина сияюще блестят навстречу отважной пятёрке...»

Новый человек, новый подход, новый стиль... Прославленный лётчик Георгий Байдуков так делился своими фантастическими размышлениями, напечатанными в газете «Правда» 18 августа 1937 года («Через два полюса»).

Большинство участников Первого съезда советских писателей, состоявшегося в 1934 году и определившего такой образ Нового Человека, достойный советской литературы, советского народа, советских вождей и правителей, уже исчезли надолго, многие навсегда. И.Бабель, А.Веселый, И.Катаев, Д.Выгодский, В.Кириков, Б.Корнилов, И.Левин, Г.Лелевич (тот самый, что строго выговаривал в свое время рабоче-крестьянскому графу за незадачи с его «Аэлигой»), Б.Пильник, писатель Сергей Третьяков, Б.Ясенский, В.Нарбут, А.Воронский, С.Камыков, С.Колбасев, Б.Лифшиц, Г.Серебрякова, Б.Спаский... Невозможно всех перечислить... И дело было не в верности идее. Петр Орешин, например, был глубоко убежден, что

«...другая радость в мире есть:  
родиться и забыть себя и имя,  
и в стадо человеческое влезть,  
чтобы сосать одно ржаное вымя».

Увы, его убеждения ему не помогли. Он разделил судьбу тех, с кем спорил. Все большую и большую силу набирали писатели, по определению Замiatина, юрки, а сам этот страшный жанр — фантастика — буквально на глазах тускнел. А то, что изредка появлялось, неизменно вызывало писк критиков. Фантастика, скорее, вредна, делился своими откровениями в журнале «Революция и культура» критик с лирической фамилией И.Злобин, она «...уводит молодежь из текущей действительности в повые, не похожие на окружающее, миры». Появились и первые разработчики теории так называемой фантастики ближнего прицела, фантастики приземленной, бытовой, замкнутой на сиюминутные конкретные цели. Лозунг «Лицом к технике, к техническим знаниям» был воспринят буквально. Человек, как главный объект литературы, был выдворен из фантастики («замыкающей», «булгаковщины» понахивало от человека). Рассказ становится астрономическим, химическим, авиационным, радиофантастическим, каким угодно, только не литературным. Характернейший пример: подведение редакцией журнала «Всемирный следопыт» итогов конкурса на лучший научно-фантастический рассказ за 1928 год. Там в обращении к читателю говорилось:

«Эта категория (то есть фантастика, — Г.П.) дала много рассказов, но из них очень мало с новыми проблемами, скопировано обоснованными научно и с оригинальной их трактовкой. Особенно жаль, что совсем мало поступило рассказов по главному вопросу — химизации...»

И дальше:

«Весьма удачной по идее и по содержанию следует признать «Золотые россыпи» — эту бодрую обоснованную повесть с химизацией полевого участка личной энергией крестьянского юноши, привлеченного к себе на помощь четырех беспризорных, которые в процессе работы сделались ценными культурными работниками. Автор достаточно знает вопросы агрикультурной химизации и занимательно преподносит их читателю».

Автор достаточно знает вопросы агрикультурной химизации...

Но дальше, дальше.

«Рассказы «Открытие товарища Светаша» (средство от усталости) и «Земля-фабрика» (ленточная посадка ржи, удешевляющая урожай) привлекают внимание своими современными темами, но оба рассказа кончаются беспричинной непоследовательной гибелью героев вместе с их открытиями (например, одного — от удара молнии), так что производят впечатление мрачной безнадежности, хотя реальная жизнь рисует нам, наоборот, беспрерывные завоевания науки и дает живые примеры успехов изобретателей в результате упорного труда и неустанной энергии».

Академик В.А.Обручев (1863-1956), говоря о фантастике, удачно для критиков заметил: цель фантастики — поучать, развлекая.

Сам В.А.Обручев, несомненно, следовал этому принципу.

Почитать...

О фантастике, если разговор заходил о ней, высказывались, как правило неодобрительно. «Реальный познавательный материал в ней, — писал об «Аэлите» критик А.Ивич в пространной статье «Научно-фантастическая повесть», опубликованной в 1940 году в журнале «Литературный критик», — так же, как и в «Гиперболоиде», сведен к минимуму, аппарат для межпланетных сообщений описан очень приблизительно, используются гипотезы жизни на Марсе, но без попытки научной разработки этого вопроса, да и подзаголовок — фантастическая повесть — предупреждает нас, что автор не ставил перед собой задачи художественной реализации серьезных научных гипотез».

Вот так... Художественной реализации серьезных научных гипотез... О мире грядущем, о судьбах мировой революции, о перекройке самого человека речи, как правило, уже не шло.

Александр Беляев в одной из своих статей жаловался:

«Невероятно, но факт, в моем романе «Прыжок в ничто», в первоначальной редакции, характеристике героев и реалистическому элементу в фантастике было отведено довольно много места. Но как только в романе появлялась живая сцена, выходящая как будто за пределы служебной роли героев — объяснить науку и технику, на полях рукописи уже красовались надписи редактора: «К чему это? Лучше бы описать атомный двигатель».

Критика занималась, собственно, не анализом, критики теперь выискивали мелкие блох.

Н.Константинов («Литературная учеба», 1, 1934) особо подчеркивал, что научная фантастика, прежде всего, должна быть как можно ближе к действительности: она должна всерьез и конкретно знакомить читателей с успехами науки и техники; авторы соответственно должны всерьез и конкретно изучить все высказывания по технике, сделанные Марксом и Энгельсом, Лениным и Сталиным.

А.Палей, сам писатель-фантаст, в большом обзоре «Научно-фантастическая литература» («Литературная учеба», 2, 1936) старательно фиксирует мелкие недочеты, допущенные тем или иным писателем. Вот, скажем, В.Каверин неверно описал действие бурана, вот А.Толстой ошибся, утверждая, что Земля с Марса будет выглядеть как красная звезда, он же был не прав, описывая луч гиперболоида, нельзя со стороны увидеть этот луч... «В противоположность произведению Обручева, — хвалил А.Палей роман инженера И.И.Комарова, — этот роман слаб в художественном отношении, социальные вопросы освещены в нем плохо. Но проблема хладотехники поставлена интересно».

Эх, если бы ты что-нибудь понимал, Булгаков...

Все реже и реже появляются фантастические произведения, показывающие широкие панорамы грядущего, зато все чаще в самых незамысловатых сюжетах появляются враги, шпионы, различные вредители. Весьма характерной в этом отношении вещью следует признать небольшую повесть Андрея Зарина (1863-1929) «Приключение», напечатанную в 1929 году в журнале «Вокруг света», — в журнале, как указывалось на титуле, путешествий, открытий, революционной романтики, изобретений и приключений.

Два приятеля, любящие выпить, случайно увидели с помощью бинокля в чужом окне странного человека в белом халате, возмывшего опять же с какой-то странной аппаратурой. Совершенно ничего не зная о подозреваемом, основываясь лишь на своей интуиции, приятели сразу понимают: это враг! «Надо установить его преступления, потом арестовать и судить... Судить и расстрелять. Да! Да!»

«Несомненно, — догадываются проникательные герои, — тут и контрреволюция, и вредительство, быть может, шпионаж. Белогвардейцы и иностранные приятели...»

И они не ошибаются.

«Большое дело сделали, большое! — сообщила представитель ЧК. — Немного с опозданием, но все-таки...»

— Что открыли? — спросил Сивачев.

— И эмигранты, и свои вредители, и эстонские шпионы. Всего есть!»

— Это сильно, — сказал Гацунаев, когда мы наконец покинули чайхану. — Всего есть!

И спросил:

— А фантастика? Где фантастика? Не забудь, Антология посвящена фантастике!

А научная фантастика шла параллельно всем этим разоблачениям. Советский читатель нуждался в новых понятиях, любая кухарка должна была уметь не только руководить государством, но и разбираться в законах природы. Герою новой фантастики, собственно, уже и не надо было притворяться ученым.

«Сам Джон Инглис не мог понять, как ему удалось сконструировать такое чудо... Иксфор (прибор, построенный героем писателя В.Язвицкого, — Г.П.) работал вопреки всем известным законам природы, но факт оставался фактом — аппарат действовал».

Этого было вполне достаточно.

Как хватало и такой характеристики героя (там же): «Гений, можно сказать, и душа-человек».

Почти обязательными стали многословные послесловия к фантастическим книгам. В них, в послесловиях, объяснялось, почему та или иная идея автора вздорна, или даже вредна. А авторы пытались объяснить, почему, на их взгляд, та или иная идея хотя и вредна, но все же как-то полезна.

Валерий Язвицкий, автор неприхотливых научно-фантастических рассказов, писал: «Мы обычно не замечаем того, что нам знакомо с первых дней нашей сознательной жизни. Мы не удивляемся многим явлениям, не спрашиваем себя, почему они происходят так, а не иначе. Например, разве кому-нибудь приходит в голову вопрос, почему вещи, поставленные на стол, не скатываются и не падают? Мы не удивляемся, почему мы твердо стоим на земле, почему можем делать прыжки. Занимаясь гимнастикой, мы не задумываемся над тем, почему легко взбираемся вверх по гладкому шесту. Нам не приходит в голову спросить, почему завязанная узлом веревка не развязывается, если потянуть ее за концы, а наоборот, еще крепче завязывается...»

Действительно, герои А.Толстого, М.Булгакова, И.Эренбурга, Е.Замiatина как-то мало задумывались над такими вопросами...

«В этой научно-беспредметной повести, — оценивал критик А.Ивич повесть А.Беляева «Человек-амфибия», — нет ни социального, ни философского содержания. Роман оказывается ничем не нагруженным, кроме серии средней занимательности несколько статичных приключений... оказался развлекательным романом, книгой легкого чтения, не имеющей сколько-нибудь заметного литературного значения».

И дальше: «...Беляев берет понравившийся ему физиологический опыт и доводит его либо до неоправданного целесообразностью чуда, либо до нелепости — практического бессмертия — противоречащей материалистическому пониманию природы».

Берет понравившийся ему физиологический опыт... Доводит его до неоправданного целесообразностью чуда...

Мало кто знал, что именно Александр Беляев многие годы нуждался в чуде, жил в надежде на чудо — тяжелая форма костного туберкулеза приковала его к больничной койке. В статье «О моих работах» А.Беляев писал:

«Могу сообщить, что «Голова профессора Доуэля» — произведение в значительной мере... автобиографическое. Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать. Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела, и хотя руками я владел, вся моя жизнь сводилась в эти годы к жизни «головой без тела», которого я не чувствовал...»

Берет понравившийся ему физиологический опыт...

## V

Техническая фантастика, понятно, не привела, да и не могла привести к большим литературным открытиям. Радостный крик героя рассказа А.Палея «Человек без боли»: «Мама, мама, мне больно!» — говорил не столько о трагедии человека, сколько об еще одном техническом положении.

«Из-за деревьев показались пять дуплопных птеродактилей — два самца и три самки с детенышами. Я посмотрел на них, повернулся и пошел дальше».

Что могли дать читателю подобные описания?

«Всемирный следопыт», кстати, вполне всерьез, без всякой иронии цитировал приведенные выше строки.

Не ради улыбки цитировался в журнале и рассказ, в котором

на озеро Байкал совершал посадку в межпланетном аппарате некий, как там особо подчеркивалось, культурный марсианин. Вполне всерьез разъяснял К.Э.Циолковский простые вещи (правда, он-то старался при этом донести до читателя свою весьма не простую философию), а многие и многие фантасты попросту предпочитали не отвечать на вопросы, заданные ими же. «Я не мог получить ответа на свои вопросы. Ибо, если бы Яша или кто-нибудь другой сумел бы ответить на них, мой рассказ перестал бы быть фантастическим, и превратился бы в реальный». (А.Палей).

— Кто это будет читать? — спросил Гацунаев. — Про самку птеродактиля, про культурного марсианина, про химикаты и успехи агрикультуры?..

— Подожди, — сказал я, — скоро мы коснемся патриотической темы.

Международная обстановка в конце 30-х складывалась так, что любой непредубежденный человек мог понять — война неизбежна. В Германии к власти пришел фашизм, итальянцы хозяйничали в Северной Африке, японцы приглядывались к юго-восточной Азии. В СССР после гражданской войны, НЭПа, коллективизации, массовых чисток постепенно угасла надежда на Мировую революцию. Последней, может быть, попыткой напомнить о великой цели явилась повесть А.Палея «Гольфштрем», опубликованная в библиотеке «Огонька» в 1928 году.

Сюжет повести прост.

К королю свиных туш (так у А.Палея) приходит военный инженер Том Хиггинс.

«Я предлагаю акционерское общество, — сказал он. — Цель — постройка плотины для изменения направления Гольфштрема. Климат Северной Америки изменится в сторону потепления. Расходы окупятся, самое большее, в 3-4 года. Европа, конечно, погибнет».

— Плавать.

Свиной король был прав: Европа уже десять лет ничего не покупала. Она представляла собой союз социалистических государств...

Союз Советских Республик Старого Света, естественно, озабочен агрессивными планами короля свиных туш. А поскольку недавно к советским республикам присоединилась, наконец, Япония, решено было дать простой и решительный ответ этим зарвавшимся жирным американцам. В Женеве собирается заседание ЦИК, там же в рабочем порядке создается Реввоенсовет Старого Света.

Итак, война.

Как всегда в подобного рода произведениях — последняя.

«Необходимо напрячь всю энергию, чтобы уничтожить постройку (плотину, воздвигнутую поперек Гольфштрема, — Г.П.) и раз навсегда сломать военные силы Америки».

Союзником Реввоенсовета Старого Света становится в этом нелегком деле сознательный пролетариат Америки, а победу воздушному флоту приносит некий оранжевый луч, изобретенный неким Владимиром Полевым. Подозреваю, что этот луч несколько раньше изобрел инженер Гарин, но в данном случае это уже не имело значения. Ну, а пролетариат американский действует на земле. «Страшная злоба против угнетателей выросла в сердцах рабочих за тяжелые годы порабощения. Уже раздавались возгласы проклятия и мести. Надо было найти русло, в которое можно было бы направить гнев трудящихся».

Такое русло было найдено — Гольфштрем.

Плотина, поставленная поперек знаменитого теплого течения, была взорвана...

Конечно, не «Фауст» Гете, но проблема хладотехники поставлена хорошо.

Одна за другой выходят в 30-х годах книги рассказов, пьес, повестей, романов, посвященных будущей войне. В.Курочкин — «Мои товарищи», В.Кириш — «Большой день», Я.Кальницкий — «Ипсилон», С.Диковский — «Подсудимые, встаньте!», Н.Борисов — «Четверги мистера Дройда», С.Беляев — «Истребитель 22», наконец, знаменитый роман Н.Шпанова «Первый удар», в одном только 1939 году выдержавший чуть ли не десяток изданий — от массовых до «Библиотеки красного командира». Всеми способами — лучами смерти и жизни, электроорудиями, суперскоростными штурмовиками, шаровыми

молниями и потрясающими воображение танками — враги Советского государства уничтожались в первые же часы войны и, разумеется, на собственной территории.

Известный фантаст Г.Адамов (1886-1945) сам переход знаменитой фантастической подводной лодки «Пионер» («Тайна двух океанов») из Балтийского моря в Тихий океан обосновал реальной необходимостью устроить японцев, слишком к тому времени активизировавшихся. Подразумевалось: появление «Пионера» приведет япошек в трепет. И понятно, переход оказался непрым — диверсанты, шпионы... Не случайно критики не уставали повторять: «Книга должна учить бдительности!»

Душную патристическую атмосферу тех лет хорошо передает небольшая заметка, служившая как бы вступлением к фантастическому рассказу А.Россикина «Неронит», опубликованному до войны в журнале «Вокруг света».

«От неронита нет спасения? — говорит профессор Энрико Марти. — Неправда. Любый член Осоавиахима (а их у нас миллионы) знает, как спастись от удушливого газа. Осоавиахим зорко следит за успехами военной химии за границей. На каждый новый газ мы отвечаем новым противогазом, новым противогазом. И, наконец, исход войны будущего решит не одна только блестяще поставленная техника вооружения. Если нас вызовут на новую бойню, мы противопоставим бронированному кулаку капитализма — стальную солидарность трудящихся всего мира!»

— Сергей Беляев! — сказали мы в голос. — Какая Антология фантастики без Сергея Беляева? Александра Беляева все помнят, Сергей Беляев незаслуженно забыт.

Из детских лет — «Властелин молний»...

На обложке — лицо, странно озаренное отсветом шаровых молний, выкатывающихся прямо на читателя...

О самом С.Беляеве я узнал гораздо позже.

Москвич, родился в 1883 году в семье священника. Перепробовал массу занятий, пел на клиросе, служил в театре. Сотрудничал в РОСТА, закончил Юрьевский университет, никогда не оставляя профессии врача, даже ради литературы. До обращения к фантастике написал в соавторстве с Б.Пильняком полудокументальный роман о боях — «Мясо», до революции издал «Семинарские очерки», после революции — «Записки советского врача», сборник рассказов, кажется, «Пожар», и повесть под интригующим названием «Как Иван Иванович от большевиков бегал».

Известность С.Беляеву принес роман «Радио-мозг», изданный в 1928 году тиражом в 5000 экземпляров. Послесловие к роману написал инженер Б.Кажинский, тот самый Кажинский, что проводил с известным дрессировщиком В.Дуровым опыты над изменением психики животных, тот самый, что послужил прототипом инженера Кажинского в романе другого Беляева — Александра — «Властелин мира». Всегда склонный к игре, жаждавший успеха, автор кое-где переигрывал, но следует отдать должное — роман С.Беляева читался.

Более того, «Радио-мозг» читается и сейчас. При этом он весь — дитя своей эпохи, которая чувствуется во всем: в языке (все эти — «наркомздравовец», «лекпом», «самоук»...), в героях (весьма типичный для тех лет энергичный и преданный коллективному делу инженер Гэз, интеллигентный, а значит не всегда готовый к конкретным действиям доктор Тах, весьма решительный, все понимающий, умеющий разрешить любой конфликт главный начальник химической промышленности Союза Глаголев, наконец, Мишутка, рубаха-парень, самоучка, самостоятельно написавший пролетарскую симфонию для домр...), в интонации, в тональности, в каждой фразе.

«Тах смотрел на залу, заполненную рабочими и работницами.

Перед ним колыбался цветущий луг живой рабочей массы».

Доктор Тах, которому посчастливилось совершить великое открытие, не торопился сообщать о нем людям. Ему хотелось все досконально обдумать, ведь, в конце концов, его открытие было не таким уж безопасным, его открытием вполне могли воспользоваться враги.

«И тогда... проснувшись, он (радио-мозг, — Г.П.) начнет думать... Он начнет прислушиваться к Парижу, Берлину, Копенгагену, все складывать в себе, все, что жалкие дипломаты пытаются утаивать друг от друга. И потом радио-мозг величественно по всему земному шару даст очередную порцию це-волн, которые вопьются в мозги людей, заразят их мыслями... и люди сойдут с ума, истребляя друг друга в последней войне».

Истребляя друг друга в последней войне...

Даже сейчас, перелистывая хрупкие, пожелтевшие от времени газеты и журналы, отчетливо ощущаешь жгучий интерес людей того времени ко всему, что было хоть как-то связано с войной.

«Советская литература, — писал Н.Тихонов в предисловии к своей известной повести «Война», — почему-то избегает разработки таких тем, как наука и война, техника и военное искусство, а между тем в дни усилившейся военной опасности, в дни, когда буржуазные государства вооружаются, обгоняя друг друга в лихорадочном желании увеличить свою боевую мощь, об этом следует вспомнить в литературе...»

Вспомнили...

П.Павленко, Н.Шпанов, А.Горелов, С.Буданцев, Н.Бобров, С.Диковский, В.Курочкин, Б.Лавренев...

Картины масштабных воздушных сражений рисовал в своих фантазиях Георгий Байдуков — Герой Советского Союза, участник перелета через Северный полюс в Америку, совершенного вместе с В.Чкаловым и А.Беляковым. Сами названия его фантазий достаточно откровенны — «Разгром фашистской эскадры», «Последний прорыв»... Николай Автократов в повести «Тайна профессора Макшеева» описывал особые лучи, способные на расстоянии взрывать чужие боеприпасы... Николай Шпанов в «Первом ударе» за несколько часов заставлял фашистскую Германию сложить оружие...

И так далее.

Можно собрать специальный том фантастики, посвященный только войне.

Талантливый, жаждавший известности Сергей Беляев тоже не отмахнулся от горячей темы. В 1939 году он выпустил в свет фантастическую повесть «Истребитель 22». Один из ее героев — Лебедев, очень патристически настроенный летчик, так объяснял: «Давно ли Блерио перелетел через Ламанш? Тогда весь мир взволнованно говорил об этом «чуде». А теперь ни дальние расстояния, ни высокий стратосферный потолок, ни крейсерская скорость порядка 500 километров в час, ни полеты в неблагоприятных метеорологических условиях не удивляют и не смущают советских пилотов и штурманов. Еще в 1934 году советские летчики Громов, Филин и Спирин покрыли без посадки по замкнутой кривой 12711 километров. Летом 1936 года Чкалов, Байдуков и Беляков по Сталинскому маршруту пролетели, в труднейших арктических условиях, без посадки 9374 километра. Эти же трое Героев Советского Союза через год продолжили Сталинский маршрут, открыв кратчайший путь из Москвы в США через Северный полюс. Вскоре Герои Советского Союза Громов, Юмашов и Данилин по той же трассе — через Северный полюс, Канаду и США — пролетели из Москвы до границы Мексики, покрыв по прямой свыше 11000 километров. А замечательный полет Коккинаки?.. С тех пор все важнейшие рекорды авиации, особенно по дальности, высотности и полетам с полезной нагрузкой, крепко держатся в руках советских летчиков...»

С карандашом в руке летчик Лебедев, обводя маршрут своего планируемого необыкновенного полета, заявлял:

«Серьезное предприятие! Но у каждого из нас — своя мечта. Водопьянов мечтал о Северном полюсе, Георгий Байдуков — о кругосветном путешествии через два полюса, а я... Тридцать тысяч километров без посадки — прямо к антиподам... Сначала через всю нашу страну, затем Тихий океан пересечь наискось...»

Понятно, что поддерживает героического летчика: «Крупными шагами Лебедев прошелся по кабинету, распахнул дверь и вышел на балкон. С высоты десятого этажа ему открылась панорама громадного города, окутанного теплым величием весенней ночи. Рубиновые звезды на башнях Кремля красиво выделялись, как путеводные маяки. Лебедев долго смотрел на них, чувствуя, как постепенно приходит к нему удивительная внутренняя успокоенность...»

Проблема хладотехник. в повести была хорошо поставлена.

VI

Помните «Фанданго» А.Грина?

«Посмотрев влево, я увидел, что картина Горшкова на месте.

Это был болотный пейзаж с дымом, снегом, обязательным безотрадным огоньком между елей и парой ворон, летящих от зрителя... С легкой руки Левитана в картинах такого рода предполагается умышленная «идея». Издавна боялся я этих изображений, цель которых, естественно, не могла быть другой, как вызвать мертвящее ощущение пустоты, покорности, бездействия, — в чем предполагался, однако, порыв».

Тенденция, искусственно взращенная критиками, поощряемыми главными идеологами страны, — говорить только о возможном, только о том, что мы можем создать уже чуть ли не сегодня и только своими руками, эта тенденция и привела, в итоге, к такому понятию, как фантастика ближнего прицела.

В самом деле, зачем нам какие-то грядущие миры? Дел хватает и в мире сегодняшнем. Зачем нам безумно дорогие и опасные космические корабли? Зачем нам мертвые, пустые, пронизанные неизвестными излучениями пространства космоса? Не проще ли, не полезнее ли описать новейший сверхсильный, управляемый по радио трактор или нового типа комбайн? Так сказать, машины полей коммунизма... Зачем вообще улетать мечтой в какое-то неопределенное будущее?

В 1958 году, когда над Землей уже описывал круги первый искусственный спутник, на одном из писательских совещаний Георгий Гуревич так отозвался о пресловутой теории фантастики ближнего прицела:

«Сторонники ее призывали держаться ближе к жизни. Ближе понималось не идейно, а формально: ближе во времени, ближе территориально. Призывали фантазировать в пределах пятилетнего плана, держаться на грани возможного, твердо стоять на Земле и не улетать в Космос. С гордостью говорилось о том, что количество космических фантазий у нас сокращается».

И далее:

«По существу, это было литературное самоубийство. У фантастики отбиралось самое сильное ее оружие — удивительность. Понятно, что жизнь опередила таких писателей. Пока мы ползали на грани возможного, создавая рассказы о многолемешных плугах и немнущихся брюках, ученые проектировали атомные электростанции и искусственные спутники...»

Понятно, что и Чернобыль...

Социалистический реализм.

Не метод, не метод... Образ жизни, скорее, образ мышления... Когда человек долго что-то твердит про себя, он и поступать начинает соответственно...

Один мой старший товарищ (назовем его Саша), с юности вхожий в весьма высокие кабинеты, как-то рассказал мне сценку, разыгравшуюся на его глазах.

Он, Саша, сидел в просторном кабинете генсека комсомола (если не ошибаюсь, в конце шестидесятых комсомолом управляли генсеки), курил отличные американские сигареты генсека, слушал острые, очень смешные, хотя и циничные, анекдоты генсека, — прекрасное времяпрепровождение, которое, к сожалению, было прервано секретаршей.

Из солнечного Узбекистана, сообщила секретарша, прибыл некто Хаким, комсомолец-ударник, определенный на учебу в Москву. Есть мнение: данного Хакима обустроить в Москве, чтобы он хорошо изучил жизнь большого комсомола, чтобы он большой опыт привез в родную республику.

— Минут через десять, — кивнул генсек. Он еще не закончил захватывающую серию анекдотов.

Наконец анекдоты были рассказаны, генсек и Саша отсмеялись. Эти придурки едут один за другим, добродушно пожаловался генсек, закуривая хорошую американскую сигарету. Всех в Москву тянет. Но придется Хакима определять — кадры...

Когда Хаким вошел и подобострастно, как и подобает скромному узбекскому комсомольцу-ударнику, скинул скромную бухарскую тубетку, генсек работал. На столе перед ним лежали бумаги, в пепельнице дымила отложенная сигарета... Увидев это, Хаким пал духом: он у генсека, а генсек занят, а генсек думает о судьбах демократической молодежи, а он, Хаким, отнимает у товарища генсека время! Как найти верный правильный подход? Как правильно и верно повести беседу, чтобы Москва не оказалась городом на две недели?..

Наконец, генсек поднял усталые глаза.

Саша видел, он знал — генсеку нечего сказать, вся эта встреча

— пустая формальность, Хакима определил бы в Москве лисбой второстепенный секретарь. Но кем-то было дано указание — комсомольцев из республик пропускать через генсека, это указание механически выполнялось.

В усталых глазах генсека роилось безмыслие. Он сказал, подумав: надо много работать, Хаким. У нас много работают. Мы, комсомольцы, должны служить примером в труде и в быту. Вот ты будешь некоторое время работать в Москве, Хаким. Ты отдашь себе отчет, как много тебе придется работать?

Словосочетание «некоторое время», неопределенное, а потому и опасное, не понравилось Хакиму. К тому же, по восточной своей мудрости Хаким вообще не воспринял прямого смысла произнесенных вслух слов, он искал внутреннего, он искал затаенного смысла, некоей партийной эзотерики, партийной тайны. Он с ума сходил от желания угодить генсеку, гармонично вписаться в строй его мудрых мыслей. Он судорожно искал выигрышный ход.

Мы в солнечном Узбекистане много работаем, ответил он как можно более скромно. У нас славный солнечный комсомол, но нам нужен опыт. Я хочу много работать, много готов я работать тут!

«Тут...»

Некоторое время генсек с сомнением рассматривал Хакима — его круглое доверчивое лицо, его черные широко открытые глаза, по самый верх полные веры в великолепные коммунистические идеалы. Сам дьявол столкнул генсека в тот день с тысячу раз пройденного, тысячу раз опробованного пути. Ни с того, ни с сего, сам себе дивясь, видимо, день выдался такой, генсек вдруг спросил, с трудом подавляя зевоту и понимая, что разговор, собственно, уже кончен:

— Это хорошо, Хаким. Это отлично, что ты будешь работать много. Я верю тебе, так и должно быть.

Обычно после таких слов генсек отдавал надоедавших ему хакимов в руки опытной секретарши, но в этот день, точно, сам дьявол дернул его за язык:

— А над чем, Хаким, ты сейчас работаешь?

Хаким сломался.

Он ждал, чего угодно, только не такого вопроса в лоб. Он держал в голове всю фальшивую статистику солнечного комсомола, какие-то цитаты классиков, интересные яркие факты из богатой и содержательной жизни узбекского солнечного комсомола, но так... Работаешь?.. Какая работа?.. Он в Москве даже выпить еще не успел!.. Но всем комсомольским открытым сердцем Хаким почувствовал — ответить необходимо. От правильного ответа зависела сейчас вся его судьба. Ведь если он неправильно ответит, его могут вернуть в солнечный Узбекистан, а там его могут отправить убирать хлопок, ну и так далее...

Но — работа!.. Что могло означать это слово?..

Терзаясь, Хаким припомнил, что в гостиничном номере на его столе валяется забытая кем-то книга Пришвина — собрание сочинений, том второй; что-то про зайчиков, про солнечные блики, про капелю, ничего антисоветского, запрещенного, легкое все такое... Хаким видел: брови генсека удивленно сдвигаются, взгляд темнеет, молчать было нельзя. Жизнь человеку дается один раз, успел подумать он, и выпалил:

— А сейчас я работаю над вторым томом сочинений товарища Пришвина!

Я же говорил, сам дьявол смешал в тот день карты...

Теперь сломался генсек.

Он ожидал чего угодно. Фальшивой статистики, вранья, жалоб, просьб, ссылок на классику... Но — Пришвин!

У генсека нехорошо заделана спина.

Полгода назад заволом отдела в большом комсомольском хозяйстве генсека работал некий Пришвин. Он, генсек, сам изгнал этого Пришвина из хозяйства — за плохие организационные способности. Это что ж получается? Всего за полгода изгнанный Пришвин сделал карьеру, издал уже второй том сочинений, а ребята генсека все проморгали?.. Что же там вошло во второй том? — не без ревности подумал генсек. Наверное, речи, выступления на активах...

Но в панику генсек не впал. Нет крепостей, которых бы не взяли большевики. Он поднял на Хакима еще более усталый взгляд, дохнул на него ароматным дымом хорошей американской сигареты и, как бы незаинтересованно, как бы давно находясь в курсе дела, понимающе заметил:

— Ну да, второй том... Это хорошо, что ты много работаешь,

Хаким... Это хорошо, что ты работаешь уже над вторым томом... — Генсек шел вброд, на ощупь, пытаясь проникнуть в темную тайну. — У тебя верный взгляд на вещи, Хаким... Но ведь у товарища Пришвина... Но ведь у товарища Пришвина... Ну да, у него, в общем, плохие организационные способности...

Слово было сказано.

Хаким pokrылся испариной. В его смуглой голове сгорела последняя пробка, но спасительную тропу под ногами он нащупал. Он решил погибнуть в этом кабинете, но не сдаться. Наверное, не зря в моем номере оказался том товарища Пришвина, решил он. Подкинули, проверяли бдительность... Мало ли что там зайчики да капель... Это как посмотреть... И за апрельской капелью можно рассмотреть затаенное что-то, страшное... Он, Хаким, теперь много будет работать над классовыми произведениями товарища Пришвина... Правда, и замечание генсека следовало учесть...

— Да! — выдохнул, чуть не падая в обморок Хаким, — организационные способности у товарища Пришвина плохие, но природу пишет хорошо!

Теперь последняя пробка сгорела у генсека.

— Ты прав, Хаким, — с трудом выдавил он, — природу он хорошо пишет... — Генсек в толк не мог взять, при чем тут природа. — Это верно, Хаким, товарищ Пришвин хорошо пишет природу, но вот организационные способности... Вот организационные способности у него плохие...

— Плохие, плохие! — восторженно подтвердил спасенный Хаким.

— Но природу хорошо пишет! — потрясенно согласился спасенный генсек.

Это и есть соцреализм, сказал я, когда мы заговорили с Гацунаевым о методе. Дыхание соцреализма, его глубинные соки глубоко пропитали советскую фантастику. Так глубоко, что сама Антология автоматически получалась Антологией советской соцреалистической фантастики.

«Истребитель 2Z» Сергея Беляева — лучший тому пример.

Первый вариант романа, опубликованный еще в 1928 году («Истребитель 17-Y») был, на мой взгляд, динамичнее. В том первом варианте ощущалась экспрессия, вполне еще здоровый соревновательный дух. Молодость чувствовалась в том варианте! Молодость страны, молодость автора...

Переписывая роман через десять лет (каждый сейчас представляет, что это были за годы), Беляев переписал его именно в духе времени — черные, как ночь, враги, светлые, как майское утро, друзья. Из текста будто специально (вспомним жалобы другого Беляева — Александра) вычеркивались все живые характеристики, образы последовательно заменялись на схемы.

Некто Урландо, изобретатель чудовищных лучей смерти, которыми угрожает молодой Советской стране международный фашизм, ни с того, ни с сего отправляется вдруг прямо в логово врагов, то есть в молодую Советскую страну. Нелегально, конечно. До него дошли слухи, что советские ученые в своих исследованиях пошли вроде бы его путем и добились больших успехов. Претерпев массу безумных приключений, иногда просто нелепых, Урландо выясняет, что советские ученые и впрямь получили удивительные результаты, правда, не в сфере вооружения, а в сельском хозяйстве. Ну, скажем, они построили машину, которая, выйдя в поле, удобряя, выхаживая, засеивая его, сокращает время от посева зерна до жатвы до одних суток!

Даже для 1939 года это звучало несколько вызывающе.

Критик А.Ивич писал: «Доводить замечательные труды Лысенко до такого абсурда, как созревание пшеницы через двадцать четыре часа после посева — значит, невыносимо оплошать серьезное дело!»

Попутно указывалась легко угадываемая зависимость С.Беляева от А.Толстого, иногда даже в мелочах: Урландо — Штопаный нос... В «Гиперболоиде инженера Гарина»: Гастон — Утиный нос...

В финале романа советские бойцы лихо разделялись с ужасной и смертоносной машиной Урландо.

Наука в романе тоже давалась лихо.

«— Что обозначала буква «зет» в ваших формулах?»

Урландо на мгновение заплутал, смолчал, потом быстро ответил:

— Обычно, как принято, «зет» имеет несколько, то есть, я хотел сказать, два значения. В ядерной модели атома,

предложенной Резерфордом, знаком «зет» принято обозначать число отрицательных электронов в электронной оболочке вне ядра атома.

— Это известно, — сухо ответил Груздев. — Принято считать, что ядра всех элементов состоят из протонов и нейтронов, масса ядра обозначается буквой М, а его заряд — буквой Z. Здесь «зет» обозначает количество заряда. Эти два значения мне известны, как и всем. Нас здесь интересует третье значение. Интересует ваше значение «зета» в формулах, начиная с номера шестьдесят семь и дальше.

Сидящий с края большого стола Голованов подтвердил:

— Совершенно верно. Например, формула триста восемьдесят девятая никак не касается внутриатомных реакций.

У Урландо наморщился лоб, и он встряхнул головой, как бы решаясь говорить только правду:

— У меня «зетом» иногда обозначались световые кванты. Мне удалось понять интимный процесс образования материальных частиц из фотонов, о чем так беспомощно рассуждал в начале сороковых годов знаменитый Леккар и за ним школа Фрэддона. Электроны и позитроны не неделимы, как думают...»

Действительно.

Думают всякую ерунду, беспомощно рассуждают... А тут интимный процесс образования материальных частиц...

И все же, все же...

Юрий Долгушин в те годы в сборнике «Война» (Детиздат, 1938) уже печатал отрывки из романа «ГЧ» («Генератор чудес»), в котором физиолог Ридан и инженер-электрик Тунгусов, каждый по-своему, но всерьез искали разрешения загадки жизни и смерти. Если научиться управлять сложнейшими нервными процессами, теми, что непрерывно протекают в человеческом организме, — считали они, — отступит старость, отступят болезни...

Владимир Орловский в романе «Бунт атомов» (1928) весьма впечатляюще описал вполне возможные последствия разложения атома. Невероятный взрыв, никогда прежде не наблюдаемый людьми, разрушенная лаборатория. Адский атомный шарик, вырвавшись на свободу, плывет над городами и полями, все уничтожая на своем пути, даже воздух. Остановить адский шар ничем нельзя, он — материализовавшаяся гибель самой планеты. (Кстати, в начале 50-х ученые действительно опасались того, что взрыв термоядерной бомбы может вызвать цепную реакцию в земной атмосфере). Спасение от атомного адского шарика лишь в одном — вытолкнуть его вон, за земную атмосферу, пусть пылает в космосе эта злобная пародия на карликовое солнце...

Александр Абрамов (1900-1985) в прелестной повести «Гибель шахмат» выводил математическую формулу единственно верного, абсолютно точного шахматного хода...

Как бы учитывался завет М.Горького («О темах», 1933):

«Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиций».

Но писатели уже не могли писать так, как им хотелось, и о том, что их действительно волновало. Наружное давление извращало сам ход их мыслей.

«Атом, как известно, колония электронов, а электрон есть не только физическая категория, но также и биологическая, электрон суть микроб, то есть живое тело, и пусть целая пучина отделяет его от такого животного, как человек, принципиально это одно и то же».

Читателю на рассуждения об атомах и микробах было глубоко наплевать. Читатель хотел проследить судьбы героев. «Если ученые со смыслом да с добросердечностью сложить, — писал тот же Андрей Платонов, — то и в пустыне цветы засияют...»

Рыжие Кызыл-Кумы... Пылевая буря над Бухарой... Морские суда, брошенные посреди пустыни, бывшей когда-то морем... Бездонное фиолетовое небо Азии...

В 1990 году на задней обложке тома романов Сергея Беляева «Властелин молний», выпущенного Издательством литературы и искусства имени Гафура Гуляма (Ташкент), было сообщено:

«В серии «Фантастика, приключения» в ближайшее время выйдет двухтомник «Советская фантастика 20-40-х годов». Том 1 — «Гибель шахмат», Том 2 — «Адское пламя»

Ни одна из указанных книг не вышла.

*Продолжение следует*

## СТАНИСЛАВ ЛЕМ:

## «В КАКОЕ НЕОБЫКНОВЕННОЕ ВРЕМЯ МЫ ЖИВЕМ ТЕПЕРЬ!»

Я давно уже не мальчик, но когда подошел к дому по улице Нарвик на окраине Кракова, чувствовал себя немножко не в своей тарелке и на всякий случай судорожно выкурил две сигареты подряд, благо несколько минут в запасе у меня было. На калитке у дома висело древнего вида объявление: «Осторожно!

Злые собаки!». Я нажал на кнопку звонка, женский голос ответил:

«Открывайте калитку и заходите, я вас встречу». Я зашел. Откуда-то выбежала маленькая собачонка и, захватски лая и дружелюбно повиливая хвостиком, побежала ко мне. Из дома вышла жена хозяина особняка, пани Барбара, мы поздоровались, она проводила меня в

гостиную и попросила подождать минутку. И действительно, через минуту в комнату вошел невысокий человек, приветливо улыбнулся...

Вот так буднично 21 сентября началась моя встреча с всемирно известным польским писателем Станиславом ЛЕМОМ.

У меня не было продуманной линии разговора, все-таки я пришел не брать интервью, а просто поговорить с интересным человеком. Тем более, что пан Станислав сразу же захватил инициативу... Разговор шел на русском языке, который все-таки не является для Лема родным, но я специально не стал слишком причисывать текст, чтобы лучше передать атмосферу разговора...

- Как вы добрались до меня? Не имели больших трудностей?

- Нет-нет. Я по карте посмотрел, все выяснил...

- Вы знаете, мы на самой окраине города ведь живем.

- Но тут зато хорошо, все тихо, надеюсь.

- Да, это очень приятно, потому что город близко... Вы приехали из Москвы?

- Нет.

- А откуда?

- Город Абакан.

- А, да, я знаю. Я помню, вы писали.

- Это Сибирь. Енисей.

- Я понимаю. Ко мне приехали, говорят: «Мы - из Санкт-Петербурга». Я говорю: «Как, вы уже забыли, что Санкт-Петербургом называли город, который назывался Ленинград?» - «А, это было давно, знаете...». Потом из Куйбышева мне звонят: «Хотим приехать, сделать фильм...». Пожалуйста. Потом приезжают, говорят: «Мы из Самары». Я говорю: «Как из Самары? Где же куйбышевы?» - «Это мы, говорят, только название города изменилось теперь!»

О мой Боже! В какое необыкновенное время мы живем теперь! А что теперь творится в Москве, эти бомбы, эти взрывы, война с Кавказом. Очень неприятное время. Я бы сказал, что самым умным человеком Ельцин мне теперь уже не кажется... Я теперь читаю, неохотно, но читаю, что существует так называемая семья вокруг Ельцина, и что какие-то миллионы, миллиарды долларов уходят куда-то в Швейцарию... А вот вчера, да... вчера я читал интервью, которое Лебедь дал... Ну, он - сильный человек, но он сидит далеко от Москвы, там живет, и говорит, что его то, что в Москве, не касается пока. Пока! Потом увидим, что будет. Может быть, что-то интересное.

Я видел вчера, знаете, еще не похороны, а то, что Раиса Горбачева умерла. Такое впечатление, что это было больше происшествие в Германии, чем в России. К ней относятся так совсем холодно, в России...

- Это была первая леди у нас, в России, которая появилась...

- Да, я знаю... Жаль. Знаете, у меня есть спутниковое телевидение, но к сожалению, программы с русского спутника я принимать не могу, могу только английские, немецкие... 25 программ. Говорят, что в Варшаве можно. А у нас это не идет, нет.

Душенко мне присылает толстые журналы, из Москвы. Для меня самое интересное - это не то, что, скажем, стихи, рассказы - беллетристика, а рассказы о том, что действительно было, но тайно. Вот, скажем, воспоминания Сахарова, других людей... Есть прямо противоположные мнения... знаете, пишут о начале немецко-советской войны, и почему Советский Союз имел сначала такие огромные

проигрыши. И очень по-разному вспоминают разные люди, специалисты... А я же только читаю, я не знаю, за кем правда...

Вот, вы удивитесь, наверное, что я в самое последнее время... вы знаете, что я читал? Я читал Симонова стихи:

Солдат устал. Десятый день не спали,

Десятый день шли первые бои.

Когда солдат услышал на привале:

«Друзья мои!»...

Ну, слова, что этот человек... это ведь он о Сталине, с такой любовью, с сердцем...

Да, а Симонова я действительно нашел, когда искал книгу Пушкина... ну, самый большой поэт, конечно: «Я вас любил...» Я знаю довольно много стихов... я не учу их наизусть, просто, когда я читаю и мне нравится, я это запоминаю.

- Пан Станислав, а вот сейчас, в новом издании вашего собрания сочинений, там ваши стихи будут? Ваши стихи?

- Знаете, э... будут! Но только же это было самое начало, мне было 22-23 года... Да, будут... Знаете... издатели вообще, так сказать, насчитали, что будет в общем сорок томов... Изданием моего собрания сочинений занимается польское издательство «Выдавництво литературе» теперь, а Ежи Яжембский пишет послесловия. Они будут издавать лет пять, может шесть. Ну, конечно, я не доживу до конца, потому что у них есть возможность издавать лишь пять названий в год. Если сорок книг... долго... Сорок... да. Я говорю, это слишком. Надо выбрасывать то, что не имеет теперь смысла... такое, второстепенное, третье... какие-то начинания, то, что я делал пятьдесят лет тому назад. Наверное, будут и стихи...

- А кто-нибудь пытался сосчитать, сколько книг Лема вообще вышло в мире?

- Я об этом ничего не знаю. Ну, у меня вышло более тысячи иностранных изданий, общим числом, с повторами. Я лично не в состоянии это все отследить абсолютно. Бог смиловался надо мной и прислал мне молодого человека, секретаря. Он работает несколько дней в неделю. Принимает телефонные звонки, факс, электронную почту...

А сейчас выходит довольно много пиратских изданий. Диких. Вот, скажем, в Белоруссии издали пока три моих книги, «Рассказы о Пирксе»... Какой-то белорус подошел ко мне, когда я где-то подписывал книжки. И он мне показал белорусский перевод «Соляриса». Оттуда я узнал, что так называемая «Мастацкая литература» это в Минске издала... Секретарь взволновался, написал... просил через польское посольство в Минске, чтобы они



по крайней мере обратились к этому, так сказать, дикому издателю, но он... (смеется) директор издательства написал, что ему очень неприятно, но он не был еще в то время директором, когда книги издавались... Я говорю: «Ну вы же отвечаете... по крайней мере, пришлите мне авторские экземпляры!» - «Ну, конечно, конечно!» - И мы так все время факсом, факсом... Факс - в одну сторону, потом - в другую. То же самое с Украиной. Только украинцы еще дали мне... значит, Львовский государственный университет дал мне звание доктора гонорис кауза. Они приехали меня поздравить. Я говорю: «Очень приятно. Прекрасно, но только издают меня, и даже книги, экземпляров не присылают, ничего совершенно». Они сказали: «Ну, мы постараемся». Но ничего не сделали, конечно, ни экземпляров, ни книг, так что... Я не имею никакой возможности узнать: где, кто меня издает.

Отношение «автор - издатель» должно основываться на честности. Честные люди должны быть с одной и с другой стороны. А если кто-нибудь ворует, нет никаких способов. Я, например, знаю, что существуют итальянские издания, которые мне даже не присылает никто. Тот, кто издает таким образом пиратские издания, он не пришлет мне... зачем ему...

Это имеет, конечно, положительную сторону, потому что, как говорят, если книги не представляют никакой товарной ценности на рынке, значит, никто не хочет читать, и не будут издавать. А меня читают, только не хотят присылать экземпляры... не платят... Ничего не поделаешь...

- Нет, но в России-то сейчас...

- Вот издательство «Текст»... Поначалу они хорошо платили за собрание сочинений. А потом... Они остались мне должны более, я не знаю уже, сколько, 4-5 тысяч долларов. Нету денег.

- Так и не заплатили?

- Нет-нет. Только писали: «Мы сожалеем, что мы...» (смеется). Сожаление - это хорошо, но деньги — это лучше. А теперь, знаете...

- Сейчас вот второе собрание выпускается - в издательстве «Эксмо-Пресс».

- Да, «Эксмо»...

- Они платят?

- Скажем, немножко. Я вам приведу такой пример: из немецкого «Плейбоя» заказали мне рассказ. Ну, я написал, знаете, на 15 страниц, не очень большой рассказ, но такой, который подходит им. Они мне заплатили 10 тысяч марок. А потом русский «Плейбой» внезапно обратился... Я им ответил так, точнее, не я, а секретарь мой: «Знаете, Лему до такой степени кажется невероятным, чтобы голые русские женщины...» Я же помню советское время и я помню, какие были у нас нравы... (смех). Хорошо, деньги - не очень важно. Ну ладно. Они будут теперь издавать, переводить... Я говорил об этом с Душенко, но у них собственный переводчик. Я передал все агентские дела, русские, Корженевскому. Душенко сказал мне, что так будет лучше, он будет шевелиться, какие-то деньги выбивать... Ну, может, что-нибудь в будущем случится такого, а пока только остается практически надежда, а денег...

- Понятно.

- Так это выглядит. Но меня издают во многих странах, поэтому я все равно не, так сказать, не живу только на воде с одним хлебом... Это, говорят, нормально. Раз ты известный писатель, так... Сейчас же есть такие воры, которые просто крадут и...

- Мне Ежи Яжембский говорил, что даже с Роттенштейнером (литагент Лема в Европе и Америке. — В.Б.) у вас были недоразумения...

- Какие там недоразумения! Ведь он, знаете, просто начал... он завывал себе процент, насчитал мне фиктивные долги, а себе, значит, просто немножко увеличивал суммы... ну и, когда гонорары приходили к нему из Америки, из Франции, так, он все - себе, себе. Я взял адвоката и подал в суд в Вене. Я проиграл. Потому что мне здешний, польский адвокат сказал, что невозможно выиграть в венском суде против австрийского гражданина. Так я еще остался еще должен за все это... Ну и тогда мы с моим секретарем обратились ко всем издателям в разных странах, в Испании и других, чтобы они мне просто пересылали деньги... Бывает все-таки, что время от времени кто-нибудь пересылает деньги Роттенштейнеру. Он просто берет их себе. Но это еще не все. Сукин сын, понимаете, который издавал книжки, твердил, что Лем - самый лучший писатель в жанре научной фантастики... Теперь он пишет, что он ошибался. 30 лет ошибался... А теперь глаза ему открылись на мою низость. Она в том, что я не хочу, чтобы он меня обворовывал, понимаете... Но я, так сказать, решил так: если кто-нибудь захочет поверить ему, пускай поверит. Но он перестал для меня существовать, как мой личный корреспондент.

Тут еще один нюанс. Знаете, дело в том, что, скажем, с переводчиками с польского на другой славянский язык, на русский, например, не такая огромная проблема, как, скажем, на какой-то финский или даже английский...

В Англии, в Америке, во Франции практически 90 процентов переводчиков - это, скажем, какие-то женщины - польки, которые женились на французах и изучили язык. А у нас, когда переводят, скажем, с немецкого, с английского, это первоклассные специалисты. И таким образом, мне кажется, что наш язык... мы сидим вроде как в яме... для нас трамплин - это немецкий язык. У меня уже семь миллионов тираж книг на немецком, а сколько в России - понятия не имею. [Уже вернувшись домой, я посчитал тиражи переводов Лема на русский. Набралось как минимум 6 млн. экз., и это без учета нескольких изданий 60-70-х годов, у которых не указан тираж, вполне возможно, наберется еще миллион экземпляров. — В.Б.] Потому что, знаете, когда «Текст» начинал издавать первое мое собрание, первый том, второй, третий были по 200 тысяч экземпляров, потом 80 тысяч, потом еще меньше, а потом стал такой ужас...

Знаете, есть такой известный научно-популярный, очень хороший... по моему мнению - самый лучший научно-популярный журнал «Природа». У него было в советское время 80 тысяч тиража, а теперь так мало стало.

А у нас, знаете, во время так называемого социализма вопрос о тираже практически не вставал. Вот только цензура. Нужно было перевалить цензуру, и тогда уже никто не спрашивал, сколько это стоит, потому что никто не знал... Все общество обязательно должно помогать, и никто его не спрашивает. Ни министерство культуры, ни Центральный Комитет и так далее... Ну, а теперь это выглядит по-другому. Издательств у нас, кажется, в Польше 200, может быть, и больше. Но они так: живут в одной комнате - муж, жена, компьютер... Знаете, издадут несколько хороших книг - дело пойдёт, а если нет, так будет конец всему издательству. Так это выглядит. Были такие оптимисты, говорили: «Ну, так, сначала это, конечно, начало капитализма, а потом будет такая рыночная сила, что из маленьких издательств станут большие. Они сольются». Не хочет никто сливаться...

- Не хочет. Наоборот, распадаются.

- Именно. Я так и не знаю, верно ли это, но мне говорили, что очень известный такой международный издатель Бертельсман хотел и в Москве, где-то под Москвой построить, ну... целое отделение свое, чтобы самому издавать книги в России, но получил как бы удар

со стороны русских, которые не хотели, чтобы была конкуренция... ну, это я понимаю... Этот Бертельсман издает меня в Венгрии, в Чехословакии... даже в Польше издавал меня. Но никому я не могу давать исключительные права, чтобы никто другой меня не печатал...

- Пан Станислав, вот Душенко передал для вас сборник афоризмов, которыми он сейчас занимается. Видите, на обложке: «От царя Соломона до Станислава Лема»...

- О! Спасибо! Да. Я вижу, что у вас действительно очень красиво издают... Да. У меня собралась библиотека старых книг, и польских, и русских, которые были изданы за сорок лет существования социалистического строя. Бумаги такой не было, твердых переплетов не было... Правда, все было очень дешево. А все-таки в то время можно было издать книжку тиражом сто тысяч, пятьдесят... А теперь... мою последнюю книжку, «Мегабитовая бомба» называется, продали целых 11 тысяч и говорят - бестселлер! Огромный бестселлер... Какой это бестселлер? Бестселлер - это в прошлое время. Я не говорю, что было только хорошо, двадцать-тридцать лет тому назад... Но не было и со всех сторон плохо. Было хорошее, было и плохое, конечно.

- Я купил «Мегабитовую бомбу», но еще не успел прочесть...

- Это было так. Никакой книги я писать не собирался, а просто бывший редактор польского журнала «Персональ компьютерс» обратился ко мне три года назад с вопросом, могу ли я писать эссе для него. Ну я написал. Одно в месяц. Двенадцать в год. Таким образом потом все собралось вместе... это не было продумано, запланировано... просто писал...

- Все равно это интересно. И эссе из «Тыгодника повшехнего» в сборнике «Дыры в целом»...

- Ну, это было, так сказать...

- Для широкой публики...

- Для народа, да. А специально насчет Интернета... я настроен довольно скептически...

- Я знаю. Статья «Save Internetum»... (*Берегись Интернета!* (лат.). - В.Б.)

- Да. И теперь в ближайший понедельник польское телевидение просит, чтобы я высказал свое мнение. Конечно, во всем мире существует теперь такое большое ускорение... и в космологии, и в информатике тоже... Например, сначала говорили, что Интернет - это просто очень приятная вещь, и говорили очень много... Но нет искусственного интеллекта пока. Но будет. Пока есть провайдер, есть сервер, и броузер, и так далее, и так далее. А теперь американцы пишут уже, как будет выглядеть информационная война.

Что это будет главное оружие. Главное оружие. Конечно...

- Вы знаете, уже начиналось... Вот когда американцы начали бомбить Сербию...

- Знаю, да! Они так делали, что Сербия бросала ракеты туда, где не было никаких самолетов. Конечно, знаю. Я ведь, знаете, кроме «Природы» главным образом читаю научные журналы: «Нью сайентист», «Сайентифик америкен», ах, боже мой, «Сьянс э ви», «Виссеншафт»... Я знаю шесть языков... все эти журналы я покупаю или выписываю... Это такое огромное количество у меня там, наверху, я не в состоянии всего прочесть, я только смотрю, есть ли что-нибудь, так сказать, сногшибательное, совершенно новое...

А позавчера просто какой-то дурак, простите, прислал мне видеокассету, называется «Польское UFO». Значит, существует вроде специальное UFO, которое только над Польшей летает... Я этого видео не буду смотреть, и я думаю, прекрасно, что прислали, а все-таки дураки. Ну

какие там UFO, польские UFO... Это бессмысленно.

У меня огромная нагрузка. Особенно... немножко из России тоже пишут, но главным образом из Германии: «Пришлите нам ваши цветные фотографии савтографом, не одну, а две». Одна для того, кто мне пишет, а вторая - он будет менять... И так далее. Или присылают мне книжки. Одна совершенно сумасшедшая американка прислала огромный ящик, все мои издания в переплете - 25 книг. Это большой вес. Я должен был расписаться на всех... Потом фирма американская приехала, забрали это обратно... Боже сохрани, чтобы это повторялось. Я же не могу заниматься только этим... Когда приходят письма с просьбами... время от времени сердце дрогнет, я должен все-таки дать кому-нибудь автограф, но не всем же. Я не киноактер, не звезда какая-то... Кроме того, не то, что денег, времени бы не хватало на работу, знаете... У меня начался семьдесят девятый год жизни... Я не ребенок какой-то... Ну ладно...

Потом... теперь внезапно организовали международный съезд философов в Кракове. «Пан Станислав, вы обязательно должны там выступить». - «Я же не Философ». - «А все равно, у вас есть философские работы...» Я сказал: «Хорошо». На прошлой неделе приезжают за мной, везут меня в кинотеатр «Киев», там 700 мест, и весь зал полон. И говорят, что я на английском языке должен объясняться... Я даже не знаю, что существует такое количество понимающих английский язык людей в Кракове. Там были, конечно, и довольно известные международные, так сказать, такие светила... Ну ладно...

А то пришел какой-то польский журналист ко мне на прошлой неделе, с таким большим списком вопросов и между прочим говорит: «Почему у вас нет Нобелевской премии?» Я говорю: «Нобелевская премия - это же не зависит от меня!» Вроде, как мне не хочется постараться... хочется и не хочется, никто не спрашивает: «Хотите или не надо?» Сартр не хотел получить Нобелевскую премию. Но это другое дело. Нет, не надо мне никакой Нобелевки, нет! Да...

Главным образом неприятно то, что я... Не то неприятно, что я пока жив, а то, что друзья умирают. Понимаете... Я знаю, что из русских писателей, скажем, Аркадий Стругацкий помер. Борис там один остался. Я где-то читал, что он пишет воспоминания личные, биографические...

- Не совсем. То, что он написал, называется «Комментарии к пройденному». О том, как они писали книги. Я регулярно общаюсь с Борисом Натановичем, и когда написал ему, что еду в Краков и постараюсь встретиться с вами, он просил передать вам привет.

- Да! О, спасибо! А как, насколько вам известно, с книжками Стругацких? Продаются?

- Да, конечно. Ситуация примерно такая же, как и с вашими книгами. Тиражи, правда, небольшие, но книги постоянно переиздаются.

- Я спрашивал потому, что у них были такие трудности, знаете, они были немножко против советской власти. Эта сторона дела уже не такая важная?

- Нет, теперь у нас разрешено все... Если хотите, я попрошу у Бориса Стругацкого файл с его воспоминаниями для вас. Я могу распечатать или прислать файл.

- По факсу?

- Компьютером. Ведь у вас есть интернетовская связь.

- Только тогда, когда работает мой секретарь. Я лично не в состоянии пользоваться...

- Понятно. Я могу прислать или бумажный вариант...

- На каком? На русском?  
- На русском.  
- Я не знаю, можно ли прислать это электронной почтой? Там какие-то сложности с кодировками... Я не знаю.

- Я попробую с вашим секретарем списаться, и мы определим, сможет он получить или нет... Но я могу и просто напечатать. Эти воспоминания публиковались пока только в журнале, сокращенный вариант...

- Я понимаю. Мне даже смешно, но я общаюсь с Корженевским исключительно на английском языке. Почему? Он начал на английском, и мы ему отвечаем на английском. А почему - не знаю.

- Корженевский - сам переводчик с английского.

- Ага.

- Он литературный агент многих американских фантастов.

- Так, я знаю.

- И может быть, просто у него делопроизводство поставлено на английском языке...

- Может быть. Моему секретарю это не мешает, а я... с компьютером я не в состоянии... У меня есть старая пишущая машинка, и хватит с меня. Писать много я не собираюсь, ничего... писать много беллетристического... Другое дело, скажем, что-нибудь там о философии, футурологическое... Сейчас вот думаю о такой книге... она еще не существует, а только в моей голове кружится такая идея, чтобы продолжить «Сумму технологий». Точнее, не совсем продолжение, а чтобы разобраться, что было верно, а что было глупо. И как все переменялось, знаете, вроде как такие ветви расходящиеся. Это может быть интересно, но я еще не нашел человека, с которым я мог бы так работать, чтобы он меня спрашивал, а я бы ему отвечал. Потому что 99 процентов всех людей, которых я знаю, это литераторы, критики, гуманитарии, в общем, и они этим вопросами не очень занимаются, им не очень-то интересно, наверное...

- Пан Станислав, а ваш сын сейчас живет в Америке?

- Нет. Он был в Америке, в Соединенных Штатах, окончил Принстонский университет, вернулся, женился на девушке, у меня уже есть маленькая внучка, ей один год... Он прекрасно изучил английский язык, переводит книжки, разные. Главным образом, с английского. Хотя мы вместе довольно долго жили в Вене, он знает и немецкий...

- Я смотрю, у вас продолжается засилье англо-американских переводов, польской фантастики почти не выходит.

- Да. К сожалению. А те книги, которые теперь издают в Польше, и присуждается новый приз, называется «НИКЕ»... мне они как-то не нравятся. Знаете, если кто-нибудь, как говорят, прошел огонь, воду и медные трубы, все эти оккупации... немецкие и советские... Ну ладно.

Значит, вы приехали из Абакана и будете возвращаться в Абакан?

- Да.

- Кажется, вы должны ведь через Москву ехать?

- Да. Через Варшаву и через Москву.

- Да. Ну, конечно, время очень изменилось... То, что было, уже неважно. Вы бывали иногда в Москве?

- Бываю изредка.

- Метро еще существует?

- Существует.

- Знаете, у нас есть дирекция центральная в Варшаве, есть одна линия, есть дирекция автострад, и не существует ни одного километра метро, еще не в состоянии польское

правительство осуществить этот проект.

Люди безнадежные - сами дураки. Знаете, меня попросили написать что-нибудь на тему об отношениях немцев и поляков. Это было в 93-м году. Я там написал - то, се... а закончил так: соединенная Германия будет окружена нищими всего мира, а Польша станет протекторатом Ватикана, Рима, римского папы. И так оно и есть, действительно. А какая-то дама из Польши, которая сидит в этом институте польском в Германии, написала так: «пессимистические взгляды польского футуролога». Какие там пессимистические? Мне кажется, что это было реалистическим, и так оно и есть.

- Пан Станислав, а вот эту книгу вы помните?

- О! «Диалоги»... Это же было издано так давно... Вы знаете, вот все, что здесь, на первой странице написано, так это они не понимали, никто... издатель даже не понимал, что это все значит, думал, может быть, я немножко с ума сошел, а?

(На титульном листе первого издания «Диалогов» было напечатано следующее: «Об атомном воскрешении, о теории невозможности, о философских концепциях людоедства, о грусти в пробирке, о кибернетическом психоанализе, об электрическом метампсихозе, об обратной связи эволюции, о кибернетической эсхатологии, о индивидуальности электрической сети, о коварстве электромоглов, о вечной жизни в ящике, о конструировании гениев, об эпилепсии капитализма, о машинах для правления, о проектировании общественных систем». — В.Б.)

- Вы знаете, я даже удивился, что нашелся один немец, который удивился: «Как вы смогли здесь написать о механике устройства социалистического общества в то время?» Как-то удалось. Я даже не... когда я писал, я не знал, что это будет издано...

Где вы нашли эту книгу?

- В букинисте... В антиквариате.

- В Кракове?

- Да, вот сейчас.

- Удивительно. В то время, я даже не помню, очень небольшой был тираж... Сейчас посмотрю. Три тысячи! И достаточно посмотреть, что здесь на обложке, как это выглядит, они даже не знали, что нарисовать, о чем эта книга...

Действительно, а все-таки хорошо издаются (берет в руки книгу афоризмов)... Значит, народ имеет деньги, если бы не было денег, то рыночный спрос был бы небольшим.

- Деньги есть... но мало.

- Откуда - неизвестно?

- Все же работают, на двух, на трех работах сейчас...

- Они не понимают, эти самые, разные западники, не понимают. Они думают, они говорят так: «Раз произошел такой развал Советского Союза, настоящего капитализма в России нет, деньги куда-то удирают неизвестно... так...»

Но, Россия все-таки уже не такая огромная, как Советский Союз, а все-таки достаточно большая страна.

- Да, большая. Далеко до вас добираться... Я пытался приехать раньше, но меня не выпустили из Союза...

- Теперь необходимы только три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, деньги, в-третьих, деньги, и...

- И в-четвертых тоже...

Беседовал Владимир БОРИСОВ

## НЕ ВЕРЬ СВОИМ ГЛАЗАМ...

Не верь своим глазам. И ушам не верь, а также осязанию, обонянию и вкусу. Загадочному шестому чувству верить тоже не рекомендуется. И все потому, что реальность, данная нам в ощущениях, — фальшивика. Во всяком случае, именно такой вывод должны сделать здравомыслящие зрители, посмотревшие фильм "Матрица".

"Снился ли тебе когда-нибудь сон, который казался бы до боли реальным? А что если бы ты не смог проснуться и выйти из этого сна? Как бы ты мог понять, какой мир реален, а какой нет?". Гениальный хакер Нео всю жизнь ищет ответ на этот вопрос. Он надеется, что ответить на него ему поможет Морфей — человек-легенда, самый опасный преступник на Земле. Красавица Тринити ведет его в иной мир — подпольный мир, где Нео встречается с Морфеем. Он узнает правду о Матрице — правду, которая стоит гораздо дороже, чем жизнь...

"Матрица", "виртуальная реальность" — наверное, это самые модные нынче слова. Принято говорить о повседневских матрицах, научных матрицах... Матрица — самая общая схема, лежащая в основе чего-либо. По концепции авторов фильма братьев Ларри и Энди Вачовски, можно говорить о всеобщей матрице, лежащей в основе самой действительности. Действительности, которой на самом деле не существует. Ведь по ходу фильма выясняется, что виртуальная реальность и есть настоящая, а настоящая реальность — подделка. В фильме очень много отсылок к кэрролловской "Алисе". Например, один из главных героев — Морфей — говорит другому главному герою — Нео: "Принимь синюю таблетку — проснешься и ничего не будешь помнить. Принимь красную — попадешь в Страну Чудес". Если воспользоваться этим образом, можно сказать, что если все прочие фильмы сезона предлагают нам синие таблетки, то "Матрица" предлагает красную. После этого фильма ваша реальность не останется неизменной.

Речь в картине идет о противостоянии человеческого и искусственного интеллекта. Этакий "Терминатор 3", только "Терминатор" сутобо интеллектуальный. В фильме масса отсылок к культовым литературным произведениям начиная с Библии и кончая романами Уильяма Гибсона. Братья Вачовски всерьез считают, что стоят у истоков новой мифологии. Они пытаются ответить на важные вопросы, в том числе и на Самый Важный Вопрос... Но для того, чтобы найти все ответы, нужно знать ключи...

Первый ключ — само название фильма, точнее, логотип названия (слово плюс его написание) в английском варианте. В английском языке слово Matrix кончается на Икс, и эта буква на всех западных плакатах и афишах к фильму написана заглавной (MatrIX) — тем самым подчеркивается икс как символ загадки, непознанного, каковым, по фильму, является весь мир. Лично у меня этот символ вызывает совершенно неожиданную, но очень приятную ассоциацию с одним моментом в романе Жюль Верна "Мы". В описании главной героини романа — 1-330 — подчеркивается расположение ее бровей, которые похожи на букву Икс и выражают удивление перед миром.

Главного героя фильма зовут Томас. Это отсылка к Библии, к

Фоме Неверующему. Но неверующим — а, скорее, несведущим — герой является только в нашей обычной пошлой реальности. Попадая в Страну Чудес, он приобретает новое имя — Нео. Ведь в виртуальном мире он становится Новым человеком. Кроме того, NEO — анаграмма слова ONE, то есть Один, Единственный, Избранный, избавитель человечества от виртуального морока. Играть Нео Кьяну Ривз — наиболее подходящий актер для этой роли. Кроме очевидных чисто профессиональных достоинств, этот молодой человек наделен особенной внешностью: в ней как бы слились черты всех национальностей и даже черты обоих полов. Есть в нем некая утонченная андрогинность, поймите меня правильно. И в самом деле, ну какая разница, какого пола ваш собеседник, если общаетесь вы в виртуальной реальности? Здесь уместно вспомнить анекдот, распространенный среди интернетчиков: вы понимаете, что вам пора остановиться, когда выясняется, что вы не знаете, какого пола ваши ближайшие друзья, ибо у них нейтральные прозвища, а спросить вам не пришло в голову... Нео — вполне нейтральное имя, которое не раздражает как мужчины, так и женщины, равно как и Тринити — имя главной героини. Третий главный герой зовется Морфеем. Морфей — бог сна в греческой мифологии, но согласно новой мифологии братьев Вачовски он становится богом пробуждения — ведь сон есть реальность, вы не забыли?

Если вы еще не смотрели фильм, вам может показаться, что речь идет об очень мудреной картине. Не бойтесь. Мой девятилетний сын прекрасно все понял. Да и как человек XXI века мог не понять фильм XXI века? Впрочем, картина рассчитана на самых разных зрителей. Здесь уместно вспомнить историю ее создания. Когда братья Вачовски, известные как авторы оригинального боевика "Связь", стали предлагать продюсерам сценарий "Матрицы", никто его не брал, потому что сценарий казался им слишком заумным. Тогда Ларри и Энди попросили знакомого художника нарисовать в виде комикса основные сцены — и тогда продюсерам все стало ясно. Есть, понимаете ли, такие вещи, которые лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать. "Матрица" напичкана роскошными боевыми сценами, драками, погонями и спецэффектами. Если после "Терминатора 2" казалось, что новые спецэффекты невозможно выдумать, то после "Матрицы" начинаешь сомневаться в том, что в этой области возможны прорывы.

Стало общим местом называть "Матрицу" фильмом XXI века. Но что поделать, если это действительно так? Более того, мне кажется, что это не просто какой-то фильм будущего столетия, а совершенно конкретный — "Звездные войны". Как и в первом фильме лугасовских "Звездных войн", финал "Матрицы" — это первая, промежуточная победа, а главные сражения еще впереди. В живых же остаются трое. Эти трое — Люк Скайуокер, Принцесса Лея и Оби-Ван Кеноби нового поколения. Поэтому я ничуть не удивилась, что братья Вачовски приступают к съемкам второй серии трилогии "Матрица", за которой последует и третья.

Юлия БАТАЛИНА

## Там-сям издат

Лукьяненко С. Звездная тень. М., АСТ, «Звездный лабиринт», 1998

Окончание отрецензированного в прошлом номере «Лавки фантастики» романа «Звезды - холодные игрушки». Раннее издание начало. Произведение однозначно коммерческое, хоть и в нем наличествуют доказательства несомненной даровитости автора.

Ничего неожиданного не происходит. Хотя подсознательно ждешь какого-то покаяния новой космологической формулы, переворачивающей с ног на голову все наши представления о мироздании, оригинальной этической концепции или хотя бы парадоксальной сюжетной развязки. Чувствуется, что автор старается нас чем-нибудь похитрить. Например, подселением личности скончавшегося Хрумова-старшего в сознание инопланетянина и острой рефлексией по этому поводу Хрумова-младшего. Но нас, давних и пристрастных читателей ПФ, подобными транскрипциями не поразить. Равно как и не возбудить метафорой девушки Малии, закулаченной потенциальной Джульетты, в терминаторно-кагэбистское имаго, рвущее все концы возможных любовных линий романа. Много всего необычного приключается в «Звездной тени», но каждый раз притворенный автором шок оборачивается зубодробительной банальностью. Вот Петр Хрумов в крошечной схватке отбрасывает ушастых гуманоидов Зерно — зародыш удивительной, связующей пространства и реальности, коммуникационной системы. Однако уделавший синексский бормочет, что без этого Зерна погибнет его родная цивилизация. И Хрумов доблестно возмущается. Поступок! Богатый выбор нетривиальных сюжетных последствий! Но... Зерно раздается — видимо, сдвинутное на то широтой души российского космонавта. Достается и нашим, и нашим.

Промежуточный хэппи энд.

Финальный хэппи энд еще благостнее. Сильные расы принимают слабую Землю в свою могущественную галактическую касту. Сколько не искал, не смог найти убедительной авторской мотивации столь подобострастного жеста со стороны суперсущества, доселе предполагавших стереть нашу бедную планетку в космическую пыль. Одиссея Петра Хрумова сотоварищи ничуть не изменила баланс сил на галактической арене. Но ведь в конце всякой одиссеи героя должен ждать триумф!..

Единственный эпизод, заставляющий подозревать в П.Хрумове нормального человека, а не нарисованного персонажа комикса — это когда командир инопланетного флота предоставляет ему под честное слово невиданную технику, и россиянин слово держит. Его соблазняют: ужасная Россия воспринимает, когда ты вручишь ей запердельно хайтековые сокровища! А П.Хрумов — ни в какую. Его пугают: из-за тебя, дурака, вся земная цивилизация погибнет, отдай сверхоружие конститентным органам! А он остается верен слову, данному крысоподобному негуманоиду, который, может статься, как раз и будет Землю уничтожать. Тут читатель получает редкое право помучиться вместе с героем, поскольку ситуация экзистенциально безвыходна, и никакой предыдущий нравственный опыт не облегчит проблему выбора.

Во всех прочих случаях читатель, которому предлагается сопереживать терзаниям героя, остается отстраненным наблюдателем лично его не касающихся фантастических драм.

И еще: реприманд издательству. Сочинитель аннотации не дал себе труда прочитать роман. И уверяет всех, будто Землю Сильные расы обратили-таки в пыль.

Игорь ЛЕГКОВ

Симмонс Д. «Восход Эндимиона». М., АСТ, 1998, в 2-х томах

Отчего первый «Гиперион» до сих пор входит в первую полусотню фантастики? С чего начиналась история Шрайка?

С тайны.

С тайны, объединившей семь совершенно разных людей в отчаянной жажде невозможного. С историй, каждая из которых могла бы претендовать на «Хьюго». С композиции, делающей честь мастерству автора. С обещаний некоей истины, которая свяжет воедино все эти истории и придаст им высший смысл. И, говоря честно, на этом лучше было бы остановиться. Аналогичная затея у Азимова закончилась хитрым разговором роботов. Хербертовская «Диона» выродилась в шахматную партию

длинной в тысячи лет. Можно было ожидать, что и Симмонс ограничится подобной «мягкой посадкой».

Как бы не так! Я недооценил эпоху, в которую создавался «Эндимион». Эпоху, в которую мыслить дозволено только Интернету (ну, может быть, еще и Биалейтсеу). Симмонс породил действительно НЕЧТО.

Если вы помните, в первом «Гиперионе» содержались намеки на будущее всего симмонсовского мира. То самое, откуда родом некая Монета, то самое, где Кассад сотоварищи истреблял полчища Шрайков. Сюриризм первый: ничего этого не было. Если вы помните, во втором «Гиперионе» велась довольно запутанная дебата с Уммоном, а в его лице - и с Техно-Центром. Уммон много рассказывал о расколе в Техно-Центре, о Богостронтеях, о сотворенном Боге и признавая для него - Шрайке. Сюриризм второй: все это бредня. Если вы помните, там же появились очень положительные Бродяги, едва ли не опередившие по технологии прочую земную империю. Сюриризм третий: автор перебил их за ненадобностью.

Уже неслабо, да? Продолжение, полностью переписывающее первые книги. Интересно узнать, зачем это все понадобилось? Затем, что Симмонс теперь знает, КАК НАДО.

Ошибкой было бы читать «Восход Эндимиона» как произведение фантастики. Это - чистейшей воды мессианство. Это Евангелие эпохи Интернета, это попытка популярного писателя (второе место в номинации на Хьюго прошлого года!) осмыслить современность. Ради этой попытки он изуродовал собственный мир, ради нее он превратил роман в скучнейшее перечисление неотчужденных друг от друга миров и персонажей. И вот Евангелие создано. Отныне мы знаем, как представляют себе будущее передовые американцы нашего времени.

Знаете недавний анекдот? «Из кризиса 17 августа может быть два выхода - фантастический и реальный». Так вот, Симмонс додумался до него аж целый год назад. Его Евангелие гласит, что придут добрые Искины и спасут нас от всех бед. Научат подключаться к Связующей Бездне, телепортироваться и, видимо, пытаться слиятым духом. А лучше всего научат закланианию «Выбери снова!» И благодарное человечество двинется новой светлой дорогой.

«Неужели Симмонс это всерьез?», - думал я сначала. - «Неужели он не видит, что описал всего-навсего последовательную смену трех способов Искинов паразитировать на человеке? Нуль-порталы, крестоформы и теперь - Связующую Бездну? И что к Человечеству эти замены 286-386-486 никак не относятся? И что дупераздирающее сожжение Энеи - всего лишь способ перейти от слота 7 к слоту 1? Неужели он сам не понял, что написал?»

А потом мне стало страшно. Потому что он понял - и тем не менее написал. Симмонс, этот Азимов наших дней, считает это УТОПИЕЙ. Считает лучшим выходом для человечества. Когда нас будут

держат в наших кроличьих клетках не Искины злобные, а Искины добрые. И только за это еще и можно бороться.

Симмонс оказался реалистом: прилетят инопланетяне и всех спасут. Все отличие его книги от нашего анекдота - в том, что инопланетяне спасут всех не бесплатно. Им тоже есть, что с нас взять. Аллилуйя!

Такое ощущение, что Симмонс - прям-таки «зеркало американской революции». Этот человек (и все, кого он представляет) уже настолько привык пользоваться благами технотронной цивилизации, что готов с радостью склониться перед Большим Братом. Готов отдать свои мозги на комплектовку за харч и дзен-медитацию.

А. КАЛАШНИКОВ

Сапковский А. «Башня Ласточки». М., АСТ, «Век дракона», 1998

Никогда не учите других, как надо и как не надо писать! Ничему не научатся, а вот вам - приношу. Вот уже несколько лет наблюдаем мы неравную битву пана Сапковского с его собственной программной статьей «Пируг, или Нет золота в Серых Горах». Изрядно

поиздевавшись над «твердой», чтоб не сказать твердолобой, фэнтези, Сапковский взялся за собственный сериал. Не пожалел своего культивого героя - ведьмака Геральта; не пожалел милой и уютной восточной Европы, так ярко выписанной в первых рассказах. Все до последней строчки было брошено в бой - в бой за новое слово в «хард фэнтези».

И что же, прозвучало оно, новое слово?

Несть числа откликам, твердым - нет! Ничего нового! Опять Пируг, спасающий мир; вот только какой-то вялый, все больше по шее получающий. Но все равно - Пируг, и еще раз Пируг. Как же может быть иначе, ведь уже четыре тома написано!

Сегодня, прочитав четвертый из обещанных пяти романов, я могу с уверенностью сказать: неправда наша! И вовсе не потому, что романы Сапковского неизменно в первых строчках рейтинга (как некогда - романы Желязны в «Локесе») - не он один в этих строчках. Дело в другом. Сапковский сдержал свое обещание: он создал фэнтези без Пируга.

Вспомним, с чего начинается сериал. «Кровь эльфов», злоеущий Риенс в поисках Цири, грозный Пильфгаард, нависший над раздробленной Европой. А единственная защита ребенка-предназначения - ведьмак Геральт, крутой настолько, что поначалу становится жалко всех этих злобных врагов... Остановимся на минуту. Представим себе, каков был бы дальнейший сюжет у признанных мастеров фэнтези. У Джордана на Геральта обрушились бы видения, к нему магическим потянуло бы сподвижников, в нем проснулись бы необоримые магические силы, и в довершение всего на помощь пришла бы отборная ринийская армия, долгие века прятанная в высоких горах. У Гуджайнда Геральт сразу же попался бы Вильгефорду, который пытал бы его один-два тома, в результате чего ведьмак научился бы ментальному контролю и поубивал врагов единым махом. Ну, а у абсолютного большинства фэнтезистов Геральт попросту пошел бы в бесконечный квест, рубя направо и налево, а походы проповедуя примусовства холодной стали перед изменчивой и непредсказуемой магией.

А что же на самом деле? Да, Геральт выступает в поход, желая знать, кто же злоумышляет на его приемную дочь. Но божь мой, как он это делает! Прет напролом, попадает из одной переделки в другую, кружит на одном месте и выясняет, наконец, требуемое, лишь прибегнув к помощи мафии. Словом, ведет себя как самый обычный человек. А вовсе не как былинный богатырь Пируг. Более того. Если в типичной фэнтези главный герой крутит от романа к роману, то Геральт и здесь ведет себя нормально. Получив железной по ног, остается хромым; постарел, теряет реакцию; поменял меч, рубит куда хуже, чем в былые годы. К четвертой книге у читателя даже возникает сомнения - полно, да главный ли герой перед нами? О ведьмаке ли сериал? Может быть, он о Цири - вон, у нее магические способности проснулись, она теперь Владычица Миров?

К черту сомнения! Повторяю: перед нами - анти-Пируг. Да, над миром навис Белый Хлад; да, силы мира сего ополчились против отпрыска Старшей Крови; да, идет война, вполне достойная называться мировой. Но все это - лишь фон, на котором разворачивается личная драма ведьмака Геральта. Ведьмака, который постепенно становится человеком. Кстати, именно эта метаморфоза так не понравилась многим читателям. Да, Геральт из «Крови эльфов» - это совсем не тот ведьмак, который зарабатывал себе репутацию при дворе Фольгеста, и уж тем более не «мясник из Бланкена». Ведьмак больше не волк-одиночка, полагающийся только на свою ловкость да на остроту меча. У него появились Цири, которую он не смог защитить. Он приобрел компанию друзей, способных не только сварить суп, но помочь друг другу в беде. Он понял - не сразу, конечно, за долгие три тома, - что «один человек ни черта не стоит». И в «Башне Ласточки» ведьмак, наконец, прозревает - в критический момент он посылает подалыше свои навязчивые идеи («я ведьмак, я убиваю чудовищ за деньги», «я должен спасти Цири») и бросается на выручку к своим настоящим друзьям. Так умирает ведьмак, чтобы уступить место человеку. И сколько бы он ни кричал «пусть демоны ада примут нас под свое крыло», сколько бы ни грозился странно отомстить, сам не зная за что, - читателю ясно, что это лишь слова. Времена, когда Геральт умел только убивать, давно прошли. Разумеется, читатель, привыкший к Пиругу, пропускает все это мимо глаз. Многим покажется (и уже показалось), что ведьмак в «Башне Ласточки» вообще лишний. Никого не убил, никого не спас, зачем такой герой? Отвечу. Все мы прекрасно знаем, что будет с Пиругом. Но кто скажет мне, чем закончится история ведьмака Геральта?

И пусть в истории этой не будет больше ни подвига (после наирасного истребления эльфийского спецназа на Таннеде невольно задумаешься - да и нужны ли такие подвиги?), ни славы (проще славы соучастника Иешифер по заговору Вильгефорда) - мне все равно будет интересно ее читать.

Браво, пан Сапковский! Так держать!

А. КАЛАШНИКОВ